

5946 / 2 эк.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

В. С. ВОРОБЬЕВ-ДЕСЯТОВСКИЙ

РАЗВИТИЕ
ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ
В ИНДОАРИЙСКИХ
ЯЗЫКАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

В. С. ВОРОБЬЕВ-ДЕСЯТОВСКИЙ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В. С. ВОРОБЬЕВ-ДЕСЯТОВСКИЙ

РАЗВИТИЕ
ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕННИЙ
В ИНДОАРИЙСКИХ
ЯЗЫКАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД

1956

Ответственный редактор
А. В. Десницкая

В. С. ВОРОБЬЕВ-ДЕСЯТОВСКИЙ

Незадолго до выхода этой книги, 2 июля 1956 г., скончался в расцвете творческих сил ее автор — талантливейший представитель младшего поколения советских индологов.

Владимир Святославович Воробьев-Десятовский родился 3 октября 1927 г. Со школьной скамьи в конце 1944 г. он был мобилизован в Советскую Армию и принимал участие в боях за освобождение Румынии, Венгрии и Чехословакии. Демобилизовавшись в 1945 г., он закончил среднее образование и поступил на Восточный факультет Ленинградского университета, избрав своей специальностью индийскую филологию.

Со студенческих лет В. С. Воробьев-Десятовский проявил редкие лингвистические способности, настойчивость и упорство в труде. Он уделил много сил и внимания изучению санскрита, хорошее знание которого впоследствии помогло ему самостоятельно овладеть пали и пракритами. Не ограничиваясь предметами учебного плана, В. С. Воробьев-Десятовский занимался персидским и тамильским языками, овладел тибетским языком. Уже в университете его интересовали вопросы сравнительно-исторического изучения индоарийских языков. Написанная им под руководством академика А. П. Баранникова дипломная работа „Историческое развитие личных местоимений первого и второго лица в языках центральной Индии“ заслужила высокую оценку спе-

циалистов. Его студенческая статья о происхождении личных местоимений была опубликована в „Вестнике Ленинградского университета“.

В Секторе восточных рукописей Института востоковедения АН СССР, где он стал работать с 1951 г., сразу после окончания университета, ему была поручена систематизация и описание многоязычных фондов индийских и центрально-азиатских рукописных памятников. С этими материалами связано большинство научных трудов В. С. Воробьева-Десятовского, наиболее значительным из которых является подготовленное им описание центральноазиатских документов на санскрите, сакском и кучанском языках. В ходе работы над этими документами ему удалось выявить новые, не известные до тех пор в науке фрагменты уникальных произведений. Таким находкам посвящены статьи „Вновь найденные листы рукописей Кашйапапариварты“ и „Новые листы сакской рукописи «Е». (Предварительное сообщение)“. Подготовкой новых листов рукописи „Е“ к опубликованию В. С. Воробьев-Десятовский занимался до самой смерти, но завершить ее не успел. С теми же материалами связана статья „Памятники центральноазиатской письменности“, посвященная нескольким палеографическим и лексикографическим памятникам I тысячелетия н. э. В отдельную группу выделяются работы, касающиеся тибетских документов на дереве из района озера Лоб-Нор.

Вместе с тем В. С. Воробьев-Десятовский не оставлял занятий историей индоарийских языков. Дальнейшее развитие избранной им еще в университете темы привело к созданию предлагаемого читателю монографического исследования. В 1954 г. оно было представлено автором в качестве диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Об интересе В. С. Воробьева-Десятовского к истории индийских языков свидетельствуют также работы „О раннем периоде формирования языков народностей Северной Индии“ и „К вопросу о роли субстрата в развитии индоарийских языков“.

Много труда положил В. С. Воробьев-Десятовский на разыскания, касающиеся первого русского индианиста Г. С. Лебедева. Он выяснил и уточнил забытые детали из жизни и деятельности этого выдающегося путешественника и исследователя.

За пять лет своей научной работы В. С. Воробьев-Десятовский написал ряд научных информаций для ВОКС и Совинформбюро, неоднократно публиковавшихся в Индии. Ему принадлежит около двух десятков статей в Большой Советской Энциклопедии, в том числе такие, как „Индийская па-леография“, „Тибето-бирманские языки“, „Тибетская литература“. Он перевел с санскрита на русский язык драму Шудраки „Глиняная повозка“, снабдив ее предисловием и примечаниями.

В. С. Воробьев-Десятовский принимал участие в подготовке к печати дневников путешествий И. П. Минаева, составил раздел „Древняя Индия“ для хрестоматии по истории Древнего Востока и библиографию к русскому переводу книги С. Чаттерджи и Д. Датта „Древняя индийская философия“.

Одновременно В. С. Воробьев-Десятовский занимался педагогической деятельностью в Университете. Еще в бытность студентом он начал преподавать санскрит на одном из младших курсов, а впоследствии вел теоретический курс грамматики хинди. Он ввел новый курс языка пали, возобновил прервавшееся во время войны преподавание тибетского языка и начал читать введение в тибетанистику.

В. С. Воробьев-Десятовский всегда был неизменно внимательным и чутким к товарищам по работе. У всех, знавших его, он остался в памяти не только как исключительно талантливый, трудолюбивый учёный, но и как скромнейший, обаятельной души человек.

СПИСОК ТРУДОВ В. С. ВОРОБЬЕВА-ДЕСЯТОВСКОГО

Напечатано:

1. Критика теории Н. Я. Марра о происхождении и развитии личных местоимений. Вестн. Лен. унив., 1951, № 11.
2. Коллекция тибетских документов на дереве, собранная С. Е. Маловым. Уч. зап. Инст. востоковед. АН СССР, т. VI, 1953.
3. Тибетский документ на дереве из района озера Лоб-Нор. Эпиграф. Вост., вып. VII, 1953.
4. Тибетские документы на дереве из района озера Лоб-Нор, II. Эпиграф. Вост., вып. VIII, 1953.
5. Заметка по индийской эпиграфике. Эпиграф. Вост., вып. IX, 1954.
6. Собрание индийских рукописей Института востоковедения Академии Наук СССР. Уч. зап. Инст. востоковед. АН СССР, т. IX, 1954.
7. О раннем периоде формирования языков народностей Северной Индии. Вестн. Лен. унив., 1954, № 12.
8. Тибетские документы на дереве из района озера Лоб-Нор, III. Эпиграф. Вост., вып. X, 1955.
9. Новые листы сакской рукописи „Е“. (Предварительное сообщение). Краткие сообщ. Инст. востоковед., XVI, 1955.
10. К вопросу о роли субстрата в развитии индоарийских языков. Сов. востоковед., 1956, № 1.
11. Русский индианист Герасим Степанович Лебедев (1749—1817). „Очерки по истории русского востоковедения“. Сб. 2, 1956.

В печати (статьи и переводы):

12. Памятники центральноазиатской письменности. Уч. зап. Инст. востоковед. АН СССР, т. XVI.
13. О некоторых закономерностях развития указательных местоимений в индоарийских языках. Уч. зап. Инст. востоковед. АН СССР, т. XIII.
14. Шудрака. Глиняная повозка. (Перевод, предисловие и примечания). Гослитиздат.

Подготовлено для печати:

15. Вновь найденные листы рукописей Кашйапапариварты.
16. Описание центральноазиатских рукописей на санскрите, сакском и кучанском языках.
17. Ф. Кильхорн. Грамматика санскрита. (Перевод).

Не закончено:

18. Новые листы сакской рукописи „Е“. (Подготовка к изданию и составление глоссария).
-

ВВЕДЕНИЕ

Индийская группа индоевропейских языков, называемая обычно индоарийской, объединяет в себе ряд близко родственных друг другу языков. Для их сравнительно-исторического изучения имеется ряд благоприятных условий. Это, прежде всего, наличие памятников этих языков начиная со II тысячелетия до н. э. Строй ведического языка, сравнительно хорошо сохраняющего древний индоевропейский грамматический и фонетический облик, получает дополнительное освещение из сравнительной грамматики индоевропейских языков, представляющей хорошо разработанную область науки. Благодаря этому восстанавливаются некоторые черты доведического периода развития индоарийских языков, от которого до нас не дошел ни один памятник, и выясняется происхождение некоторых форм и категорий, неясное из фактов самого ведического языка.

Другим обстоятельством, облегчающим сравнительно-историческое изучение индоарийских языков, является то, что почти все виды индийского письма, которыми записаны языковые памятники с древнейших времен до наших дней, очень близки к фонетической транскрипции. В связи с этим фонетический облик отмерших ныне форм устанавливается точно.

Важное значение имеет также и многообразие языкового материала по различным местностям Индии, который начиная со второй половины I тысячелетия до н. э. сохранился в различных письменных памятниках. Многие из них могут быть довольно определенно датированы и локализованы. Наконец,

ценный материал для сравнительно-исторического изучения индоарийских языков дает капитальный лингвистический обзор Индии под редакцией Дж. А. Гирсона, в котором содержится описание всех индоарийских языков современной Индии и их многочисленных диалектов.¹

Все это говорит о том, что индоарийские языки дают обширный материал для сравнительно-исторического изучения развития в них различных грамматических и лексических категорий. Результаты такого изучения представляют большой интерес как для индийской филологии, так и для общего языкознания. Между тем область эта разработана еще недостаточно, и многое в развитии индоарийских языков еще не исследовано.²

В связи с этим мы, по совету нашего покойного учителя акад. А. П. Баранникова, решили проследить развитие личных местоимений в индоарийских языках с древнейших памятников до настоящего времени и выяснить основные закономерности этого развития.

В индологической литературе не имеется аналогичной по содержанию работы. Общее историческое развитие личных местоимений рассмотрено только в соответствующих разделах сравнительных грамматик индоарийских языков Дж. Бимса,³ Р. Хёрнле⁴ и Ж. Блока.⁵ В двух первых грамматиках, издан-

¹ G. A. Grierson. *Linguistic Survey of India*, I, V—IX. Calcutta, 1903—1928.

² Общую характеристику сравнительно-исторического изучения индоарийских языков см.: А. П. Баранников. *Элементы сравнительно-исторического метода в индологической лингвистической традиции*. *Вопр. языкозн.*, 1952, № 2, стр. 44—61.

³ J. Beames. *A Comparative Grammar of the Modern Aryan Languages of India: to wit, Hindi, Panjabi, Sindhi, Gujarati, Marathi, Oriya and Bengali*, I—III. London, 1872—1879 (о личных местоимениях см. т. II, 1875, стр. 301—314).

⁴ R. Hoernle. *A Comparative Grammar of the Gaudian Languages, with Special Reference to the Eastern Hindi*. London, 1880 (о личных местоимениях см. стр. 273—284).

⁵ J. Bloch. *L'Indo-Aryen du Veda aux temps modernes*. Paris, 1934 (о личных местоимениях см. стр. 125—127, 145—147, 189—195).

ных во второй половине XIX в., не использовано много среднеиндийских и новоиндийских языковых фактов, так как большое количество памятников среднеиндийских языков и описания ряда новоиндийских языков и их диалектов в то время не были еще опубликованы.

Так, в двух названных сравнительных грамматиках среднеиндийские языковые факты почерпнуты в основном из пракритских грамматик древних и средневековых индийских авторов: Вараручи Катьяяны, Хемачандры и др. Такие памятники, как надписи Ашоки, тексты на северозападном пракрите и др., не использованы при их составлении. В грамматике Дж. Бимса из новоиндийских языков рассматриваются только семь, указанных в заголовке. Диалектов он почти не учитывает. Большее количество языков привлечено в грамматике Р. Хёрнле. Используются и данные некоторых диалектов. Однако ему, как и Дж. Бимсу, оставались неизвестными факты ряда индоарийских языков и очень многих их диалектов.

С точки зрения метода исследования языковых фактов эти две грамматики имеют один и тот же основной недостаток, отмечавшийся Дж. А. Грирсоном¹ и акад. А. П. Баранниковым.² Авторы обеих грамматик стараются вывести все явления современных индоарийских языков из санскрита, упуская из вида, что в его основе лежит только один из диалектов древнеиндийского языка. Мало внимания уделяют они и среднеиндийским языкам. Оба автора переняли этот недостаток из использованных ими пракритских грамматик, написанных в древней и средневековой Индии.

Книга Ж. Блока построена на более обширном материале, и указанный недочет не свойствен ей. Но она содержит лишь очень краткое изложение общего развития форм личных местоимений и отдельные замечания по частным вопросам. Развитие личных местоимений в индоарийских языках в этой

¹ G. A. Grierson. On the Phonology of the Modern Indo-Aryan Vernaculars. Zeitschr. der Deutsch. Morgenländ. Gesellsch., 1895, B. 49, стр. 395.

² А. П. Баранников, ук. соч., стр. 55.

книге изложено всего лишь на 10 страницах, из которых 2 посвящены древнеиндийским личным местоимениям, 2 — среднеиндийским и 6 — новоиндийским.

Несмотря на указанные недостатки и неполноту, приведенные работы положили начало сравнительно-историческому изучению индоарийских языков и поэтому широко использованы в настоящей монографии.

Имеется также ряд работ по развитию индоарийских языков в отдельные периоды. Наиболее разработанными являются древнеиндийские языки. Их изучение с частичным применением сравнительного метода началось еще в древней Индии. Древнейшим и наиболее известным памятником индийской грамматической традиции является „Аштадхьяи“ (Aṣṭādhyāyī — „Восемь чтений“) знаменитого Панини, жившего, как полагают, в V в. до н. э.¹ Произведение Панини было не первым сочинением такого рода. Он называет ряд имен своих предшественников, труды которых до нас не дошли.

В произведении Панини с предельной сжатостью излагается весь грамматический строй санскрита и приводится ряд правил ведического языка. По своему построению грамматика Панини является нормативной, и местоимения первых двух лиц рассматриваются в ней лишь постольку, поскольку их морфология отличается от морфологии других местоимений и имен. В ней даются также синтаксические правила употребления энклитических форм личных местоимений.

Важным дополнением к грамматике Панини является „Махабхашья“ (Mahābhāṣya „Великий комментарий“), написанный Патанджали (Patañjali), вероятно, во II в. до н. э.² В этом комментарии сохранилась в виде цитат часть более старого

¹ Pāṇini's Grammatik herausgegeben, übersetzt, erläutert und mit verschiedenen Indices versehen von Otto Böhtlingk. Leipzig, 1887 (личные местоимения 4, 3, 1; их склонение 7, 1, 27 и сл., 7, 2, 86 и сл. Энклитики 8, 1, 26 и сл.).

² F. Kielhorn. The Vyākaraṇa-Mahābhāṣya of Patañjali, I—III. Bombay Sanscrit Series 18—22, 26, 28—30, Bombay, 1880—1885 (критическое издание текста).

комментария на грамматику Панини, принадлежащего Катьяяне.¹

В „Махабхаше“ Патанджали содержится развернутый критический комментарий сочинения Панини, в котором отдельные грамматические вопросы рассматриваются подробно и с привлечением большого языкового материала. Грамматика Панини и указанный комментарий представляют большую ценность, так как в них наиболее полно отражены результаты длительного развития санскритской грамматической традиции, протекавшего в то время, когда санскрит мало отличался от живого разговорного языка.

Позднейшая индийская санскритская грамматическая литература, представленная большим количеством сочинений, имеет уже значительно меньший интерес, потому что в ней отсутствуют новые наблюдения над дальнейшим развитием языка, а только различными методами излагается тот языковый материал, который использован в сочинениях Панини и Патанджали.² То же можно сказать и о первых европейских грамматиках санскрита. Они использовали материал какого-либо одного индийского санскритского грамматического сочинения и излагали его согласно методам классической европейской грамматики.³

В дальнейшем, в связи с развитием в Европе сравнительно-исторического метода и изучением древнеиндийских языковых памятников, исследование грамматического строя санскрита делает быстрые успехи. Об этом свидетельствует уже грамматика Ф. Боппа.⁴ В то же время начинают появляться от-

¹ F. Kielhorn. *Kātyāyana and Patañjali, their Relation to each other and to Pāṇini*. Bombay, 1876.

² Обзор развития позднейшей санскритской грамматической традиции см.: M. Winternitz. *Geschichte der indischen Litteratur*, III. Leipzig, 1922, стр. 392—403.

³ Ср. первую санскритскую грамматику: Ch. Wilkins. *Grammar of the Sanskrit Language*. London, 1808 (о личных местоимениях см. стр. 116—117).

⁴ F. Bopp. *Kritische Grammatik der Sanskrita-Sprache in kürzerer Fassung*. 3 Ausg., Berlin, 1863 (о личных местоимениях см. § 241).

дельные исследования, посвященные личным местоимениям в санскрите.

Одним из первых таких исследований была изданная в Петербурге в 1869 г. книга В. И. Шерцля.¹ В ней привлечен для сравнения значительный материал других индоевропейских языков, однако В. И. Шерцль, как и авторы других современных ему работ аналогичного содержания, считает одной из главных задач своего исследования выяснение этимологии личных местоимений, используя для этой цели также данные языков, не входящих в индоевропейскую семью. Эта книга подверглась справедливой критике со стороны П. И. Лерха, написавшего рецензию на нее.² П. И. Лерх показал недоказуемость этимологических гипотез В. И. Шерцля и резко осудил использование при этимологических сравнениях данных из языков других семей. Однако весьма показательным для развития научной мысли того времени было то, что сам П. И. Лерх не признавал недоказуемости и, следовательно, бесплодности построения аналогичных гипотез, относящихся к этимологии личных местоимений в индоевропейских языках на основании известных в то время фактов. Он включил в свою рецензию сводку всех имевшихся тогда гипотез по этимологии личных местоимений, созданных Ф. Боппом и другими крупными языковедами, охарактеризовав их как положительные достижения науки.

В последующие годы бесполезность построения таких этимологических гипотез была осознана, и они исчезли из научных работ.

Результаты изучения древнеиндийских личных местоимений публиковались как в виде отдельных статей, так и в сводных работах по грамматике древнеиндийского языка. Из последних наибольший интерес представляют грамматики

¹ В. И. Шерцль. Личные местоимения в санскритском языке и сродные им формы. СПб., 1869.

² Журн. Мин. нар. просв., 1869, ч. CXLVIII, отд. 2, стр. 155—213.

В. Д. Витнея¹ и Я. Вакернагеля,² посвященные ведическому языку и санскриту. Сводку форм ведического языка дает грамматика А. Макдонэлла.³ Материал индийской грамматической традиции по санскриту с учетом норм классического языка обобщен в грамматике Ф. Кильхорна.⁴ Особенности эпического санскрита посвящена работа А. Хольцманна, являющаяся дополнением к грамматике В. Д. Витнея.⁵ Санскрит ранних буддийских текстов, находящийся под сильным влиянием среднеиндийских языков, рассмотрен в грамматике Ф. Эджертон.⁶

Синтаксис ведического языка и санскрита получили освещение в работе В. И. Шерцля.⁷ Синтаксис ведического языка изложен наиболее полно в книге Б. Дельбрюка.⁸ Ценным дополнением к ней является работа И. Шпайера,⁹ в которой рассматривается и санскритский синтаксис. По классическому санскриту обширнейший синтаксический материал содержится в учебнике санскритской стилистики В. Апте.¹⁰

Другие работы общего характера и специальные исследования, посвященные древнеиндийским личным местоимениям,

¹ W. D. Whitney. Indische Grammatik, umfassend die klassische Sprache und die älteren Dialecte. Leipzig, 1879 (о личных местоимениях см. §§ 491—494).

² J. Wackernagel. Altindische Grammatik, I—III. Göttingen, 1896—1930 (личные местоимения рассматриваются в т. III, ч. 2).

³ A. A. Macdonell. Vedic Grammar. Strassburg, 1910 (о личных местоимениях см. § 391).

⁴ F. Kielhorn. A. Grammar of the Sanskrit Language. Ed. 5, Bombay, 1912 (о личных местоимениях см. §§ 177, 178).

⁵ A. Holzmann. Grammatisches aus Mahābhārata. Leipzig, 1884 (о личных местоимениях см. стр. 15).

⁶ F. Edgerton. Buddhist Hybrid Sanskrit Grammar and Dictionary, I—II. New Haven, 1953 (о личных местоимениях см. стр. 108—113).

⁷ В. И. Шерцль. Синтаксис древнеиндийского языка. Харьков, 1883.

⁸ B. Delbrück. Altindische Syntax. Halle, 1888 (о личных местоимениях см. стр. 204—207).

⁹ J. S. Speyer. Vedische und Sanskrit-Syntax. Strassburg, 1896 (о личных местоимениях см. §§ 124—126).

¹⁰ V. Sh. Apte. The Student's Guide to Sanskrit Composition. Ed. 9, Bombay, 1922 (о личных местоимениях см. стр. 86—87).

использованные при написании настоящей монографии, приводятся в подстрочных примечаниях, где указаны также и использованные работы по сравнительной грамматике индоевропейских языков, содержащие материал по древнеиндийским личным местоимениям.

Из среднеиндийских языков наиболее слабо изучены ранние пракриты. До сих пор не создана их сравнительная грамматика. Объясняется это как небольшим количеством письменных памятников на некоторых из этих языков, так и тем, что их лингвистическое изучение началось сравнительно недавно.

Наиболее исследованным из ранних среднеиндийских языков является язык пали. Его изучение началось в самой Индии еще в I тысячелетии н. э. и продолжалось затем на Цейлоне, в Бирме и Сиаме. На палийские грамматические школы сильное влияние оказала более развитая в то время санскритская грамматическая традиция. Это обстоятельство, с одной стороны, способствовало развитию палийской грамматической традиции, но, с другой, отвлекало внимание палийских грамматиков от явлений, отсутствующих в санскрите и составляющих особенности языка пали.

Наиболее древней дошедшей до нас палийской грамматикой является „Каччаяннаппакарана“ (Kaccāyanaṇṇapaṇṇakaṇṇa „Грамматика Каччаяны“).¹ Во II тысячелетии н. э. на эту грамматику было написано много комментариев и сделан ряд ее обработок, составивших особую грамматическую школу. Одной из самых удачных переработок этой грамматики является „Рупасиддхи“ (Rūpasiddhi), созданная в XII в. н. э. Буддхаппией Дипанкарой (Buddhappiya Dīpaṇkara). На материале этого сочинения И. П. Минаевым написана грамматика языка пали, сыгравшая значительную роль в изучении этого языка.²

¹ E. Senart. Grammaire Pālie de Kaccāyana, sūtras et comm., publié avec une traduction et les notes. Journ. Asiat., 6 ser., XVII, Paris, 1871, стр. 193 и далее, стр. 361 и далее.

² И. П. Минаев. Очерк фонетики и морфологии языка пали. СПб., 1872 (о личных местоимениях см. стр. 43—44). Грамматика эта была пере-

Другая палийская грамматическая школа была основана Тхерой Моггаланой (Thera Moggalāna), жившим в XII в. н. э. и написавшим грамматику „Саддалаккхана“ (Saddalakkhaṇa). В последующий период было составлено большое количество палийских грамматик, примыкавших либо к школе Каччаяны, либо к школе Моггаланы. Обзор всей основной литературы, созданной палийской грамматической традицией, составлен О. Франке.¹

Следует отметить, что языковой материал, содержащийся в этой литературе, почерпнут из текстов палийского канона, а также и более поздних литературных произведений. И те и другие доступны в настоящее время. Поэтому изучение этих текстов значительно дополняет данные, добытые местной палийской грамматической традицией, а сравнение палийских языковых фактов с санскритскими, отсутствовавшее в этой традиции, позволяет создать историческую грамматику языка пали. Грамматики такого типа создавались в Европе. К ним относится упомянутая грамматика И. П. Минаева. Наиболее совершенной из них является грамматика В. Гайгера.²

Из других ранних среднеиндийских языков внимание исследователей привлекали в наибольшей мере пракриты надписей Ашоки. Их текст издавался неоднократно с грамматическими

ведена на французский язык: J. Minaye ff. *Grammaire palie. Esquis d'une phonetique et d'une morphologie de la langue palie. Traduite du russe par Stanislas Guyard. Paris, 1874.* Затем в Бирме был издан ее английский перевод, употреблявшийся в качестве учебного пособия в этой стране, где традиция изучения языка пали имеет многовековую давность: J. Minaye ff. *Pali Grammar. A Phonetic and Morphological Sketch of the Pali Language. With an introductory Essay on its form. Rendered into English from the French and rearranged with some modifications and additions for the use of English students by Ch. G. Adams. Maulmain, 1882.*

¹ O. Franke. *Geschichte und Kritik der einheimischen Pali-Grammatik und Lexikographie.* Strassburg, 1902.

² W. Geiger. *Pāli Literatur und Sprache.* Strassburg, 1916 (о личных местоимениях см. стр. 95).

очерками.¹ В последнее время появилось исследование их языка.² Северозападный пракрит известен из двух надписей Ашоки, одной рукописи письма кхароштии и документов этого письма из Восточного Туркестана. В сравнительно-историческом плане изучен он мало, хотя почти все сохранившиеся тексты на нем изданы.³

Письменные памятники раннего среднеиндийского языка, на котором первоначально составлялся буддийский канон, не дошли до нас. Сейчас, однако, начата работа по восстановлению фонетического и морфологического облика этого языка на основании пракритизмов в буддийских сутрах, дошедших до нас в санскритских переводах.⁴

Праkritы более поздних индийских надписей привлекали внимание языковедов, занимающихся историей индийских языков, в значительно большей степени.⁵ Заслуга создания срав-

¹ E. Senart. Les inscriptions de Piyadasi, I—II. Paris, 1881—1886; A. C. Woolner. Asoka Text and Glossary, I—II. Lahore, 1924 (о личных местоимениях см. ч. I, стр. XXXII); E. W. Hultzsch. Inscriptions of Asoka. Oxford, 1925; Srinivasamurti, A. N. K. Aiyangar. The Edicts of Asoka. (Priyadarśin). Madras, 1951; Jules Bloch. Les inscriptions d'Asoka. Paris, 1951.

² M. A. Mehendale. Asokan Inscriptions in India (A Linguistic Study, together with an Exhaustive Bibliography). Bombay, 1948. В этой работе содержится обширная библиография по вопросу о надписях Ашоки и их языке.

³ С. Ф. Ольденбург. Предварительная заметка о буддийской рукописи, написанной письменами kharoṣṭhī. СПб., 1897; E. Senart. Le manuscrit kharoṣṭhī du Dhammapada. Les fragments Dutreuil de Rhins. Paris, 1898. (Extrait du Journal Asiatique, 9 ser., XIII, 1898, стр. 193—308); A. M. Boyer, E. J. Rapson, E. Senart and P. S. Noble. Kharoṣṭhī Inscriptions Discovered by Sir Aurel Stein in Chinese Turkestan, I—III. Oxford, 1920—1929; Sten Konow. Kharoṣṭhī Inscriptions with the Exception of those of Asoka. Oxford, 1929; T. Burrow. The Dialectal Position of the Niya Prakrit. Bull. of the School of Orient. Stud., VIII, London, 1936, стр. 419—435; The Language of the kharoṣṭhī Documents from Chinese Turkestan. Cambridge, 1934 (о личных местоимениях см. стр. 32—33).

⁴ H. Lüders. Beobachtungen über die Sprache des buddhistischen Urkanons. Aus dem Nachlass herausgegeben von E. Waldschmidt. Berlin, 1954.

⁵ Cp. O. Franke. Pāli und Sanskrit in ihrem historischen und geographischen Verhältnis auf Grund der Inschriften und Münzen dargestellt. Strassburg, 1902.

нительно-исторической грамматики этих пракритов принадлежит индийскому ученому М. А. Мехендале.¹

Ранние драматические пракриты, известные по фрагментам рукописей санскритских драм I в. н. э., найденным в Восточном Туркестане, дают очень ценный, хотя и крайне отрывочный материал.² Они являются звеном, связующим ранние среднеиндийские языки с собственно пракритами.

Пракриты, широко употреблявшиеся в классической санскритской драме, стали изучаться индийской грамматической традицией в I тысячелетии н. э. Уже тогда было установлено, что эти языки являются дальнейшим развитием санскрита. Пракриты стали описываться в Индии в сравнительном или сопоставительном плане, причем приводились санскритские слова и формы, из которых развились пракритские. Пракритские грамматики являются, таким образом, первыми произведениями, содержащими в зачаточном виде сравнительно-исторический метод. Они представляют большую ценность также и потому, что часть из них составлялась в то время, когда пракриты были еще живыми языками. Авторы этих грамматик располагали и такими письменными памятниками на пракритах, которые не сохранились до нашего времени. Благодаря этому указанные грамматики сохранили целый ряд среднеиндийских языковых фактов, не известных из других источников, что значительно расширяет наши знания в области среднеиндийских языков. Однако следует отметить, что некоторые формы, сообщаемые в пракритских грамматиках, возможно, не существовали в реальном языке, а возникли благодаря ошибкам переписчиков рукописей этих грамматик или увлечению их авторов фонетической и грамматической схематиза-

¹ M. A. Mehendale. *Historical Grammar of Inscriptional Prakrits*. Deccan College, Dissertation Series 3. Poona, 1948.

² H. Lüders. *Bruchstücke buddhistischer Dramen*. Königlich-Preussische Turfan-Expedition. *Kleinere Sanskrit-Texte*, I, Berlin, 1911; *Das Śāriputraprakaraṇa, ein Drama des Aśvaghōṣa*. *Sitzungsber. der Königl.-Preuss. Akad. der Wissensch.* (Philosoph.-histor. Classe), XVII, Berlin, 1911, стр. 388—411 и 2 таблицы.

цией. Поэтому материал этих грамматик должен использоваться критически.

Одной из наиболее древних грамматик пракритов является Пракритапракаша (Prākṛtaprakāśa), написанная Вараручи Катьяяной.¹

Отождествление ее автора с одноименным комментатором грамматики Панини было одно время общепринятым. Ныне оно должно быть признано неверным, так как пракриты найденных в Восточном Туркестане рукописей буддийских драм I в. н. э. гораздо архаичнее пракритов, фонетика и грамматика которых описана Вараручи Катьяяной. Поэтому ее автором не мог быть комментатор Панини, живший до нашей эры.

Вараручи Катьяяна, написавший пракритскую грамматику, жил, вероятно, в середине I тысячелетия н. э. В его грамматике рассматриваются в сравнительном плане фонетика и морфология четырех пракритов: махараштри, пайшачи, магадхи и шаурасени.

Наиболее ценной пракритской грамматикой является грамматика Хемачандры,² входящая в виде восьмого раздела в его санскритскую грамматику „Сиддхахемачандра“ (Siddhahemacandra). Жил Хемачандра в XI в. н. э. Помимо собственно пракритов он рассматривает и западный апабхрамша — поздний среднеиндийский язык, служащий переходной ступенью к новиндийским языкам. Существует еще несколько пракритских грамматик, представляющих меньший интерес. Наиболее старой из них является „Пракриталакшана“ (Prākṛtalakṣaṇa). Время жизни ее автора Чанды (Caṇḍa) до сих пор не установлено.³ Осталь-

¹ E. B. Cowell. The Prākṛtaprakāśa: or, the Prakrit Grammar of Vararuci, with the Commentary (Manoramā) of Bhamaha. The First Complete Edition with Notes and English Translation. Ed. 2, London, 1868 (о личных местоимениях см. 6, 26—53; 11, 9; 12, 25).

² R. Pischel. Hemacandra's Grammatik der Prakritsprachen (Siddhahemacandram Adhyāya VIII), herausgegeben, übersetzt und erläutert, I—II. Halle, 1877—1880 (о личных местоимениях см. стр. 3, 90—104).

³ R. Hoernle. The Prākṛita-Lakṣaṇam, or Caṇḍa's Grammar of the Ancient (Arsha) Prākṛit, Part I, Text with a critical introduction and indexes. Calcutta, 1880.

ные сочинения такого рода рассмотрены во вступительной части грамматики Р. Пишеля.

Сопоставление данных индийских пракритских грамматик с сохранившимися текстами на этих языках было предпринято в Европе с самого начала изучения пракритов. Так была создана первая европейская грамматика пракритов Х. Лассена.¹ В дальнейшем появились и другие работы, построенные преимущественно на материале пракритских текстов. Среди них особую ценность представляет грамматический очерк джайна-махараштри, составленный Х. Якоби и изданный в его хрестоматии текстов на этом языке.² Наиболее полной по количеству рассматриваемого материала является сравнительная грамматика пракритов Р. Пишеля.³ В ней сведены все данные индийских пракритских грамматик, использован материал большого количества пракритских текстов и учтены все работы по частным вопросам, вышедшим к моменту написания этой книги. Грамматика эта и по сей день сохраняет свое значение.

Сравнительно-историческое изучение среднеиндийских языков развивается и в самой Индии. Об этом свидетельствует наиболее новая сравнительная грамматика среднеиндийских языков, автором которой является индийский ученый С. Сен.⁴

Хуже до сих пор обстояло дело с изучением поздних среднеиндийских языков — апабхрамша, хотя они имеют очень большое значение для сравнительно-исторического изучения индоарийских языков, так как в них наблюдается переход от средне-

¹ Ch. Lassen. *Institutiones linguae pracriticae*. Bonnae ad Rhenum, 1837 (о личных местоимениях см. стр. 328—332).

² H. Jakob i. *Ausgewählte Erzählungen in Mahārāṣṭrī*. Leipzig, 1886 (о личных местоимениях см. стр. XXXIX). Ср. также: R. Schmidt. *Elementarbuch der Śaurasēnī mit Vergleichung der Mahārāṣṭrī und Māgadhī*. Hanover, 1924.

³ R. Pischel. *Grammatik der Prakrit-Sprachen*. Strassburg, 1900 (о личных местоимениях см. стр. 252—298). К этой грамматике индекс издан отдельно: M. de Zilva Wiekremasinghe. *Index of all the Prakrit Words occurring in Pischel's „Grammatik der Prakrit-Sprachen“*. Appendix to the Indian Antiquary, XXXIV—XXXVIII. Bombay, 1905—1909.

⁴ S. Sen. *Comparative Grammar of Middle Indo-Aryan*. Indian Linguistics, XII и др.

индийского периода развития индоарийских языков к новоиндийскому. До недавнего времени систематическое изложение части языкового материала апабхрамша содержалось только в указанной грамматике Р. Пишеля. Остальные работы по этим языкам представляли исследования частных вопросов.¹ В настоящее время этот пробел в значительной мере восполнен сравнительно-исторический грамматикой Г. В. Тагаре, построенной на памятниках V—XII вв. н. э. западного, южного и восточного апабхрамша.²

По новоиндийскому периоду общая историко-сравнительная литература исчерпывается приведенными выше (стр. 5) трудами Дж. Бимса, Р. Хёрнле и Ж. Блока. Грамматик и частных исследований по некоторым отдельным новоиндийским языкам немало. Их библиография приводится в указанном выше лингвистическом обзоре Индии Дж. А. Гирсона (стр. 4). Из них, а также из позднейших работ наибольший интерес для темы настоящей монографии представляют исторические грамматики языков: синдхи — Э. Трумппа,³ маратского — Ж. Блока,⁴ бенгальского — С. К. Чаттерджи,⁵ ассамского — Б. Какати,⁶ западного хинди и браджа — Дх. Вармы.⁷ В этих грамматиках привлекаются также данные других индоарийских языков.

¹ Ряд таких исследований Л. Альсдорфа был издан отдельной книгой: L. Alsdorf. *Apabhramśa-Studien. Abhandl. für die Kunde des Morgenlandes*, XXII, L. 2. Leipzig, 1937.

² G. V. Tagare. *Historical Grammar of Apabhramśa. Deccan Coll. Dissert. Ser.*, 5, Poona, 1948 (о личных местоимениях см. стр. 205—219).

³ E. Trumpp. *Grammar of the Sindhi Language. Compared with the Sanskrit-Prakrit and the Cognate Indian Vernaculars*. London—Leipzig, 1872 (о личных местоимениях см. стр. 189—194).

⁴ J. Bloch. *La formation de la langue marathe*. Paris, 1920.

⁵ Suniti Kumar Chatterji. *The Origin and Development of the Bengali Language*, I—II. Calcutta, 1926 (о личных местоимениях см. ч. II, стр. 807—820).

⁶ Banikanta Kakati. *Assamese, its Formation and Development*. Gauhati, 1941 (о личных местоимениях см. стр. 293—296).

⁷ Dhīrendra Varma. *Hindī bhāṣā kā itihas*. Prayāg, 1953 (о личных местоимениях см. стр. 281—284); *La langue Braj (Dialecte de Mathura)*. Paris, 1935 (о личных местоимениях см. стр. 70—77).

Так как индоарийские языки пользовались и пользуются различными системами письма, в настоящей работе оригинальная графика не употребляется. Применяется только общепринятая транскрипция. Из различных ее вариантов принят наиболее близкий к транслитерации, так как все индийские системы письма построены по одному принципу и имеют единую транслитерацию. Транскрипция, принятая в настоящей монографии, приводится ниже. Для сравнения даны также знаки письма деванагари, пользующегося широким распространением в центральной Индии.

Гласные

अ a; आ ā; इ i; ई ī; उ u; ऊ ū; ऋ ṛ; ॠ ṛ; ल l; ए e; ऐ ē; औ ai; ओ o; ॐ ॐ au.

Согласные

क k;	ख kh;	ग g;	घ gh;	ङ ṅ;
च c, ts; ¹	छ ch, tsh; ¹	ज j, dz; ¹	झ jh, dzh; ¹	ञ ñ;
ट t;	ठ th;	ड d; ड r;	ढ dh; ॢ rh;	ण ṇ;
त t;	थ th;	द d;	ध dh;	न n;
प p;	फ ph;	ब b;	भ bh;	म m;

य y; र r; ल l; व v; श ś; ष ṣ; स s; ह h.

Висарга передает глухой *h*, а анусвара *m* в древнеиндийском служит для обозначения носового звука, уподобляющегося по качеству последующему согласному, а в среднеиндийских и новоиндийских языках также и для обозначения назализации предшествующих гласных. Долгие согласные передаются удвоенным написанием их затворного элемента, например *jj=j* долгое, *jjh=jh* долгое. В среднеиндийских (и новоиндийских) языках *h* после носовых и полугласных указывает на то, что данный звук является притыхательным.

¹ В языке маратхи перед большинством звуков.

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ В ВЕДИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ И САНСКРИТЕ

В древнейших памятниках ведического языка — самхитах — имеется по одному личному местоимению для 1-го и 2-го лица. Их склонение во всех трех числах (единственном, двойственном и множественном) отличается от склонения имен и всех других местоимений. Явление это наблюдается, как известно, также почти во всех других индоевропейских языках, сохранивших в той или иной мере древний тип склонения. Таким образом, своеобразное склонение личных местоимений имеет древнее происхождение и является их важнейшей морфологической особенностью, позволяющей рассматривать их в ведическом языке и санскрите как особую систему. Поэтому представляется целесообразным начать рассмотрение личных местоимений в этих языках с анализа их склонения. Среднеиндийские формы личных местоимений, встречающиеся в ранних буддийских санскритских текстах, будут рассмотрены в следующей главе.

В склонении личных местоимений в ведическом языке и санскрите различаются семь падежей, т. е. все падежи, существующие в именном склонении, кроме звательного. В этих семи падежах употребляются следующие формы.

Именительный падеж (*prathamā* в санскритской грамматической терминологии)

Из приведенных двух форм 1-го лица (табл. 1) в единственном числе собственно местоимением является *aḥam*. Вторая форма, *asmī*, представляет форму 1-го лица единственного числа

Таблица 1¹

	Единственное число	Двойственное число	Множественное число
1-е лицо . . .	<u>a</u> ham, <u>a</u> smi	āvat, vām, āvām	vayam, a ² me, a ² ma
2-е лицо . . .	tvam, tvayā, tvayi	yuvam, yuvām	yūyam, yu ² me, yu ² mākam

настоящего времени глагола-связки *as*. В классическом санскрите она может выступать как эмфатический именительный падеж единственного числа местоимения 1-го лица, совершенно теряя при этом глагольную природу. Об этом свидетельствует ее употребление с финитными формами глагола 1-го лица единственного числа, например: *tvām asmi vacmi: viduṣām samavāyo 'tra tiṣṭhati* „я говорю тебе: здесь находится собрание ученых“.²

Форма *tvam* читается в древнейших частях вед — в самхитах — часто как *tuam*, а развившаяся из этой последней пракритская форма *tuvam* засвидетельствована также и в буддийском санскрите.

Формы *āvām* и *yuvām* являются, собственно, формами винительного падежа двойственного числа и вытесняют старые формы именительного падежа *āvat* и *yuvam* полностью лишь в санскрите. Форма *vām* (имеющая ударение) — единственная форма именительного падежа двойственного числа, встречающаяся в Ригведе.³ Она восходит, очевидно, к одному из диалектов ведического языка и в последующий период вышла из употребления.

Отметим, что окончание *-m* в именительном падеже всех трех чисел свойственно только личным местоимениям.

¹ В таблицах 1—7 подчеркнуты формы, обычные для санскрита.

² Alaṅkārasarvasva, „Kāvya Mālā“, N 35, Bombay, 1893, стр. 37. — Это произведение написал в 12 в. н. э. Rājānaka Ruyyaka (или Rucaka). Ср.: H. Jacobi. Compositum und Nebensatz. Bonn, 1897, стр. 62.

³ Rgveda, VI, 55, 1.

В санскритских буддийских текстах конечное *m* форм единственного и множественного числа может выпадать в стихах под влиянием стихотворного размера. Явление это связано со среднеиндийской фонетикой и метрикой.

Формы *asme*, *asma*, *yuṣṭe* и *yuṣṭākat* употребляются как формы именительного падежа только в санскритских буддийских текстах. Из них *asme* и *yuṣṭe* известны в ведах как формы дательного и местного падежей множественного числа (см. ниже, стр. 23 и 27), а формы *asma* и *yuṣṭākat* являются собственно формами родительного падежа (см. ниже, стр. 25). Их употребление в именительном падеже вызвано влиянием узуса среднеиндийских языков.

Этим же влиянием объясняется и употребление в ранних буддийских санскритских текстах формы местоимения 2-го лица единственного числа творительного падежа *tvayā* и его формы местного падежа *tvayi* в функции форм именительного падежа.

Винительный падеж (dvitiyā)

Таблица 2

	Единственное число	Двойственное число	Множественное число
1-е лицо . . .	<u>mām</u> , <i>tama</i> , <i>mahyam</i>	<u>āvām</u>	<u>asmān</u> , <i>asma</i> , <i>vayam</i> , <i>asmākat</i>
2-е лицо . . .	<u>tvām</u> , <i>tava</i> , <i>tubhyam</i>	<u>yuvām</u>	<u>yuṣṭān</u> , <i>yuṣṭāh(s)</i> , <i>yūyam</i> , <i>yuṣṭākat</i>

Особая форма для женского рода во 2-м лице множественного числа *yuṣṭāḥ* засвидетельствована только в Яджурведе.¹

Это единственная форма личного местоимения 2-го лица, обладающая грамматическим родом. Поскольку форма эта имеет полную аналогию в склонении именных основ жен-

¹ Yajurveda, XI, 47.

ского рода, оканчивающихся на *ā*, мы имеем право рассматривать ее как новое образование по аналогии.

В окончаниях личных местоимений в единственном и двойственном числе нетрудно увидеть окончание *-am*, присоединенное к конечному *a* основы. В двойственном числе окончание это не имеет аналогии в именном склонении. Окончание же *-āp* во множественном числе имеет аналогию в именном склонении основ мужского на *-a* и, вероятно, обязано ей своим возникновением.

Формы *tata*, *tava*, *asma*, *asmākam* и *yuṣmākam* являются собственно формами родительного падежа и употребляются в значении форм винительного падежа только в санскритских буддийских текстах. Объясняется это влиянием среднеиндийских языков (см. ниже, стр. 67). Этим же влиянием вызвано употребление форм дательного падежа *mahyat* и *tubhyat* в значении форм винительного падежа. Оно также отмечено только в буддийских санскритских текстах. В среднеиндийскую эпоху, когда создавались эти тексты, обе приведенные формы осознавались уже как формы родительного падежа и как таковые стали употребляться в функции форм винительного падежа.

Формы *vayat* и *yūyat* являются формами именительного падежа, и их употребление в функции форм винительного падежа известно тоже только в санскритских буддийских текстах.

Творительный падеж (tṛtīyā)

Таблица 3

	Единственное число	Двойственное число	Множественное число
1-е лицо . . .	<i>mayā</i> , <i>maye</i> , <i>mayi</i>	<i>āvābhyām</i>	<i>asmābhiḥ(s)</i> , <i>asmāiḥ(s)</i>
2-е лицо . . .	<i>tvā</i> , <i>tvayā</i> , <i>tvaye</i> , <i>tvayi</i>	<i>yuvābhyām</i> , <i>yuvābhyām</i>	<i>yuṣmābhiḥ(s)</i> , <i>yuṣme</i>

Формы *tvā* (ударная) и *yuvabhyām* встречаются только в Ригведе наряду с обычными для более позднего языка *tvayā* и *yuvābhyām* по требованию стихотворного размера.

В буддийских санскритских текстах конечное *ā* форм *mayā* и *tvayā* может сокращаться, а формы *asmābhiḥ* и *yuṣmābhiḥ* могут терять конечную висаргу. Наличие параллельных форм с кратким и долгим конечным *a* может рассматриваться как свидетельство в пользу того, что они первоначально оканчивались на ларингальный, который следовал за кратким *a*. Выпадение этого ларингального в одних фонетических условиях привело к выпадению конечного *a*, в других — нет.¹

Только в буддийском санскрите засвидетельствованы формы *maye*, *mayi*, *tvaye*, *tvayi*, *asmāiḥ(s)* и *yuṣme*. Форма *asmāiḥ* построена по аналогии с именным склонением основ мужского и среднего рода на *a*. Форма *yuṣme* или тождественна по происхождению форме местного падежа *yuṣme*, или же ее окончание *-e* является среднеиндийским рефлексом древнеиндийского окончания *-aiḥ* и эта форма развилась из **yuṣmaiḥ*.

Окончания личных местоимений в этом падеже имеют аналогию в именном склонении во всех трех числах, но и здесь представляется возможным выделить древнее окончание, одинаковое для всех трех чисел. Для этого необходимо привлечь древние формы этого падежа, сохранившиеся в словосложениях *yuvādatṭa* „данный вами обоими“ и *yuṣmādatṭa* „данный вами“, *yuvā* и *yuṣmā*. Они, как и форма *tvā* в единственном числе, оканчиваются на *ā* (долгое). Это последнее складывается из конечного *a* основы и окончания *-ā* (вероятно, долгого) или же появилось благодаря продлению краткого *a* основы после исчезновения конечного ларингального, который мог служить окончанием этого падежа во всех трех числах.

¹ Ср.: F. B. Kuiper. Traces of laryngeals in Vedic Sanskrit. India Antiqua. Leiden, 1947, стр. 210—211; Shortening of final vowels in the Rigveda. Amsterdam, 1955.

Дательный падеж (*caturthī*)

Таблица 4

	Единственное число	Двойственное число	Множественное число
1-е лицо . . .	<i>mahya</i> , <u><i>mahyam</i></u>	<u><i>āvābhyām</i></u>	<i>asme</i> , <u><i>asmabhyam</i></u>
2-е лицо . . .	<i>tubhya</i> , <u><i>tubhyam</i></u>	<u><i>yuvābhyām</i></u>	<u><i>yuṣṭabhyam</i></u>

В этом падеже формы *mahya* и *tubhya* засвидетельствованы только в самхитах наряду с обычными для более позднего языка *mahyam* и *tubhyam*. Назализация окончаний, отражением которой может быть появление конечного *-m* в формах 2-го типа, развивается в пракритах. Это позволяет отнести формы *mahyam* и *tubhyam* и, соответственно, формы множественного числа *asmabhyam* и *yuṣṭabhyam* к более позднему типу.¹

Форма *asme* встречается только в самхитах, где она употребляется также и в значении местного падежа (см. стр. 27).

Форма *mahya(m)* имела, вероятно, в более раннюю эпоху развития языка придыхательное *bh* [как и *tubhya(m)*], затворный элемент которого мог выпасть под диссимилирующим влиянием губного начального *m*. Это предположение подтверждается соответствующей авестийской формой *maibya* (при *taibya* = ведическому *tubhya*), где сохранился затворный элемент, но исчезло придыхание. Выпадение затворного элемента придыхательных согласных, стоящих между двух гласных, становится фонетической закономерностью в среднеиндийских языках, но в отдельных случаях наблюдалось уже в доведическую эпоху, как позднее и в ведическую.

Характерным окончанием этого падежа у личных местоимений является *bhya(m)* в единственном и множественном числе. В окончании двойственного числа — *-bhyām* — *a*, вероятно, стало долгим под влиянием именной флексии.

¹ Аналогичный процесс назализации окончаний наблюдается и в других индоевропейских языках; см.: А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. 2-е русск. изд., М.—Л., 1938, стр. 191.

Отделительный падеж (райсамі)

Т а б л и ц а 5

	Единственное число	Двойственное число	Множественное число
1-е лицо . . .	<i>mad, mattaḥ(s)</i>	<i>āvad, āvābhyām</i>	<i>asmad, asmād</i>
2-е лицо . . .	<i>tvad, tvattaḥ(s)</i>	<i>yuvad, yuvābhyām</i>	<i>yuṣmad</i>

В единственном числе древними формами этого падежа являются формы *mad* и *tvad*. Формы *mattaḥ* и *tvattaḥ* употребляются главным образом в эпическом санскрите, например: *mattaḥ śaraṇam icchati* „он ищет защиты у меня“ (дословно: „от меня“);¹ *tvattaḥ śrutam idam brahman* „от тебя было услышано это, о брахман“.² В санскритских нормативных грамматиках эти вторые формы не приводятся. Эти формы образованы от *mad* и *tvad*, уже самих по себе форм отделительного падежа, при помощи суффикса *-taḥ(s)*, также служащего для образования отделительного падежа. Необходимость образования таких форм появилась в среднеиндийских языках благодаря изменению фонетики.³ Поэтому появление этой формы в санскрите можно объяснить влиянием узуса среднеиндийских языков.⁴

Формы двойственного числа *āvad* и *yuvad* встречаются только в самхитах. В позднейшем языке в двойственном числе особых форм этого падежа нет. Их функцию выполняют формы *āvābhyām* и *yuvābhyām* — первоначально формы дательного, а затем также и творительного падежа. Это явление свидетельствует об отмирании категории двойственного числа.

¹ Rāmāyana, I, 62, 10.

² Mahābhārata, I, 62, 1.

³ См. ниже, стр. 71.

⁴ О влиянии узуса среднеиндийских языков на санскрит см.: А. П. Баранников. Флексия и анализ в новоиндийских языках. Уч. зап. ЛГУ, сер. востоковедч. наук, вып. 1, 1949, стр. 13—17. — Подробнее этот вопрос освещался акад. А. П. Баранниковым в курсе его лекций по сравнительной грамматике индоарийских языков, читавшемся в Ленинградском Государственном университете.

Форма *asmād* засвидетельствована только в буддийском санскрите. В Ригведе в функции наречия употребляется форма *tamat*.¹ Употребляется это наречие часто с неопределенными частицами *сапа* и *сид* в повторах и имеет тогда значение „то... , то...“. Некоторыми исследователями было высказано предположение, что по своему происхождению эта форма представляет древний отделительный падеж единственного числа от личного местоимения 1-го лица.² Хотя предположение это не доказано и против него имеются возражения, все же оно представляется весьма вероятным по двум причинам. Во-первых, форма *tamat* может рассматриваться как форма родительного падежа *tama* с окончанием отделительного падежа *-d*. Аналогичное образование форм этого падежа наблюдается в среднеиндийских языках.³ Во-вторых, процесс образования наречий очень широкого значения от форм личного местоимения 1-го лица наблюдается в других языках, например, в современном немецком языке. В нем образования *meinethalben*, *meinetwegen*, имевшие первоначально только значения „из-за меня“, „ради меня“, приобрели сейчас также значение наречий „пожалуйста“, „пусть“, „ладно“.

Характерным окончанием личных местоимений в отделительном падеже является *-d* для всех трех чисел.

Родительный падеж (ṣaṣṭhī)

Таблица 6

	Единственное число	Двойственное число	Множественное число
1-е лицо . . .	<i>tama, tamā,</i> <i>mahya, mahyam</i>	<i>āvayoh</i>	<i>asmāka, asmākam,</i> <i>asmāku, asma</i>
2-е лицо . . .	<i>tava, tavā, tubhya,</i> <i>tubhyam</i>	<i>yuvāku, yuvoh(s),</i> <i>yuvayoh(s)</i>	<i>yuṣmākam, tuṣme</i>

¹ Rgveda, IV, 18, 8—9.

² Ср.: Jules Bloch. L'Indo-Aryen du Veda aux temps modernes. Paris, 1934, стр. 126.

³ См. ниже, стр. 71.

Форма *yuvoh* встречается только в ведическом языке; реже употребляется в нем форма *yuvayoh*.¹ Обе формы имеют аналогию в именном склонении; последняя — в склонении основ мужского рода, оканчивающихся на *a*. Формы эти могут восходить к различным племенным диалектам, на основе которых сложился ведический язык.

Формы *asmākat* и *yusmākat* являются винительным падежом среднего рода единственного числа от притяжательных местоимений *asmāka* и *yusmāka*, из которых *asmāka* встречается в Ригведе.² Эти последние образованы при помощи суффикса *-aka-*, употребляемого в словообразовании. Суффиксу *-aka-* очень близок по функции суффикс *-ka-*, который присоединяется к формам родительного падежа личных местоимений в единственном числе и образует от них притяжательные прилагательные, например *tamaka* „мой“. Поэтому есть основание полагать, что суффикс *-aka-* присоединялся к форме, имевшей уже значение родительного падежа, превращая ее в притяжательное прилагательное. Это предположение подтверждается тем, что в буддийском санскрите форма *asma* употребляется как форма родительного падежа множественного числа в 1-м лице.

Аналогично происхождение формы двойственного числа *yuvāku*, которую Жюль Блок весьма справедливо сопоставляет с соответствующей авестийской формой *yuvākat*;³ *yuvāku* может быть правильным притяжательным прилагательным, так как в ряде памятников оно склоняется по падежам и согласуется с определяемым или же употребляется как форма родительного падежа и не склоняется. Эта форма, как и форма множественного числа *asmāku*, засвидетельствованная в санскритских буддийских текстах, образована от основы косвенных падежей при помощи суффикса *-aku*.

¹ Taṭṭirīya-saṃhitā, III, 54, 1.

² R̥gveda, I, 173, 10.

³ Jules Bloch. L'Indo-Aryen du Veda aux temps modernes. Paris, 1934, стр. 126.

Формы *mahya*, *mahyam*, *tubhya*, *tubhyam* употребляются в значении этого падежа только в буддийском санскрите, что объясняется влиянием среднеиндийских языков (см. ниже, стр. 76). Также только в буддийских санскритских текстах известны формы *mata* и *tava*, однако следует отметить, что форма *mata* засвидетельствована тоже в двух надписях Ашоки. Форма *tuṣṭe* отличается от формы *yuṣṭe* только тем, что она образована от корневого элемента единственного числа — *tu-*, и в этом отношении соответствует среднеиндийским формам.

Местный падеж (saptamī)

Т а б л и ц а 7

	Единственное число	Двойственное число	Множественное число
1-е лицо . . .	<u>mayi</u>	<u>āvayoh(s)</u>	<i>asme</i> , <u><i>asmāsu</i></u>
2-е лицо . . .	<i>tve</i> , <u><i>tvayi</i></u>	<u><i>yuvayoh(s)</i></u>	<i>yuṣṭe</i> , <u><i>yuṣṭāsu</i></u>

Формы *tve*, *asme* и *yuṣṭe* встречаются только в памятниках ведического языка, где они употребляются наряду с формами *tvayi*, *asmāsu* и *yuṣṭāsu*, обычными для позднейшего санскрита. Формы множественного числа *asmāsu* и *yuṣṭāsu* имеют аналогии в именном склонении, под влиянием которого они, вероятно, и возникли.

Характерным древним окончанием личных местоимений в этом падеже в единственном и множественном числе является *-i*, которое сливается с конечным *-a* основы, образуя *e*: *tva + i = tve*; *yuṣṭa + i = yuṣṭe* (древнеиндийское *e* образовалось, как известно, из старого индоиранского дифтонга *ai*).

Это окончание *-i* являлось в индоевропейскую эпоху окончанием „неопределенного падежа“, совпадавшего с основой среднего рода. Позднее основы с этим окончанием *-i* стали употребляться в функции наречий места и времени. Благодаря этому окончание *-i* постепенно превратилось в окон-

чение местного падежа.¹ В этой функции мы встречаем его и у древнеиндийских личных местоимений. Однако этим обстоятельством, очевидно, объясняется употребление форм *asme* и *uṣṭe*, образованных при помощи этого окончания *-i*, также и в функции форм других падежей, что было отмечено выше.

Характерные древние окончания личных местоимений, т. е. окончания, не имеющие аналогий в склонении имен и других местоимений, целесообразно свести в таблицу.

Таблица 8²

Падежи	Единственное число	Двойственное число	Множественное число
Именительный . .	- <i>m</i>	- <i>m</i>	- <i>m</i>
Винительный . .	- <i>am</i>	- <i>am</i>	—
Творительный . .	- <i>ā</i>	(- <i>ā</i>)	(- <i>ā</i>)
Дательный . . .	-(<i>b</i>) <i>hya(m)</i>	—	- <i>bhyam</i>
Отделительный .	- <i>d(-t)</i>	- <i>d(-t)</i>	- <i>d(-t)</i>
Родительный . .	—	(- <i>aku</i>)	[- <i>aka(m)</i>]
Местный	- <i>i</i>	—	- <i>i</i>

Из табл. 8 видно, что древние окончания являются только показателями падежа (например, *-m* является показателем именительного падежа, а *-d(-t)* — отделительного падежа во всех трех числах), а не служат для выражения категорий падежа, числа и рода одновременно, как флексивные окончания, например, в именном склонении. В этом заключается одна из основных особенностей склонения личных местоимений в ведическом языке. Выделенные в таблице окончания являются безусловно древними. Об этом говорит то, что они постепенно вытесняются флексивными окончаниями, склады-

¹ Э. Бенвенист. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955, стр. 126—128.

² Прочерк заменяет в этой таблице окончания, возникшие, очевидно, под влиянием именной флексии.

вающимися под влиянием именного склонения,¹ а также и то обстоятельство, что аналогичное явление наблюдается и в хеттском языке, генетическое родство которого с индоевропейскими языками не подлежит сомнению. Доступные нам его письменные памятники датируются вторым тысячелетием до н. э. Личные местоимения в хеттском языке (табл. 9) также имеют одинаковые окончания в единственном и множественном числе в некоторых падежах (формы двойственного числа от личных местоимений в хеттском языке до сих пор не засвидетельствованы).

Т а б л и ц а 9

Падежи	Единственное число		Множественное число	
	1-е лицо	2-е лицо	1-е лицо	2-е лицо
Родительный . . .	<i>amel</i>	<i>twel</i>	<i>anzel</i>	<i>sumel</i>
Отделительный . .	<i>ametaz</i>	<i>twetaz</i>	<i>anzetaz</i>	<i>sumetaz</i>

Окончание *-l* служит здесь для образования родительного падежа в обоих числах, а окончание *-taz* — отделительного падежа.² Хеттское окончание отделительного падежа личных местоимений *-taz*, вероятно, генетически родственно ведическому и санскритскому окончанию этого падежа *-d (-t)*. По этому вопросу имеются две гипотезы.

Одна из них принадлежит Т. Милевскому.³ Согласно его мнению хеттский суффикс *-taz* имел более древнюю форму *-tah(s)*, соответствующую санскритскому суффиксу отделительного падежа *-tas*. Конечное *s* этого суффикса перешло

¹ Ниже будет неоднократно отмечаться, что личные местоимения — и, в меньшей степени, другие местоимения — на всем протяжении исторического развития индоарийских языков имеют тенденцию сохранять более древний тип склонения, чем имена.

² Е. Н. Sturtevant. A Comparative Grammar of the Hettite Language. Philadelphia, 1933, стр. 192—196.

³ См.: Т. Milewski. Quelques remarques sur la langue hittite. Rocznik Orientalistyczny, 8, Lwow, 1934, стр. 106—109.

в *z* под влиянием именного склонения, поскольку в нем широко употребляется окончание отделительного падежа *-[a]z*.

Е. Х. Стартевант считает окончанием личных местоимений в этом падеже только суффикс *-az*, который употребляется в этой же функции и в именном склонении.¹ В конечном же *-z* этого окончания он видит нулевую степень индоевропейского суффикса отделительного падежа *-tos* без гласного, поскольку хеттское *z* часто происходит из группы согласных *ts*.² Индоевропейский суффикс отделительного падежа *-tos* сохранился в полной степени в ведическом и санскритском суффиксе этого падежа *-taḥ(s)*, о котором говорилось выше.³ Его нулевую степень можно видеть как в хеттском окончании отделительного падежа *-z(-az)*, так и в окончании этого падежа *-d(-t)(-āt)* у древнеиндийских личных местоимений и имен мужского и среднего рода, оканчивающихся на *a*. Появление нулевой степени этого суффикса (без гласного) в данном случае может быть объяснено правилом выпадения гласных, сформулированным К. Боргстрёмом. Это правило предполагает, что в древнейшем состоянии индоевропейских языков существовал только гласный звук *ā*, который следовал за каждым согласным, являясь вспомогательным средством для произношения согласных. В эту эпоху формы отделительного падежа единственного числа личных местоимений могли иметь вид **māmātāsā* (1-е лицо) и **tāvātāsā* (2-лицо) и форма этого падежа имени тематического склонения *deva* „бог“ могла быть **dāyāwātāsā*.

В последующую эпоху развития индоевропейских языков гласные начали выпадать согласно правилу, которое К. Боргстрём формулирует так: в формах слов, состоявших из более чем двух согласных, за которыми следовали гласные, каждый

¹ См. E. H. Sturtevant. A Comparative Grammar of the Hittite Language, стр. 192, § 227; стр. 204—205, § 260.

² Там же, стр. 71, § 61; стр. 141, § 143е; стр. 172—173, § 196.

³ Ср. латинское наречие *funditus* „от основания“, где окончание *-tus* восходит, вероятно, к индоевропейскому суффиксу отделительного падежа *-tos*.

второй гласный выпал, начиная с предпоследнего гласного и продвигаясь к началу слова; в формах же с двумя согласными ни один гласный не выпал.¹ После выпадения гласных по этому правилу приведенные выше формы должны были принять вид **mmātsā* (1-е лицо), **tvātsā* (2-е лицо) и **dāywātsā* (*deva* „бог“). Затем произошло отпадение конечных гласных и упрощение групп согласных. В результате этого процесса могли возникнуть засвидетельствованные древнеиндийские формы отделительного падежа *mad*, *tvad* и *devāt*. Появление долгого *ā* в форме *devāt* может рассматриваться как компенсация отпавшего конечного слога. Аналогичное появление долгих гласных в результате отпадения конечного слога наблюдается при переходе среднеиндийских языков в новоиндийские, например, среднеиндийское слово *putta* „сын“ преобразуется в новоиндийских языках в *pūt* с тем же значением.

Приведенное выше правило К. Боргстрёма объясняет также и то, что формы родительного падежа единственного числа личных местоимений *tama* (1-е лицо) и *tava* (2-е лицо) представляют древние основы косвенных падежей, сохранившиеся в наиболее полном виде. Каждая из них состоит только из двух согласных, и поэтому выпадение гласных и другие процессы стяжения в них не происходили.

При анализе древних падежных окончаний личных местоимений следует прежде всего иметь в виду то, что они выражают, как это было отмечено выше, только категорию падежа.

¹ C. B o r g s t r o e m. Thoughts about Indo-European Vowel-Gradation. „Norsk Tidsskr. for Sprogvid., Bind XV, Oslo, 1949, стр. 144. — Помимо теории К. Боргстрёма существует ряд теорий и гипотез, объясняющих происхождение индоевропейского вокализма. Некоторые из них рассмотрены в указанной статье К. Боргстрёма. Не имея возможности в рамках данной работы заниматься их рассмотрением, мы выбрали одну из предложенных гипотез, а именно теорию К. Боргстрёма, так как она лучше всех других согласуется с имеющимися в нашем распоряжении фактами. Тем самым построенное с помощью этой теории объяснение происхождения форм личных местоимений, приводимое ниже, следует считать гипотетическим.

В этом отношении они напоминают падежные суффиксы агглютинирующих языков. В этих языках падежный суффикс, выражающий только категорию падежа, присоединяется к основе единственного или множественного числа. Категории числа и рода, если таковой имеется, выражаются также отдельными суффиксами, входящими в состав основы, причем обычно имеется суффикс для выражения двойственного и множественного числа, единственное число характеризуется отсутствием этого суффикса. Так, например, в языке сантали, относящемся к группе мунда, от слова *hâr* „человек“ родительный падеж единственного числа будет *hâr-rân*, родительный падеж двойственного числа — *hâr-kin-rân* и тот же падеж множественного числа — *hâr-ko-rân*. Здесь суффикс *-kin-* является показателем двойственного числа, суффикс *-ko-* — множественного числа, а суффикс *-rân* служит для образования родительного падежа во всех трех числах.¹ По такому же принципу образуются падежи в дравидийских языках, не имеющих генетического родства с языками группы мунда; например, в тамильском языке дательный падеж от слова *viḍu* „дом“ в единственном числе будет *viṭṭukku*, а во множественном *viḍugalukku*. Здесь суффикс *-gaḷ-* является показателем множественного числа, а суффикс *-ukku* — показателем дательного падежа в обоих числах. Такой же способ образования падежных форм наблюдается в очень многих агглютинирующих языках.

Эти факты дают определенное основание полагать, что в древних окончаниях личных местоимений следует видеть агглютинативные суффиксы, а не флективные окончания. Учитывая при этом то обстоятельство, что в склонении личных местоимений обычно сохраняется более древняя типология, чем в именном склонении в ту же эпоху развития языка, можно предположить далее, что агглютинирующее склонение личных местоимений, сохранившееся еще довольно отчетливо в ведич-

¹ Ниже такие послелоги и суффиксы будут называться согласно установившейся в индологии традиции падежными послелогами и суффиксами.

ческом языке и постепенно исчезающее под влиянием именной флексии в санскрите и среднеиндийских языках, сложилось как система в ту отдаленную эпоху развития индоевропейских языков, когда в них еще не существовало флективного склонения.

Возможно, однако, и другое объяснение употребления в склонении личных местоимений одних и тех же окончаний во всех трех числах. Можно предположить, что категории единственного, двойственного и множественного чисел выражались лексически соответствующей основой личного местоимения 1-го или 2-го лица и каждая такая основа склонялась благодаря этому только по падежам. В этом случае рассмотренная выше своеобразная древняя система склонения личных местоимений могла сложиться и при существовании флективного именного склонения. В пользу этого второго предположения может быть приведен следующий довод.

Окончания, свойственные личным местоимениям в ряде падежей всех трех чисел, либо встречаются в соответствующем падеже именного склонения в единственном числе, либо напоминают по форме окончания единственного числа в именном склонении; например, окончание личных местоимений в винительном падеже всех трех чисел *-am* встречается в этом падеже в единственном числе в склонении именных основ, оканчивающихся на согласную, *ṛ*, *au* и некоторых других именных основ: так, *maruṭ* „ветер“ образует винительный падеж единственного числа *marutam*, *kartṛ* „деятель“ — *kar-tāram*, *nau* „лодка“ — *nāvam*. Как было показано выше, окончание отделительного падежа *-d(-t)*, употребляющееся в склонении личных местоимений во всех трех числах, обнаруживает генетическое родство с окончанием *-āt* того же падежа в единственном числе основ мужского и среднего рода, оканчивающихся на *-a*, например *vrka* „волк“ — отделительный падеж единственного числа *vrkāṭ*.

Исключение представляет родительный падеж, который характеризуется в склонении личных местоимений отсутствием окончания, в то время как в именном склонении все основы

имеют в этом падеже окончание. Для окончания дательного падежа у личных местоимений *-(b)hya(m)* отсутствует какое бы то ни было соответствие в единственном числе именного склонения в индийских и близко родственных им иранских языках. Окончания, имеющие в своем составе звук *bh*, засвидетельствованы в именном склонении ведического и более поздних индоарийских языков только в ряде косвенных падежей множественного и двойственного числа. В других индоевропейских языках окончания, имеющие в своем составе соответствие этому звуку, употребляются, однако, и в единственном числе, например, окончание *ϕι(ν)* выступает в текстах Гомера в значении показателя ряда косвенных падежей единственного и множественного числа, в том числе и дательного.¹ Следует отметить при этом, что такое употребление окончания *ϕι(ν)* сближает его с послелогам и суффиксами, употребительными в языках аналитического и агглютинирующего строя. Эти два последние факта значительно ослабляют настоящий довод в пользу второго предположения, хотя полностью и не опровергают его. Для того чтобы решить, какому из двух предположений следует отдать предпочтение, необходимо рассмотреть основы, к которым эти окончания присоединяются.

Предварительно, однако, следует отметить, что грамматическое сближение окончания именительного падежа личных местоимений *-m* с окончанием именительного и винительного падежа единственного числа среднего рода основ, оканчивающихся на *-a*, и возведение их к некоему общему древнему грамматическому форманту не обосновано, так как конечное *m* в окончании именительного и винительного падежа среднего рода представляет назализацию конечного гласного.² Эта

¹ Соответствие древнеиндийского *bh* греческому *ϕ* является фонетически закономерным; ср.: А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, стр. 113—114.

² Этот носовой также называется неорганическим; см.: А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, стр. 328.

последняя имела место не только в этих двух случаях, но и в целом ряде других.¹

Основы личных местоимений, к которым присоединяются падежные окончания, представлены в табл. 10.

Таблица 10

		Единствен- ное число	Двойствен- ное число	Множествен- ное число
1-е лицо . .	{ Основа именитель- ного падежа Основа косвенных падежей	<i>aha-</i> <i>ma-(mama-)</i>	} <i>ā-va-</i>	<i>va-ya-</i> <i>a-sma-</i>
2-е лицо . .	{ Основа именитель- ного падежа Основа косвенных падежей	} <i>tva-</i>	<i>yu-va-</i>	<i>yū-ya-</i> <i>yu-ṣma-</i>

К характеристике этих основ можно сделать следующие замечания:

В двойственном числе существует только одна основа в каждом лице, от которой образуется как именительный, так и косвенные падежи. Основа эта слагается из корневого элемента и суффикса *-va-*, который является показателем двойственного числа.² Это особенно ясно на примере 2-го лица, где корневой элемент тот же, что и в основе косвенных падежей множественного числа. Важно отметить, что в основах двойственного числа категория числа выражается

¹ См. выше, стр. 23.

² Основу 2-го лица *yiva-* ряд исследователей сопоставляет с литовской формой *judu* и делает отсюда вывод, что суффикс *-va-*, как и литовский суффикс *-du-*, восходит к числительному *dva* „два“. Такой принцип построения форм двойственного числа говорит о том, что они возникли позднее, нежели формы множественного числа. Как довод в пользу более позднего возникновения этих форм может рассматриваться и отсутствие в двойственном числе различия между корневыми элементами основ именительного и косвенных падежей, отмечаемого в единственном и множественном числе.

при помощи суффикса, т. е. грамматически. Этот факт является доводом в пользу первого предположения. Построение форм при помощи сложения корневого элемента, суффикса, выражающего категорию числа, и окончания, одинакового для всех трех чисел, является закономерным для языков агглютинирующего строя.

Во множественном числе различаются две основы в каждом лице: основа именительного падежа и основа косвенных падежей. Первая образуется присоединением суффикса *-ya-* к корневому элементу, вторая — путем присоединения суффикса *-sma-* (*-sma-* — его фонетическая разновидность после *и* и ряда других гласных). Основа косвенных падежей, как было установлено выше, имеет значение родительного падежа. Это обстоятельство представляет большой интерес. Явление, аналогичное этому, наблюдается в ряде новоиндийских языков, например в хинди. В этом языке господствует аналитический строй¹ и в склонении имен различаются в каждом числе две формы: прямая форма, соответствующая именительному падежу, т. е. форма, употребляющаяся без послелогов, и основа косвенных форм. Последняя употребляется в сочетании с послелогами, при помощи которых выражаются отношения, передаваемые во флективных языках падежами. Так, например, от слова *ghoṛā* „конь“ (санскритская форма *ghoṛaka*) во множественном числе прямая форма будет *ghoṛe* „кони“, а основа косвенных форм, употребляющаяся с послелогами, — *ghoṛom*. Эта последняя форма восходит к древнеиндийской форме родительного падежа множественного числа *ghoṛakīnām*, так как послелоги, употребляющиеся в современном хинди в функции падежных показателей, восходят к самостоятельным древнеиндийским словам, имевшим конкретное лексическое значение и требовавшим дополнения в родительном падеже. Так, например, послелог местного падежа *tem* восходит к местному падежу древнеиндийского слова *madhya* „середина“

¹ А. П. Баранников. Флексия и анализ в новоиндийских языках. Уч. зап. ЛГУ, сер. востоковедч. наук, вып. 1, 1949, стр. 3—17.

madhye (промежуточные формы: пракритская *majjhe*, затем в апабхрамша *majjhehiṃ*). Таким образом, современная аналитическая форма местного падежа множественного числа *ghoraṃ meṃ* „среди коней, в конях“, восходит к древнеиндийскому словосочетанию *ghoṭakānām madhye*. Словосочетания такого типа имеются уже в ведическом языке, но встречаются там редко.

Этот пример довольно ясно показывает, почему основа косвенных форм в хинди восходит к древнеиндийскому родительному падежу. Он же дает основание для объяснения по аналогии значения родительного падежа, отмеченного у основ косвенных падежей личных местоимений. Падежные окончания, присоединявшиеся к основе косвенных падежей, вероятно, были в глубокой древности самостоятельными словами с конкретным значением и требовали дополнения в родительном падеже. Впоследствии их значение, как и значение послелогов в хинди, постепенно приобрело степень абстракции грамматических показателей. Одновременно слова эти, становясь грамматическими показателями, сокращаются до размеров слога. Это явление наблюдается и у простых послелогов в языке хинди. Употребление основы косвенных форм без суффиксов в функции родительного падежа засвидетельствовано также в некоторых языках агглютинирующего строя, например в некоторых дравидийских.¹ Все это дает определенные основания предполагать, что склонение личных местоимений сохраняет более древний агглютинирующий тип, так как в нем косвенные падежи образуются путем прибав-

¹ G. Grierson. Linguistic Survey of India. IV. Muṇḍa and Dravidian Languages. Calcutta, 1906, стр. 280.— В этом отношении аналитические и агглютинирующие языки обнаруживают сходство. Различие между ними отмечается здесь только в том, что в агглютинирующих языках падежные суффиксы соединяются с основой в одно целое, а в языках аналитического строя связь между основой косвенных форм и послелогом значительно слабее. Так, в рассмотренных выше примерах из языка хинди между основой косвенных форм и послелогом могут вставляться эмфатические частицы, например: *ghoraṃ meṃ* „среди коней“, *ghoraṃ hi meṃ* „именно среди коней“ (*hi* — эмфатическая частица).

ления суффиксов к специальной основе, отличающейся от основы именительного падежа и имеющей значение родительного падежа. Во флективном имени склонении параллелей этому не обнаруживается.

Таким образом, результаты проведенного до сих пор анализа основ личных местоимений в двойственном и множественном числе говорят против второго предположения, которое оказалось возможным высказать после анализа древних окончаний личных местоимений. Признать, однако, второе предположение совершенно несостоятельным представляется невозможным. В его пользу имеется следующий довод. Суффикс *-sma-* (*-šma-*), который, присоединяясь к корневому элементу личных местоимений, образует основы косвенных падежей множественного числа, употребляется также и при образовании ряда косвенных падежей указательных, вопросительных и других местоимений в единственном числе мужского и среднего рода. Генетически он отождествляется с хеттским энклитическим притяжательным местоимением *-smes* „ваш“, „их“, „свой“¹ и не представляет, очевидно, древнего показателя грамматической категории числа, а может рассматриваться с момента превращения его в грамматический формант как показатель родительного падежа.

Далее следует отметить, что древнеиндийский суффикс *-sma-* появляется между корневым элементом и падежным окончанием в склонении указательных, вопросительных, относительных и других местоимений в дательном, отделительном и местном падежах единственного числа мужского и среднего рода, так же как и при образовании косвенных падежей личных местоимений во множественном числе. В соответствующих падежах единственного числа указательных, вопросительных, относительных и других местоимений женского рода между корневым элементом и падежным окончанием

¹ E. H. Sturtevant. A Comparative Grammar of the Hittite Language, стр. 194—195, § 236; стр. 198, § 245.— E. Benveniste. La flexion pronominal en hittite. Lang., 29, Baltimore, 1953, стр. 255—262.

появляется суффикс — *-sya-* (*-ṣya-*); например, дательный падеж указательного местоимения *tad* „тот“ в мужском роде *tasmai* „тому“, в женском роде *tasyai* „той“. Это обстоятельство говорит о том, что между этими суффиксами существует генетическое и функциональное родство. Оно представляется важным потому, что суффикс *-sya-* выступает в функции показателя родительного падежа единственного числа указательных, вопросительных и других местоимений в мужском и среднем роде и имен мужского и среднего рода, оканчивающихся на *a*, например *tasya* „того“ и *vṛkasya* „волка“ (от *vṛka* „волк“ — мужского рода). Здесь следует воздержаться от дальнейшего рассмотрения суффиксов *-sma-* и *-sya-*.¹ В данной связи важно установить, что они являются скорее показателями родительного падежа, чем показателями числа.

Все изложенное выше дает основание предполагать, что в начальную эпоху становления личных местоимений категория множественного числа у них выражалась не грамматически, а лексически, т. е. для выражения понятий „я“ и „мы“, „ты“ и „вы“ существовали отдельные слова, остатки которых

¹ Вероятно, основной частью этого суффикса является *s*, а *t* и *y* представляют остатки каких-то второстепенных показателей. В пользу этого может быть приведено употребление суффикса *-s-* (*-ṣ-*) при образовании родительного падежа множественного числа в местоименном склонении, где он вставляется между корневым элементом и окончанием *ām*, характерным для этого падежа и в именном склонении. Например, мужской и средний род указательного местоимения *tad* „тот“ — *teṣām* (*ṣ* из *s* после *e*, согласно евфоническим правилам), женский род *tāsām* „тех“. В хеттском языке, параллельно с приведенным выше энклитическим притяжательным местоимением *-smes*, генетически родственным суффиксу *-sma-*, существует также энклитическое притяжательное местоимение *-ses* „его, свой“. Последнее находится, вероятно, в таком же отношении к первому, как суффикс *-sma-* к суффиксу *-s-*. Возможна связь этого суффикса и с окончанием родительного падежа именного склонения основ мужского и среднего рода, оканчивающихся на *-a*. Этимология этого окончания, данная в статье И. Knobloch, представляется мало вероятной (J. Knobloch. Zur Vorgeschichte des indogermanischen Genetivs der o-Stämme auf *-syo-*. Die Sprache, II, 3. Wien, 1951, стр. 137—149).

сохранились в корневых элементах ведических личных местоимений.

Способ же присоединения окончаний косвенных падежей к основе, имеющей значение родительного падежа, указывает на то, что склонение личных местоимений является агглютинирующим по своему происхождению. Однако уже в ведическом языке личные местоимения первого и второго лица осознаются как единая грамматическая система, охватывающая все три числа: единственное, двойственное и множественное. Старые падежные формы, имеющие одинаковые окончания в трех числах, постепенно вытесняются формами, построенными по аналогии с флективным именным склонением. Это происходит особенно интенсивно в двойственном числе, где в санскрите из старых форм остается лишь форма винительного падежа *āvāt*, вытеснившая форму именительного падежа *āvāt* и употребляющаяся, таким образом, для винительного и именительного падежей. Все это свидетельствует об отмирании категории двойственного числа.

В разобранных выше основах представляется возможным выделить корневые элементы. Они приводятся в табл. 11.

Таблица 11

	Единственное число		Двойственное число	Множественное число	
	основа именительного падежа	основа косвенных падежей	основа именительного и косвенных падежей	основа именительного падежа	основа косвенных падежей
1-е лицо	<i>aha-</i>	<i>ma-, mama</i>	<i>ā-</i>	<i>va-</i>	<i>a-</i>
2-е лицо	<i>tv-</i>	<i>tu-, tv-, tava</i>	<i>yu-</i>	<i>yū-</i>	<i>yu-</i>

При сопоставлении этих корневых элементов обращает на себя внимание то, что основы именительного и косвенных падежей в двойственном числе содержат одни и те же корневые элементы в каждом лице. То же самое можно сказать и об основе именительного и косвенных падежей местоимения 2-го

лица в единственном числе. Данные других индоевропейских языков говорят в пользу того, что во 2-м лице единственного числа в именительном падеже была иная основа и иной корневой элемент, утраченные ведическим языком. В ведическом языке и санскрите для образования именительного падежа во 2-м лице была использована индоевропейская основа косвенных падежей, состоявшая из глухого смычного *t* и губного полугласного *u*. После каждого из этих звуков в древнейший период развития индоевропейских языков, вероятно, следовал гласный *a*, выпавший в последующую эпоху. Благодаря тому, что в различных формах гласный этот выпадал после разных согласных, возникли различные формы основы *tu*, *ti* и *tava*. Как было показано выше (стр. 31), вероятно, форма *tava* представляет наиболее полно сохранившуюся основу.

Утерянная ведическим языком и санскритом индоевропейская основа именительного падежа этого местоимения сохранилась в оскском *tiium*, *tiu* „ты“ и хеттском *zek* „ты“ (*z* — здесь палатализованное *t*). Обе эти формы восходят к индоевропейскому *tē*.¹ Согласно теории ларингальных, это индоевропейское *tē* должно восходить к сочетанию звука *t* со следующим за ним гласным *ä* и первым ларингальным, обозначаемым обычно *h*₁, т. е. к *tāh*₁. Это последнее в свою очередь в более древнюю эпоху должно было иметь вид *tāh*₁*ä*. В результате выпадения гласного *ä* между *t* и ларингальным *h*₁ должно было бы образоваться придыхательное *th* в индоиранских языках. В индоарийских языках форма именительного падежа единственного числа местоимения 2-го лица, начинающаяся с придыхательного *th*, а именно — форма *thu*, встречается в прозаическом апабхрамша.² Известны формы

¹ W. Petersen. The Inflection of Indo-European Personal Pronouns. Lang., 6, Baltimore, 1930, стр. 164—193.— E. H. Sturtevant. A Comparative Grammar of the Hittite Language, стр. 190—191, § 224.

² L. Bh. Gandhi. Three Apabhramṣa Works of Jinadattasūri. Baroda, 1927, стр. 109.

личного местоимения 2-го лица с начальным придыхательным *th* и в новоиндийских языках. Возможно, что в них сохранилась эта основа, как и в энклитике 2-го лица *te*, но это, впрочем, мало вероятно. Начальное *th* всех этих форм может иметь позднее происхождение.

Следует отметить также, что корневой элемент основы именительного падежа множественного числа местоимения 2-го лица *yū* тяготеет к корневому элементу *ui* основ косвенных падежей множественного и двойственного чисел (в двойственном числе корневой элемент *ui* входит также в основу именительного падежа). Все это говорит о том, что во 2-м лице тенденция к унификации корневых элементов в системе личных местоимений действует сильнее, чем в 1-м, где в основах именительного падежа и в основах косвенных падежей единственного и множественного числа содержатся различные корневые элементы. Эти факты свидетельствуют о том, что каждое личное местоимение восходит к нескольким словам с более конкретным значением.

Здесь мы воздержимся от дальнейшего сближения корневых элементов и установления их этимологии, так как древнеиндийские факты не позволяют делать это доказательно, и присоединимся к мнению, согласно которому корневые элементы личных местоимений восходят к корням с конкретным лексическим значением или к указательным корням, имевшим также более конкретное значение.¹ Однако медленный и длительный процесс, сделавший их значения столь абстрактными и приблизивший их по степени абстракции к значению грамматических показателей, начался так давно, что ни ведический, ни хеттский, ни какой-либо другой индоевропейский язык, а также все языки этой группы, при взаимном сравнении не дают пока возможности установить доказанную этимологию корневых элементов личных местоимений. Имеется довольно большое количество гипотетических этимологий

¹ Max Müller. Lectures on the Science of Language. 7 ed., London, 1873, стр. 382—383.

основ личных местоимений в индоевропейских языках, но все они недостаточно аргументированы, и разбор их будет здесь излишним.¹

Синтаксические правила употребления падежных форм личных местоимений в ведическом языке и санскрите являются общими для всех склоняемых имен, и их изложение поэтому выходит за пределы данной работы. Они излагаются подробно у Б. Дельбрюка² и И. Шпайера.³

Следует лишь отметить, что сочетание именительного падежа личных местоимений 1-го и 2-го лица с финитными формами глагола соответствующего лица имеет, как и в латинском и греческом языках, усилительное значение и встречается поэтому сравнительно редко,—например, *aham karomi* „[именно] я делаю“ при обычном *karomi* „я делаю“. Такое употребление личных форм глагола создало в более позднем языке возможность заменять именительный падеж личного местоимения 1-го лица соответствующей формой глагола-связки.⁴

Помимо рассмотренных полных форм личных местоимений 1-го и 2-го лица, имеющих ударение, существуют их краткие безударные формы. В санскрите они употребляются в винительном, дательном и родительном падежах (табл. 12).

В Ригведе формы *me* и *te* встречаются и в значении винительного падежа. В ведическом языке сфера употребления безударных форм личных местоимений более широка, и даже в эпосе они встречаются в значении творительного и местного

¹ Обзор ранних гипотез по этимологии личных местоимений в индоевропейских языках дается в рецензии П. И. Лерха на книгу В. И. Шерцля „Личные местоимения в санскритском языке и сродные им формы“ (ЖМНП, ч. CXLVIII, отд. 2, 1869, стр. 156—213).

² B. Delbrück. Altindische Syntax. Halle, 1888.

³ J. S. Spreyer. Vedische und Sanskrit-Syntax. Strassburg, 1896.

⁴ J. Gonda. Bemerkungen zum Gebrauch der Pronomina der 1 und 2. Person als Subject im Altindischen. Acta Orientalia, XIX, 1943, стр. 211—279.

Таблица 12

Падеж	Единственное число		Двойственное число		Множественное число	
	1-е лицо	2-е лицо	1-е лицо	2-е лицо	1-е лицо	2-е лицо
Винительный	<i>mā</i>	<i>tvā</i>	<i>nau</i>	<i>vām</i>	<i>naḥ (s)</i>	<i>vaḥ (s)</i>
Дательный . .	<i>me</i>	<i>te</i>	<i>nau</i>	<i>vām</i>	<i>naḥ (s)</i>	<i>vaḥ (s)</i>
Родительный	<i>me</i>	<i>te</i>	<i>nau</i>	<i>vām</i>	<i>naḥ (s)</i>	<i>vaḥ (s)</i>

падежей.¹ То же самое можно сказать и о санскрите ранних буддийских текстов.

Эти безударные формы никогда не ставятся в начале предложения и непосредственно перед частицами *sa*, *vā*, *eva*, *hā*. Изредка они встречаются перед частицами *aḥa* и *ha*. Если же все эти частицы относятся к другим словам, то безударные формы личных местоимений могут стоять и перед ними. Не ставятся безударные формы и после имен в звательном падеже, если последние не определяются прилагательными. В буддийском санскрите засвидетельствовано безударное местоимение первого лица *me*. Оно употребляется в именительном, винительном и родительном падеже множественного числа.

Эти местоименные формы возникли, вероятно, в эпоху индоевропейского языкового единства, поскольку они имеются во многих древних индоевропейских языках, в том числе и в хеттском. Характерной чертой этих местоименных форм является их односложность, которая объясняется, очевидно, их безударностью. Окончания этих форм — в двойственном

¹ См. A. B. Keith. Grammatical Notes: Personal Pronouns. Journ. of the Royal As. Soc. of Great Brit. and Irel. 1910, стр. 465—474. — T. Michelson. On some Irregular Uses of *me* and *te* in Epic Sanskrit and some Related Problems. Journ. of the Royal As. Soc. of Great Brit. and Irel. 1911, стр. 169—176. — A. B. Keith. Note on the above, там же, стр. 177—178. — G. Liebert. Über das enklitische Pronomen *vaḥ* als Subjektskasus im R̥gveda. Lunds Univ. Arsskr., N. F. I, 46, 3, Lund, 1950, стр. 1—19.

числе *-ai* в 1-м лице и во множественном числе *-ah(s)* в 1-м и 2-м лице — имеют аналогии в именном склонении.

Личные местоимения 1-го и 2-го. лица употребляются также в словосложениях, которые встречаются уже в ведическом языке и употребление которых затем увеличивается, достигая максимума в классическом санскрите.¹ Словосложениями здесь будут называться синтаксические построения, имеющие одно главное ударение и морфологическое оформление последнего члена, при условии, если они не представляют новых лексических единиц. Таким же способом образуются и новые лексические единицы — сложные слова. Словосложения в санскрите заменяют либо придаточные предложения, либо синтагмы отдельных членов предложения.

Личные местоимения выступают обычно в словосложениях в качестве первого компонента. О незначительном количестве исключений из этого правила будет сказано ниже (стр. 48).

В ведическом языке встречаются словосложения типа *asméhiti*² „поручение нам“ и *tātpaśyá* „смотрящий на меня“, где личное местоимение как первый компонент выступает в правильной падежной форме и все словосложение отличается от обычного словосочетания лишь потерей ударения одним из компонентов.

Следующий тип этих словосложений, к которому относится большая часть их уже в ведическом языке, характеризуется утратой первыми компонентами — личными местоимениями —

¹ Так, по данным А. Вульнера, средняя длина единицы, имеющей самостоятельное морфологическое оформление и ударение, в ведических гимнах — 2.3 слога; В Катхака-упанишаде — памятнике позднего ведического периода — 2.4 слога; в отрывке из эпической поэмы Рамаяна — 3.5 слога; в классическом санскрите: в поэмах Калидасы (*Meghadūta* и *Kumārasambhava*) 3.49 слога; в поэме Ритусамхара — 4.35 слога. Средняя длина слова — самостоятельной лексической единицы — увеличивается за это время весьма незначительно, немногим превышая 2 слога. См.: A. C. Woolner. Average Word-Length in Sanskrit. Dr. Modi Memor. Vol., Bombay, 1930, стр. 68—72.

² Rgveda, X, 108, 1.

их падежных форм. Они выступают в форме основ, одинаковых при передаче любых падежных отношений. В ведическом языке роль таких основ выполняют основы косвенных падежей личных местоимений, приведенные на стр. 35, например, *asmadruh* „враждебный нам“,¹ *tvayatta* „годаренный тобой“, *yuvadatta* „данный вами обоими“, *yusmota* (*yusma* + *uta*) „тот, кому помогаете вы“.

Эти основы, сочетаясь с суффиксом *-vant(-vat-)* и корнем *-dṛś-*, имеющим в этом случае значение „подобный“, имеют долгое конечное *ā*, например *māvat*, *mādṛś* и *mādṛśa* (ж. р. ī) „подобный мне“. Образования типа *mādṛś* употребляются затем и в санскрите.

В санскрите основы личных местоимений, выступающих в качестве первого компонента в словосложениях, образуются, как правило, прибавлением *-d(-t)* к основе косвенных падежей единственного и множественного числа (как и отдельный падеж, см. стр. 24—25), например *matsamadhātu* „имеющий одинаковую природу со мной“,² *asmatsaṃgrasana-vyāttavyālatundāyate* „он изображает пасть тигра, открытую для того, чтобы проглотить нас“,³ *tvatpitṛ* „твой отец“. Основы двойственного числа в словосложениях в санскрите не употребляются. Это говорит об отмирании этой категории в языке.

В ранних санскритских буддийских текстах это *-d(-t)* может отсутствовать, например *asmamata* „наше мнение“, а вместо основы 1-го лица единственного числа *ta* может выступать *tu*, например *mudharma*. Появление в этой основе *u* вместо *a* может быть объяснено влиянием предыдущего губного *m*. В этих же текстах в функции основы личного местоимения 2-лица единственного числа в сочетаниях с производными от корня *-dṛś-* выступает форма именительного падежа *tvam*, например *tvamśādṛśaka* „подобный тебе“, *tvamīdṛśa* „такой, как ты“. Такое употребление формы именительного падежа

¹ Rgveda, I, 36, 16; VIII, 49, 7.

² Śāntideva. Bodhicaryāvatāra, I, 3.

³ Eḥāgavatapurāṇa, X, 12, 49.

Таблица 13

Падежи	Превосходящий меня (тебя)	Превосходящий нас (вас) обоих	Превосходящий нас (вас)
Единственное число			
Именительный . . {	<i>atyakam</i> <i>atitvam</i>	<i>atyaham</i> <i>atitvam</i>	<i>atyaham</i> <i>atitvam</i>
Винительный . . {	<i>atimām</i> <i>atitvām</i>	<i>atyāvām</i> <i>atiyuvām</i>	<i>atyasmām</i> <i>atiyuṣmām</i>
Творительный . . {	<i>atimayā</i> <i>atitvayā</i>	<i>atyāvayā</i> <i>atiyuvayā</i>	<i>atyasmayā</i> <i>atiyuṣmayā</i>
Дательный . . . {	<i>atimahyam</i> <i>atitubhyam</i>	<i>atimahyam</i> <i>atitubhyam</i>	<i>atimahyam</i> <i>atitubhyam</i>
Отделительный . {	<i>atimat</i> <i>atitvat</i>	<i>atyāvat</i> <i>atiyuvat</i>	<i>atyasmat</i> <i>atiyuṣmat</i>
Родительный . . {	<i>atimama</i> <i>atitava</i>	<i>atimama</i> <i>atitava</i>	<i>atimama</i> <i>atitava</i>
Местный {	<i>atimayi</i> <i>atitvayi</i>	<i>atyāvayi</i> <i>atiyuvayi</i>	<i>atyasmayi</i> <i>atiyuṣmayi</i>
Двойственное число			
Именительный . . {	<i>atimām</i>	<i>atyāvām</i>	<i>atyasmām</i>
Винительный . . {	<i>atitvām</i>	<i>atiyuvām</i>	<i>atiyuṣmām</i>
Творительный . . {	<i>atimābhyām</i>	<i>atyāvābhyām</i>	<i>atyasmābhyām</i>
Дательный . . . {	<i>atitvābhyām</i>	<i>atiyuvābhyām</i>	<i>atiyuṣmābhyām</i>
Родительный . . {	<i>atimayoḥ</i>	<i>atyāvayoḥ</i>	<i>atyasmayoḥ</i>
Местный {	<i>atitvayoḥ</i>	<i>atiyuvayoḥ</i>	<i>atiyuṣmayoḥ</i>
Множественное число			
Именительный . . {	<i>ativayam</i> <i>atiyūyam</i>	<i>ativayam</i> <i>atiyūyam</i>	<i>ativayam</i> <i>atiyūyam</i>
Винительный . . {	<i>atimān</i> <i>atitvān</i>	<i>atyāvān</i> <i>atiyuvān</i>	<i>atyasmān</i> <i>atiyuṣmān</i>
Творительный . . {	<i>atimābhiḥ</i> <i>atitvābhiḥ</i>	<i>atyāvābhiḥ</i> <i>atiyuvābhiḥ</i>	<i>atyasmābhiḥ</i> <i>atiyuṣmābhiḥ</i>
Дательный . . . {	<i>atimabhyam</i> <i>atitvabhyam</i>	<i>atyāvabhyam</i> <i>atiyuvabhyam</i>	<i>atyasmabhyam</i> <i>atiyuṣmabhyam</i>

Таблица 13 (продолжение)

Падежи	Превосходящий меня (тебя)	Превосходящий нас (вас) обоих	Превосходящий нас (вас)
Множественное число			
Отделительный . {	<i>atimat</i> <i>atitvat</i>	<i>atyāvat</i> <i>atiguvat</i>	<i>atyasmat</i> <i>atiguṣmat</i>
Родительный . . {	<i>atimā'kam</i> <i>ati'vākam</i>	<i>atyāvā'kam</i> <i>atiguṣvākam</i>	<i>atyasmā'kam</i> <i>atigu.mā'kam</i>
Местный {	<i>atimāsu</i> <i>atitvāsu</i>	<i>atyāvāsu</i> <i>atiguṣvāsu</i>	<i>atyasmāsu</i> <i>atiguṣmāsu</i>

вместо основы имеет аналогию у личного местоимения 1-го лица в санскритских сложных словах. Ср. *aḥaṃkāra* „самосознание“. Встречаются такого рода сложные слова и в буддийском санскрите, например *aḥaṃghāta* „самоубийца“.

В небольшом количестве словосложений, приближающихся к сложным прилагательным, личные местоимения выступают в качестве последнего склоняемого компонента. Такие словосложения согласуются с определяемым в числе и падеже, однако почти в каждом падеже каждого из трех чисел они имеют три формы, первая из которых должна употребляться в том случае, если местоимение мыслится в единственном числе, вторая — в двойственном, третья — во множественном. В именительном падеже единственного числа все эти три формы совпадают. Поскольку они разнятся в других падежах, то будет целесообразно привести полную парадигму склонения двух таких словосложений (табл. 13).

В отношении этого склонения мы присоединяемся к мнению О. Бётлингга, что новые формы в нем образованы по аналогии санскритскими грамматиками.¹ К этим новым формам в единственном числе относятся все формы второго и третьего столбцов вышеприведенной таблицы, кроме форм

¹ О. Böhtlingk. Die Declination im Sanskrit. Mém. de l'Acad. Imp. des Sciences de Saint-Petersb., VI-me série, t. 7, 1844, стр. 186—187.

именительного, дательного и родительного падежей. Остальные формы второго столбца образованы путем присоединения падежных окончаний личных местоимений единственного числа к их основам двойственного числа, а формы третьего столбца образованы от основ личных местоимений множественного числа путем присоединения к ним тех же окончаний единственного числа. В двойственном числе в первом и третьем столбцах новые формы образованы путем присоединения окончаний личных местоимений в двойственном числе к их основам единственного и множественного числа. Во множественном числе формы всех падежей, кроме именительного в первом и во втором столбцах, образованы путем присоединения к основам единственного и двойственного числа окончаний множественного числа. При этом в некоторых падежах образовались правильные формы тех же падежей других чисел благодаря отмеченной выше общности падежных окончаний у личных местоимений для всех трех чисел, например, в третьем столбце единственного числа получились правильные формы отделительного падежа множественного числа, поскольку окончание личных местоимений в этом падеже *-t* одинаково в единственном и множественном числе.

Развитие классового общества в древней Индии не могло не наложить своего отпечатка на язык той эпохи. В отношении личных местоимений оно породило тенденцию к созданию почтительных и уничижительных форм. Тенденция эта оказалась, однако, не в силах изменить существовавшую в древнеиндийском языке описанную выше систему личных местоимений. Поэтому она начала проявляться в преобразовании имен в почтительные и уничижительные личные местоимения. Начало этого процесса наблюдается уже в литературных памятниках ведического периода: брахманах и упанишадах. Так, в Шатапатхабрахмане и Чхандогья-упанишаде засвидетельствовано почтительное местоимение 2-го лица *bhavat*.¹ Восходит оно к при-

¹ Śatapathabrāhmaṇa, X, 3, 43; XIV, 7, 3, 5; XIV, 8, 2, 2; XIV, 9, 1, 10. — Chāndogyaopaniṣad, IV, 4, 1.

⁴ В. С. Воробьев-Десятовский

частью настоящего времени парасмайпада от корня *bhū* „быть“. Морфологически отделилось оно от этого причастия в именительном падеже единственного числа мужского рода (местоимение — *bhavān*, причастие — *bhavan*), во всех падежах женского рода (основа местоимения *bhavatī*, причастия *bhavantī*) и именительном, звательном и винительном падежах двойственного числа среднего рода (местоимение в этих падежах *bhavatī*, причастие *bhavantī*). В остальных же падежах формы местоимения и причастия совпадают.¹ Местоимение *bhavat* употребляется обычно с глагольными формами 3-го лица, которые, сочетаясь с ним, получают значение форм 2-го лица, например *bhavān vakṣyati* „ты расскажешь“² (почтительно, т. е. соответствует современному русскому „Вы расскажете“). Реже употребляется это местоимение с глагольными формами 2-го лица, например *so 'pi bhavān bhava* „будь именно ты“.³

В эпическом санскрите местоимение *bhavat* чередуется с обычным личным местоимением 2-го лица *tvam*, например *bhavān mṛgāṇām adhipas tvam asmin kāṇane prabhuḥ* „ты царь зверей, ты господин в этом лесу“.⁴ В позднейшем санскрите наблюдается употребление форм множественного числа местоимения *bhavat* в значении единственного числа для выражения большего почтения к лицу, к которому обращена речь. Социальное положение говорящего также отражается в синтаксическом положении местоимения *bhavat* в предложении. Об этом говорит следующее место в Каушика-сутре:⁵ *bhavatpūrvām brāhmaṇo bhikṣeta bhavatmadhyām rājanyo*

¹ Из звательного падежа этого местоимения, вероятно, образовалось междометие *bho* (перед глухими согласными *bhoḥ* и *bhos*), употребляющееся при почтительном обращении. Исходной формой для образования этого междометия была, вероятно, не обычная санскритская форма звательного падежа единственного числа мужского рода *bhavan*, а ведическая форма *bhavas* того же рода, числа и падежа. — О. Böhtlingk. Die Declination im Sanskrit, стр. 126.

² Śatapathabrāhmaṇa, X, 3, 4, 3; XIV, 7, 3, 5.

³ Mārkaṇḍeyapurāṇa, 115, 2.

⁴ Rāmāyana, I, 66, 3.

⁵ Kauṣikasūtra (k Atharvaveda), 57

bhavadantyāṃ vaiśyaḥ „брахману следует просить милостыню, (говоря) *bhavati* [звательный пад. ж. р.] в начале (предложения), кшатрию — (говоря) *bhavati* в середине (предложения и) вайшье — (говоря) *bhavati* в конце (предложения)“; т. е.

bhavati bhikṣāṃ dehi — говорит брахман,
bhikṣāṃ bhavati dadātu — говорит кшатрий,
dehi bhikṣāṃ bhavati — говорит вайшья.

Русский перевод всех этих трех обращений к женщине будет один — „подай милостыню“.

То же предписывают и „Законы Ману“:¹ *bhavatpūrvam cared bhikṣāṃ upanīto dvijottamaḥ bhavanmadhyaṃ tu rājanyo vaiśyas tu bhavaduttaram* „лучшему из дваждырожденных (т. е. брахману), собирая милостыню, следует употреблять (местоимение) *bhavat* в начале просьбы, кшатрию же — в середине (просьбы), а вайшье — в конце“.

В памятниках классического санскрита (особенно в драмах) встречается большое количество слов, теряющих свое лексическое значение и имеющих тенденцию стать почтительными личными местоимениями 2-го и 3-го лица, например, *atrabhavat* (первоначальное значение „пребывающий здесь“), *ārya* „благородный“, *bhartṛ* „господин“ и т. д.² Этот процесс является отражением аналогичного процесса в среднеиндийских языках, которые были в то время языками различных народностей Северной Индии. О последнем будет говориться в следующей главе (стр. 87—89).

Процесс появления почтительных и уничижительных форм личных местоимений наблюдается, хотя и не столь отчетливо, также и в 1-м лице. Сюда относится употребление форм множественного числа личного местоимения 1-го лица в значении соответствующих форм единственного числа, например *vaṃ apī bhavatyau sakhigataṃ pṛcchāmaḥ* „я тоже спрошу вас обеих о вашей подруге“³ (слова царя). В. Ш. Апте справедливо

¹ Mānavadharmasāstra, II, 49.

² J. S. Speyer. Vedische und Sanskrit-Syntax, стр. 126.

³ Kālidāsa. Abhijñānaśakuntala, акт I.

считает, что такое употребление форм личного местоимения 1-го лица свидетельствует о высоком общественном положении говорящего.¹ В функции уничижительного местоимения 1-го лица употребляется начиная с эпического санскрита словосочетание *ayañ janaḥ* (его собственное значение „этот человек“), например *anāthasya janasyā 'sya durbalasya tapasvino yo gatiḥ śaraṇaṁ cā'sīt* „который был убежищем и защитой мне, беззащитному, бессильному, истязаемому“.²

В заключение следует остановиться на эмфатических формах личных местоимений. До сих пор они мало изучены. Образуются эти формы путем сочетания указательного местоимения и личного, причем указательное местоимение теряет в этом случае свое ударение. Это явствует из ведических текстов, где ударение обозначено, например *so 'hām* „именно я“.³ Если категория лица выражена глагольной формой, то личное местоимение обычно отсутствует, а указательное местоимение является подлежащим при глагольной форме 1-го или 2-го лица, например *tac cittaratnagrahaṇāya samyak pūjāṁ karomy eṣa tathāgatānām* „я как таковой ревностно поклоняюсь буддхам, чтобы получить сокровище их мысли“.⁴

Такая конструкция встречается в памятниках ведического языка, где она употребляется также с указательным местоимением *tya*. В эпическом и затем в более позднем санскрите в этой конструкции употребляются указательные местоимения *tad* „тот“, *etad* „этот“ и „*idam*“ „этот здесь“. Приведенный выше пример взят из произведения Бодхичарья Аватара буддийского автора Шантидевы. Там эта конструкция встречается неоднократно (II, 6; II, 11 и др.). Употребляются аналогичные эмфатические формы личных местоимений и в среднеиндийских языках, что и будет показано в следующей главе.

¹ V. Sh. Apte. The Students Guide to Sanskrit Composition. 9-th Edition, Bombay, 1925, § 197.

² Rāmāyaṇa, I, 41, 2.

³ Maitrāyaṇisamhitā, II, 12, 1; Vājisāneyisamhitā, VIII, 36.

⁴ Śāntideva. Bodhicaryāvatāra, II, 1.

Относительно возникновения рассмотренных эмфатических форм личных местоимений имеется несколько гипотез. И. Шпайер считает, что они обязаны своим происхождением употреблению анафорического указательного местоимения *ta(sa-)* для сочинения предложений.¹ Эту точку зрения можно оспаривать, поскольку в санскрите с личными местоимениями и финитными формами глагола первых двух лиц употребляется деиктическое указательное местоимение *eta(eṣa-)*, формы которого не выступают в функции союзов при сочинении предложений. В ведах аналогично употребляются указательные местоимения *ava* и *tya*, также не засвидетельствованные в функции сочинительных союзов.

В. И. Кальянов, рассматривая эмфатические формы личных местоимений в Махабхарате, считает их пережитком такой стадии развития языка, когда не существовало разницы между личными и указательными местоимениями, указательные местоимения выполняли функцию личных.² С таким взглядом нельзя согласиться, так как данные сравнительной грамматики индоевропейских языков свидетельствуют против него.

Более вероятным представляется предположение, что употребление указательных местоимений с личными местоимениями и с финитными формами глагола 1-го и 2-го лица служило первоначально средством для определения приближенности или удаленности в пространстве лица, выраженного личным местоимением или глагольной формой. Впоследствии же, когда местоимения *ta(sa)*, *tya* и *ava* потеряли деиктическую семантику, они продолжали употребляться так для выражения эмфазиса.

¹ J. Speyer. Vedische und Sanskrit-Syntax. Strassburg, 1896, стр. 82—83, § 266.

² В. И. Кальянов. Некоторые особенности языка Махабхараты. Уч. зап. Тихоок. инст., т. II, М.—Л., 1949, стр. 206—215.

ГЛАВА II

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ В СРЕДНЕИНДИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

В среднеиндийских языках, как и в древнеиндийских — ведическом и санскрите, — личные местоимения сохраняют особый тип склонения. Именно поэтому следует начать рассмотрение их с анализа падежных форм. Предварительно нужно отметить, что в среднеиндийских языках система склонения личных местоимений упрощается в той же мере, как и система склонения всех склоняемых имен. В связи с тем, что при переходе от древнеиндийских к среднеиндийским языкам отмерла категория двойственного числа, в склонении личных местоимений, как и в именном склонении, нет форм двойственного числа. В среднеиндийских языках перестает существовать как самостоятельная категория дательный падеж. Формы личных местоимений, восходящие к древнеиндийским формам дательного падежа, употребляются в среднеиндийских языках в функции родительного падежа, который унаследовал также большинство значений древнеиндийского дательного падежа. Постепенно выходят также из употребления формы отделительного падежа. Благодаря этому количество форм отделительного падежа личных местоимений, засвидетельствованных в среднеиндийских языках, не велико. В среднеиндийских языках формы этих, а затем и других падежей постепенно выходят из употребления, их функцию начинают выполнять служебные слова, которые затем в новоиндийских языках оформляются в грамматическую категорию послелогов, служащих

для выражения падежных отношений. Главной причиной этого процесса являются значительные изменения фонетической системы, происходящие в среднеиндийских языках. Они разрушают старые флективные окончания, что приводит к совпадению форм различных падежей. В результате количество падежных форм личных местоимений в каждом отдельно взятом среднеиндийском языке в каждый определенный период развития уменьшилось в сравнении с древнеиндийским. Наличие нескольких форм одного падежа в различных среднеиндийских языках объясняется тем, что эти формы восходят либо к различным местным диалектам этого языка, либо сохранились от различных периодов его развития.

Формы каждого падежа различных среднеиндийских языков приводятся ниже в таблицах, а затем разбираются подробнее. В таблицах сокращенно дается название среднеиндийского языка или памятника, в котором засвидетельствована данная форма. Список употребляемых при этом сокращений прилагается в начале главы. В таблицах приводятся только падежные формы, засвидетельствованные в текстах. Формы, приводимые средневековыми индийскими грамматиками для того или иного среднеиндийского языка, но в текстах не засвидетельствованные, рассматриваются в поясняющем таблицу тексте, с соответствующими оговорками.

Ниже приводим список сокращенных обозначений среднеиндийских языков и их памятников, употребляемых в таблицах 14—19 и 22:

А — апабхрамша.

АМг — ардхамагадхи.

Ас — наскальные надписи Ашоки-Пиядаси:

АсКх — в Кхальси у истоков Джамны,

АсГ — в Гирнаре около города Джунагарх на полуострове Катхиявар,

АсДх — в Дхаули около города Катака в Ориссе,

АсДж — в Джаугада в округе Ганьджам бывшего Мадраасского президентства,

- АсМ — в Мансехре в северо-западном Панджабе,
 АсШ — в Шахбазгархи в северной части долины реки Инд,
 АсК — надписи Ашоки на колоннах.
- БС — буддийские санскритские тексты.
- Д — дакшинатъя.
- ДжМ — джайна-махараштри.
- Дх — дхакки.
- КД — документы письма кхароштки из Восточного Туркестана.
- КР — рукопись письма кхароштки, найденная около Хотана.
- М — махараштри.
- Мг — магадхи.
- МгБ — древний магадхи фрагментов буддийских драм, найденных около Турфана.
- П — пали.
- Пкт — собственно пракриты.
- Пш — пайшачи.
- Ш — шаурасени.
- ШБ — древний шаурасени фрагментов буддийских драм, найденных около Турфана.

Именительный падеж

Форма *aḥaṭ* (табл. 14) засвидетельствована в древних пракритах надписей Ашоки, документах письма кхароштки из Восточного Туркестана, языке пали, а также и в поздних пракритах. Она восходит непосредственно к ведической и санскритской форме *aḥat* и отличается от нее лишь тем, что вместо губного носового *m* оканчивается на назализованный гласный *aṭ*. Замена конечных носовых полугласных назализованными гласными является фонетической закономерностью всех среднеиндийских языков. Замена конечного древнеиндийского *-m* знаками *ṃm* в форме *aḥaṃm*, засвидетельствованной в документах письма кхароштки, объясняется, вероятно, влиянием орфографии систем письма индийского происхождения в Цен-

Таблица 14

Единственное число				Множественное число			
1-е лицо		2-е лицо		1-е лицо		2-е лицо	
<i>aḥaṭ</i>	АсГ, Ш, М, П, КД и все Пкт	<i>tvaṭ</i> <i>tuvaṭ</i>	П П, ШБ, БС	<i>vaṇaṭ</i>	Пш, КД	<i>tumhe</i>	П, БС и все Пкт
<i>haṭ</i>	М, ДжМ, Мг, АМг, БС	<i>tumaṭ</i>	БС, Ш, Мг, АМг	<i>vaṇaṭ</i>	АМг, ДжМ	<i>tumhi</i> <i>tusṇhe</i> <i>tuphe</i>	А БС
<i>aḥaṇṭ</i>	КД	<i>tume</i>	АМг	<i>vaṇaṭ</i> <i>vaṇu</i> <i>veṇaṭ</i> <i>veṇa</i>	Д БС КД КД	<i>tubḥhe</i>	АсДх, АсДж
<i>aḥo</i>	КР, КД	<i>tuo</i>	КД	<i>maṇaṭ</i>	П		
<i>aḥu</i>	КР, КД, БС	<i>tu</i>	КД	<i>maṇe</i>	АсДх, АсДж		
<i>aḥuṇ</i>	КД	<i>taṇ</i>	М, ДжМ, АМг	<i>aṇhe</i>	П и все Пкт, А		
<i>ha</i>	БС	<i>tuṇ</i>	М	<i>aṇhaṇṭ</i>	А		
<i>aḥakaṇ</i>	МгБ	<i>tuhaṇ</i>	Дх, БС	<i>aṇhi</i>	А		
<i>hakaṇ</i>	АсКх, АсДх, АсГ, АсК	<i>tuhuṇ</i> <i>taṇṭ</i> <i>thu</i>	А А А				
<i>hage</i>	Мг						
<i>hagge</i>	Мг						
<i>aḥaṇṭ</i>	ДжМ						
<i>aḥaṇṭ</i>	М						
<i>haṇṭ</i>	А						
<i>maṭa</i>	КД						

тральной Азии. В центральноазиатских рукописях часто встречается написание *ṇṭ*. Форма *aḥaṇṭ* употребляется только перед гласными, например *aḥaṇṭ aṇṇa* „я же“.¹

¹ Документ 140, в издании: А. М. Boyer, P. S. Noble, E. J. Rapson, E. Senart. *Kharoṣṭhī Inscriptions Discovered by sir Aurel Stein in Chinese Turkestan*. Oxford, 1920—1929.

Формы *aho* и *ahu* известны из рукописи на бересте, найденной в Кашгаре и написанной алфавитом кхароштки, а также из документов на дереве письма кхароштки, найденных в Восточном Туркестане, и ранних санскритских буддийских текстов. Формы эти либо отражают дальнейшее фонетическое развитие формы *aham* в языках северо-западной Индии в первых веках нашей эры,¹ либо возникли из предполагаемой формы **ahah*, восходящей к древнеиндийской форме *aham*, в которой местоименное окончание именительного падежа *-m* было заменено окончанием *-h* этого падежа под влиянием именного склонения основ на „а“. Форма *hu*, засвидетельствованная в ранних буддийских санскритских текстах, является сандхимальным вариантом формы *ahu*.

Форма *tama*, засвидетельствованная в документах письма кхароштки из Восточного Туркестана, тождественна древней форме родительного падежа единственного числа этого местоимения. Ее употребление в функции именительного падежа вызвано, очевидно, тем, что прошедшее время глаголов образовывалось в северо-западном пракрите от причастия страдательного залога прошедшего времени; ср. *tama srutemi* „я слышал“.² Затем употребление формы *tama* было расширено: она стала употребляться с глаголами в настоящем времени в функции именительного падежа единственного числа местоимения 1-го лица; ср. *tama arogeti* „я здравствую“.³

Наиболее старой формой, к которой восходит ряд форм, употреблявшихся в пракритах центральной и восточной Индии

¹ Следует отметить, что аналогичное фонетическое развитие наблюдается и в восточноиранском сакском языке, на котором, очевидно, говорило большинство населения юго-западной части Восточного Туркестана, пользовавшегося для официальной переписки северо-западным пракритом и письмом кхароштки; ср. сакское *aysu* и древнеиранское *azəm* „я“ (лигатура „*us*“ служила в вертикальном центральноазиатском брахми для графической передачи звука „*z*“).

² Документ 524, в издании: A. M. Boyer, P. S. Noble, E. J. Rapson, E. Senart. *Kharoṣṭhī Inscriptions Discovered by sir Aurel Stein in Chinese Turkestan*. Oxford, 1920—1929.

³ Документ 139, там же.

и в апабхрамша, является форма *ahakaṃ*, засвидетельствованная в древнем магадхи буддийской драмы, фрагменты рукописи которой были найдены в Восточном Туркестане.¹

В восточных надписях Ашоки употребляется только форма *hakaṃ*, отличающаяся от формы *ahakaṃ* лишь утратой начального *a*. Дальнейшим фонетическим развитием этих форм являются формы *hage* и *hagge*, засвидетельствованные в пракрите магадхи. Промежуточное положение между формой *ahakaṃ* и формами *hage* и *hagge* занимают формы *ahake* и *hake*, которые приводятся в грамматиках Маркандеи и Хемачандры, но в текстах до сих пор не засвидетельствованы. В этих формах уже появилось окончание именительного падежа единственного числа *-e*, свойственное именному склонению восточных пракритов, но затворный задненёбный *k*, находящийся между двумя гласными, еще не озвончился.

Форма *ahaṃ*, употреблявшаяся в джайна-махараштри, и форма *ahaṃ*, известная из махараштри, являются дальнейшим фонетическим развитием формы *ahakaṃ* в пракритах центральной Индии. Форма апабхрамша *haṃ* является закономерным фонетическим производным от формы махараштри *ahaṃ*.

Форма *ahakaṃ* отличается от формы *ahaṃ* лишь прибавлением суффикса *-ka-* к основе *aha-*. Суффикс *-ka-* весьма часто присоединялся в пракритах к основам имен, не изменяя их значения.² Реже аналогичный процесс наблюдается в санскрите. Наличие производных формы *ahakaṃ* почти во всех пракритах восточной и центральной Индии дает некоторые основания полагать, что прибавление суффикса *-ka-* к основе *aha-* произошло если не в древнеиндийскую эпоху, то, во всяком случае, в самом начале среднеиндийской.

¹ Н. Lüders. Bruchstücke buddhistischer Dramen. Berlin, 1911, стр. 36.

² Ср.: R. Pischel. Grammatik der Prakrit-Sprachen. Strassburg, 1900, стр. 405, § 598.

Форма *haṭ* находится в таком же отношении к форме *aḥaṭ*, как форма *hakaṭ* к форме *ahakaṭ*. В ней выпало начальное *a*. Выпадение начального *a* в этих формах находит свое объяснение в правилах сандхи. Согласно этим правилам, начальное краткое *a* выпадало в санскрите после *aḥ(s)*,¹ в пракритах же — и после других гласных. Таким образом, формы *haṭ* и *hakaṭ* являются омертвевшими сандхияльными формами, употребление которых в ряде пракритов обобщено.

Кроме рассмотренных выше форм, грамматики Вараручи и Маркандея приводят пракритскую форму именительного падежа единственного числа *aḥammi*; Крамадишвара — форму *amhi*; Хемачандра — форму *mti*. Формы эти в текстах не засвидетельствованы. Несмотря на то что подлинность этих форм подвергалась сомнению, Р. Пишель считает, что формы эти не были сконструированы указанными грамматиками, а действительно существовали в среднеиндийских языках. При этом он производит формы *amhi* и *mti* от древнеиндийской формы 1-го лица единственного числа настоящего времени парасмайпада глагола-связки *asmi*, которая уже в санскрите употреблялась в функции именительного падежа личного местоимения 1-го лица (см. выше, стр. 19). Форму же *aḥammi* Р. Пишель разлагает на местоимение 1-го лица *aḥam* и *mi* — сокращенную форму указанной связки,² однако, скорее всего это форма местного падежа (см. ниже, стр. 78).

В единственном числе личного местоимения 2-го лица палийская форма *tvaṭ* является наиболее близкой по своему фонетическому облику к санскритской форме этого местоимения *tvaṃ*, отличаясь от нее лишь окончанием (назализованный гласный *aṭ* вместо губного носового *m*). Форма *tuvāṭ*, засвидетельствованная в пали, древнем шаурасени

¹ В этих случаях конечное *-aḥ* превращалось в *o*, которое в западных пракритах выступает как закономерный фонетический заместитель древнеиндийского окончания *-aḥ* во всех случаях.

² R. Pischel. ук. соч., стр. 293—294, § 417.

буддийской драмы из Восточного Туркестана и буддийском санскрите, отличается от формы *tvaṃ* лишь тем, что в ней между *t* и *v* вставлен разъединительный гласный *u*¹ для уничтожения скопления согласных. Скопления согласных не могли сохраняться в среднеиндийских языках. Они либо разъединялись путем вставки гласных, либо упрощались путем ассимиляции. В результате ассимиляции появилась засвидетельствованная в махараштри, арахамагадхи и джайна-махараштри форма *taṃ*. В ней затворный *t*, как более сильный звук, ассимилировал полугласный *v*. Форма *tumaṃ*, известная из ряда пракритов и буддийского санскрита, является дальнейшим фонетическим развитием формы *tuvāṃ*. Она отличается от последней только заменой звука *v* звуком *m*. В среднеиндийских языках в некоторых случаях *m* является заместителем древнеиндийского *v*, например апабхрамша *tāma* из санскритского *tāvat* „такой“.²

Форма *tume*, известная в ардхамагадхи, развилась, очевидно, из формы *tumaṃ* под влиянием именного склонения так же, как и форма *hage* и *hagge* из формы *hakaṃ*. Употребляющаяся изредка в махараштри форма *tuṃ* возникла, вероятно, из формы *tvaṃ* путем стяжения слога *va* в гласный *u*.

Форма дхакки *tuhāṃ* выводится Р. Пишелем из предполагаемой древнеиндийской формы **tvakam*, образованной при помощи суффикса *-ka-* подобно форме *ahakaṃ*.³ В качестве примера замены древнеиндийского суффикса *-ka-* пракритским *-ha-* он приводит со ссылкой на Маркандею слова *puttaha* из санскритского *putraka* „сын“, *ekaha* „один“ из санскритского *ekaka*.⁴ Форма апабхрамша *tuhuṃ* является

¹ Качество разъединительного гласного здесь обусловлено тем, что последующий звук *v* является губным.

² Очевидно здесь имела место первоначально частичная назализация *v*, а затем уже его полное превращение в носовой звук. Ср.: R. Pischel. ук. соч., стр. 181, § 261.

³ Там же, стр. 296, § 421.

⁴ Там же, стр. 148, § 206.

закономерным фонетическим развитием формы *tuham*. Форма *tuhi*, засвидетельствованная в западном и восточном апабхрамша, отличается от нее лишь утратой назализации конечного гласного.

Форма *tuo*,¹ известная из документов письма кхароштки, имеет то же окончание, что и *aho* в 1-ом лице, засвидетельствованная в этих документах. Форма *tu*, употребляющаяся в тех же документах, является дальнейшим развитием формы *tuo* и находится к ней в таком же отношении, как и форма *ahu* к форме *aho*. Конечное *o* в этой форме, очевидно, ослабилось в *u*, как и в форме *ahu*. Затем произошло слияние этого *u* с предшествующим *u*, в результате которого могло образоваться *ū* (долгое). Как известно, долгота гласных в письме кхароштки обычно не обозначается.

Форма апабхрамша *tuim* является, очевидно, собственно формой творительного падежа единственного числа этого местоимения. О возможном генезисе формы *thu*, засвидетельствованной в прозаическом апабхрамша, см. выше (стр. 41).

Среди форм 1-го лица множественного числа наиболее близкой к древнеиндийской форме *vaumat* по фонетическому облику является форма *vaumat*, засвидетельствованная в пракрите пайшачи и документах письма кхароштки. Здесь наблюдается та же замена местоименного окончания *-m* назализацией конечного гласного, что и у форм *aham* и *tvaam*, рассмотренных выше. Формы *vaumat* в ардхамагадхи и джайна-махараштри и *vaam* в дакшинатъя иллюстрируют дальнейшее фонетическое развитие этой формы. В форме *vaui*, засвидетельствованной в буддийском санскрипте, окончание *-i* представляет, очевидно, среднеиндийскую редукцию древнеиндийского *-am*.

¹ Возможно, что эта форма является собственно формой родительного падежа и стала лишь позже употребляться в функции именительного падежа, как и форма *tama*. В пользу этого говорит ее употребление с причастием будущего времени страдательного залога, например *tuo kartavo* „будет сделано тобой“.

Форма *tauat*, известная в пали, возникла также из древнеиндийской формы *vayat*. Начальный *v* этой формы заменился звуком *t*, как и в рассмотренной выше форме *tuvat*. Из формы *tauat* в Восточной Индии возникла форма *tauē*. Форма эта засвидетельствована в восточных надписях Ашоки.

Наряду с формами, восходящими к древнеиндийской форме *vayat*, в именительном падеже в пали, а затем и во всех других пракритах широко употребляется форма *amhe*. Форма эта, вероятно, восходит к древнеиндийской форме личного местоимения 1-го лица множественного числа *asme* или же развилась из формы творительного падежа множественного числа *asmaiḥ*, засвидетельствованной в ранних санскритских буддийских текстах.¹ Употребление этой формы в функции именительного падежа быстро возрастает на протяжении всего среднеиндийского периода, и она постепенно вытесняет из употребления производные древнеиндийской формы *vayat*. Так, в апабхрамша употребляется исключительно форма *amhe* и ее производные.

Из форм, приводимых грамматиками, но не засвидетельствованных в текстах, следует отметить форму *hage*, которую Хемачандра приводит как форму, употребляющуюся в значении формы множественного числа в пракрите магадхи. Форма эта является формой единственного числа. Чанда указывает, что форма *bhe* может употребляться для всех падежей множественного числа. Форма *bhe* является, вероятно, усеченной энклитической формой от формы *aphe*² или близкой к ней формы.

Среди форм личного местоимения 2-го лица множественного числа в именительном падеже наиболее распространен-

¹ Возможно также, что это среднеиндийская форма винительного падежа, употребляющаяся в функции именительного падежа. Генезис ее будет рассмотрен ниже (стр. 67).

² Форма эта засвидетельствована как форма винительного падежа множественного числа местоимения 1-го лица в наскальной надписи Ашоки в Дхаули в Ориссе.

ной является форма *tumhe*, которая известна в пали и во многих пракритах. Генезис ее почти совпадает с генезисом формы *amhe*, differing только тем, что в ней древнеиндийский корневой элемент *yu* заменился корневым элементом *tu*, который в древнеиндийском употреблялся лишь в единственном числе. В этом проявляется тенденция к упрощению супплетивности основ в склонении личных местоимений. Форма апабхрамша *tumhi* является дальнейшим закономерным фонетическим развитием пракритской формы *tumhe*.

Суффикс *-sma-*, выступавший в склонении древнеиндийских личных местоимений, сохраняет свою старую фонетическую форму только в ранних формах пали и северо-западном пракрите. Во всех остальных пракритах он претерпевает фонетические изменения. Так, он развился в большинстве пракритов центральной и западной Индии в *mha*. Формы *amhe* и *tumhe* являются тому примером. Однако на востоке Индии его развитие было несколько иным. Здесь он развился первоначально в *pha*. Так, в восточных надписях Ашоки засвидетельствована форма именительного падежа множественного числа местоимения 2-го лица *tuphe*. Генетически эта форма тождественна рассмотренной выше форме *tumhe*. Форма *tuphe*, известная из санскритских буддийских текстов, вероятно, возникла в результате попытки санскритизации формы *tuphe*. Ее дальнейшим фонетическим развитием является употреблявшаяся в ардхамагадхи форма *tubbhe*. Последняя из ардхамагадхи проникла также и в джайна-махараштри. Промежуточное положение между формами *tuphe* и *tubbhe* в отношении развития древнеиндийского суффикса *sma* занимает форма **tuppha*, которая в текстах не засвидетельствована, но приводится Крамадишварой как одна из форм пайшачи. Другая форма пайшачи, приводимая им, — *tumpha* — имеет полное соответствие в приведенной им же форме 1-го лица множественного числа *ampha*.¹

¹ Возможно, древнеиндийское *sma* первоначально развилось в *mpha*, из чего затем получилось *mha*, а в восточной Индии — *pha* и *bbha*.

Винительный падеж

Таблица 15

Единственное число				Множественное число			
1-е лицо		2-е лицо		1-е лицо		2-е лицо	
<i>mat</i>	АсШ, П и все Пкт	<i>tvaṃ</i> <i>taṃ</i> <i>tvaṃ</i>	} П	<i>asme</i> <i>amhe</i>	П, Мг П, Ш, М, ДжМ, А	<i>tumhe</i>	П, Ш, М, ДжМ, А
<i>mataṃ</i>	П, М, ДжМ, АМг	<i>tumaṃ</i> <i>tumaṃ</i>				<i>tuphe</i> <i>tupheni</i> <i>tubbhe</i>	АсДх АсДж АМг
<i>tamiṃ</i>	АМг	<i>tumaṃ</i>	Дх	<i>amha</i> <i>aphe</i> <i>apheni</i> <i>asmākaṃ</i> <i>amhākaṃ</i>	М АсДх АсДж П, БС П	<i>tumhā-</i> <i>kaṃ</i>	П
<i>mahaṃ</i>	М, АМг	<i>taṃ</i>	} А				
<i>maiṃ</i>	А	<i>raiṃ</i>					

Из форм этого падежа личного местоимения 1-го лица в единственном числе наиболее распространенной является форма *mat*. Она восходит к древнеиндийской форме этого падежа *māt*, долгий *ā* которой вместе с конечным носовым *m* превратился в назализованный гласный *aṃ*. Формы *mataṃ* и *mahaṃ* образованы от форм родительного падежа путем назализации конечного гласного, которая является показателем винительного падежа в среднеиндийских языках. Использование в среднеиндийских языках форм родительного падежа в качестве основ для образования других косвенных падежей подтверждает выдвинутое в первой главе настоящей работы предположение о том, что древнеиндийские формы родительного падежа личных местоимений в единственном числе являются наиболее полно сохранившимися древними основами косвенных падежей этих местоимений без каких бы то ни было окончаний (см. выше, стр. 31).

В ардхамагадхи изредка употребляется особая форма личного местоимения для женского рода — *tamiṃ*. Ее окончание *-iṃ* указывает на то, что она образовалась под влиянием именного склонения. Влиянием же именного склонения может быть объяснено появление окончания *-iṃ* в формах апабхрамша.

Грамматики приводят ряд форм винительного падежа единственного числа местоимения 1-го лица, не засвидетельствованных в текстах. Некоторые из этих форм, как то: *aḥam*, *aḥammi* и др., совпадают с формами именительного падежа этого местоимения. Формы *amha* и *amhaṃ* являются, очевидно, собственно формами множественного числа.

Большинство пракритских форм местоимения 2-го лица винительного падежа единственного числа не отличается от соответствующих форм именительного падежа. Объясняется это тем, что эти формы образованы от одних и тех же основ, а окончания, которые в древнеиндийском отличались друг от друга, в среднеиндийских языках совпали. В древнеиндийском конечном *m* в именительном падеже предшествовал краткий *a*, а в винительном — долгий *ā*. Почти во всех среднеиндийских языках конечный *m* как с кратким *a*, так и с долгим *ā* слился в один носовой звук *aṃ*. Благодаря этому между формами именительного и винительного падежей было утрачено фонетическое различие. Различие это, очевидно, продолжало жить в мышлении, поскольку в апабхрамша, а затем и в ряде новоиндийских языков были созданы вновь фонетически отличающиеся друг от друга формы именительного и винительного падежей этого местоимения.

Одной из таких форм является форма апабхрамша *raiṃ*. В ней начальный *r* возник из ассимиляции группы согласных *tv*,¹ в то время как обычно эта группа согласных в среднеиндийских языках ассимилировалась в начале слова в *t*. Таким образом, были использованы два различных способа ассимиляции группы согласных *tv* для дифференциации форм именительного и винительного падежей местоимения 2-го лица.

Другой путь дифференциации форм этих двух падежей наметился в пракрите ардхамагадхи. Здесь, как отмечалось выше, под влиянием именного склонения была создана особая форма именительного падежа *tume*.

¹ R. Pischel, ук. соч., стр. 205, § 300.

Энклитические формы этого падежа будут рассмотрены ниже. Индийские грамматики приводят еще ряд форм винительного падежа, в том числе форму *tume*, которые в текстах засвидетельствованы только как формы именительного падежа.

Во множественном числе формы винительного падежа местоимений 1-го и 2-го лица также совпадают с соответствующими формами именительного падежа. Формы винительного падежа *apheni* и *tupheni* засвидетельствованы только в надписи Ашоки в Джаугада.

Формы этого падежа *amhe* и *tumhe*, засвидетельствованные в пали и ряде позднейших пракритов, и их фонетические варианты могли возникнуть под влиянием именного склонения. В ранних среднеиндийских языках склонение имен мужского рода с основой, оканчивающейся на *a*, утратило в результате фонетических изменений старое окончание винительного падежа *-āṇ* и заменило его окончанием *-e*. Последнее было взято из склонения указательных и других местоимений, где оно было первоначально окончанием именительного падежа. Под влиянием этого процесса и могли возникнуть формы винительного падежа *amhe*, *tumhe* и другие, по своему фонетическому облику идентичные соответствующим формам именительного и местного падежей, или же они являются среднеиндийскими рефlekсами древнеиндийских форм *asme* и *yuṣṭe*.

Вероятно, потребность в формах винительного падежа, отличных от форм именительного и местного падежей, в пали и в махараштри вызвала употребление форм родительного падежа в функции форм винительного падежа. Такими формами являются в пали формы *asmakāṇ* и ее более позднее фонетическое развитие *amhākaṇ* в 1-м лице и *tumhākaṇ* во 2-м лице и форма *amha* в махараштри. Вероятно и во множественном числе формы родительного падежа рассматривались как основы косвенных форм, что и сделало возможным употребление их в функции винительного падежа.

Следует отметить, что палийская форма *asme*, известная также и в магадхи, еще полностью сохраняет древнеиндийский фонетический облик.

Творительный падеж

Т а б л и ц а 16

Единственное число				Множественное число			
1-е лицо		2-е лицо		1-е лицо		2-е лицо	
<i>mauā</i>	П, АсГ	<i>tayā</i>	П	<i>asmehi</i>	КД, БС	<i>tumhehi</i>	П, М, БС
<i>mauā</i>	АсШ,	<i>tae</i>	М, ДжМ,	<i>asmehiṃ</i>	Мг	<i>tumhehiṃ</i>	Ш, ДжМ,
	АсМ		Ш, Мг	<i>amehi</i>	П, М		А
	КД	<i>taī</i>	Мг	<i>amehiṃ</i>	Все Пкт,	<i>tumehiṃ</i>	АМг
<i>mae</i>	Все Пкт	<i>taīṃ</i>	А		А	<i>tusphehi</i>	БС
<i>maī</i>	Мг	<i>tue</i>	М, Мг			<i>tuphehi</i>	АсДх,
<i>maīṃ</i>	А	<i>tui</i>	М				АсДж
<i>matayā</i>	АсКх,	<i>tumae</i>	М, ДжМ			<i>tubbhehiṃ</i>	АМг,
	АсДх,	<i>tumāe</i>	М				ДжМ
	АсДж	<i>tumāi</i>	М			<i>tubbhe</i>	АМг
<i>matiyā</i>	АсК	<i>tume</i>	АМг,			<i>tubhyamhi</i>	БС
<i>maeṇa</i>	А		ДжМ,М				
		<i>paīṃ</i>	А				
		<i>timaīṃ</i>	А				

Древние праkritы имеют в творительном падеже единственного числа окончание *-yā*, как и ведический язык и санскрит. Оно присоединяется в 1-м лице к корневому элементу *ta*. Получившаяся таким образом форма вполне тождественна соответствующей санскритской форме. В ряде надписей Ашоки северной и восточной Индии (Кхальси, Дхаули и Джаугада) окончание *-yā* присоединяется к форме родительного падежа *tata*. В результате этого получились формы *matayā* и *matiyā*. В западных надписях Ашоки (Шахбазгархи и Мансехра), а также в документах письма кхароштхи, это окончание отражено как *-ya*.¹

¹ Древнепраkritские формы *ta[m]ā[ye]* (малая наскальная надпись Ашоки в Дхаули II, 4), *matiyāye* (малая наскальная надпись Ашоки в Джаугада II, 6) и *hamiyāye* (наскальная надпись Ашоки в Бхабра 3) могут рассматриваться как формы творительного падежа. Жюль Блок считает, что их окончание *-ye* происходит или из именного склонения, или же восходит к безударной форме этого же падежа *te*, слившейся

Во 2-м лице в пали окончание *-yā* присоединяется к корневому элементу *ta*, образовавшемуся в результате ассимиляции согласных древнеиндийского корневого элемента этого местоимения *tva*.¹ В собственно пракритах окончание *-yā* в результате стяжения (*saṃprasāraṇa*) переходит в *-e*, благодаря чему форма *mayā* превращается в *mae*. Форма магадхи *maī* является дальнейшим фонетическим развитием формы *mae*.

В апабхрамша это конечное *i*, развившееся из *e*, назализируется, — в результате получилась форма *maiṃ*. Формы, отражающие аналогичное фонетическое развитие древнепраkritской формы *tamayā*, в текстах не засвидетельствованы, но приводятся средневековыми индийскими грамматиками. Это формы *tamae*, *tamāi* и *mai*.

Во 2-м лице формы *tae*, *taī* и *taiṃ* иллюстрируют такое же фонетическое развитие. То же самое можно сказать о формах *tue* и *tuī* и формах *tumae*, *tumāe*, *tumāi*, *tume*, а также формах апабхрамша *paiṃ* и *timaiṃ*.¹ Отличаются эти формы от форм *tae*, *taī* и *taiṃ* корневыми элементами, которые, как отмечалось выше (стр. 66), являются различными среднеиндийскими рефlekсами древнеиндийского корневого элемента *tva*.

Во множественном числе окончание *-hi* восходит к древнеиндийскому окончанию этого падежа *-bhiḥ(s)*, перед которым конечное *a* основы перешло в *e* под влиянием именного склонения. Конечный гласный окончания *-hi* во многих пракритах назализируется. Основы большинства форм творительного падежа множественного числа встречались в формах именительного и винительного падежей и будут рассмотрены ниже. Следует отметить лишь основу *tuma-*, от которой образована

с ударной формой. Он допускает также и иное происхождение окончания этих форм. См.: Jules Bloch. L'Indo-Aryen du Veda aux temps modernes. Paris, 1934, стр. 145—147. Ср также: A. C. Woolner. Asoka Text and Glossary. Calcutta, 1924, стр. XXXII.

¹ Форма *timaiṃ* засвидетельствована: Bhavisatta kahā, 144, 9. Издание Н. Jacobi, München, 1918.

форма ардхамагадхи *tumehiṃ*. Она являлась, вероятно, первоначально основой единственного числа. Форма ардхамагадхи *tubbhe* не имеет окончания творительного падежа. Она употребляется, как и ведическая форма *yuṣṭe*, в значении ряда падежей множественного числа.

Форма *tubhyamhi*, засвидетельствованная в санскритских буддийских текстах, образована путем присоединения среднеиндийского окончания творительного падежа множественного числа *-hi* к старой форме дательного падежа единственного числа *tubhyam*, которая в среднеиндийскую эпоху стала употребляться как форма родительного падежа и благодаря этому стала выступать в функции основы для образования других косвенных падежей.

Присоединение окончания творительного падежа, свойственного именному склонению, наблюдается также и в приведенной в таблице форме творительного падежа единственного числа личного местоимения 1-го лица *таера*, засвидетельствованной в апабхрамша.¹

Отделительный падеж

Таблица 17

Единственное число			
1-е лицо		2-е лицо	
<i>mamato</i>	БС	<i>tatto, tuvatto</i>	Ш
<i>mamāo</i>	ДжМ	<i>tumāo, tumāhi</i>	М
<i>mamāhiṃto</i>	АМг, ДжМ	<i>tumāhiṃto</i>	М, Ш

В ряде пракритов формы отделительного падежа не засвидетельствованы. Так, в пали функции отделительного падежа в обоих числах выполняют формы творительного падежа.

¹ Kanakāmara. Karakaṇḍacarita I, 10; 975—1025 г. н. э. Ср. G. V. Tagare. Historical Grammar of Apabhraṃṣa. Poona, 1948, стр. 209.

В большинстве пракритских памятников отсутствуют особые формы этого падежа во множественном числе.

В единственном числе окончание *-to* восходит к древнеиндийскому суффиксу *-taḥ(s)*, имеющему значение показателя отделительного падежа. Он был присоединен, очевидно, в раннюю эпоху развития среднеиндийских языков к формам, уже имевшим значение этого падежа, чтобы сохранить их.¹ Без этого они должны были бы потерять окончание отделительного падежа *-d(-t)* в результате фонетических изменений в среднеиндийских языках. Это могло вызвать отмирание этих форм. Так образованы формы *tatto* и *tuvatto*. Окончание *-o* также восходит к этому суффиксу *-taḥ(s)*. При помощи этого окончания образованы формы *tamāo* и *tumāo*. Но к ним указанный суффикс был присоединен сразу же после потери ими окончания *-d(-t)*, т. е. в более позднюю эпоху. Согласно пракритским фонетическим законам *d(t)* в положении между двумя гласными выпал.²

Генезис этих форм является одним из примеров того, как в языке сохраняются грамматические категории, живые в языковом мышлении, но утрачивающие свои формы в результате фонетических изменений.

Форма *tamato* образована путем присоединения суффикса *-to* к форме родительного падежа единственного числа.

Индийские грамматики приводят большое количество пракритских форм отделительного падежа единственного и

¹ Отражение этого процесса в санскрите отмечено выше: см. гл. I, стр. 24.

² Возможно, надписи Ашоки содержат форму отделительного падежа *tamate*. Этому мнению придерживается ряд исследователей (Х. Керн, Х. Людерс, Э. В. Хульцш). В этой форме конечное *-te* рассматривается как рефлекс древнеиндийского суффикса *-taḥ(s)* в среднеиндийских языках восточной Индии. Суффикс этот был присоединен непосредственно к форме родительного падежа единственного числа *tama*. Следует отметить, однако, что Э. Сенар и Г. Бюлер считают указанное слово не падежной формой, а сочетанием формы родительного падежа единственного числа местоимения 1-го лица *tama* с энклитической формой единственного числа 2-го лица *te*.

множественного числа, не засвидетельствованных в текстах. Формы эти в большинстве случаев образованы от форм родительного падежа путем присоединения к ним суффикса *-to* (обычно в форме *-tto*), его более поздних рефлексов *-o* и *-u*, а также окончаний *-hi*, *-hiṃto*, *-suṃto* и др. Обилие этих форм, их схематичность и несоответствие некоторых из них фонетическому развитию среднеиндийских языков заставляют полагать, что многие из этих форм были сконструированы авторами индийских пракритских грамматик. В наибольшей степени это относится к формам, приводимым в грамматике Синхараджи.

Во множественном числе засвидетельствованы только форма отделительного падежа *amhehiṃto* в джайна-махараштри от местоимения 1-го лица и форма *tumhahaṃ* в апабхрамша. Форма джайна-махараштри *amhehiṃto* является формой отделительного падежа *amhehiṃ*, к которой присоединен суффикс *-to*. Аналогично образованы формы единственного числа *tamahiṃto* и *tumahiṃto*, но в них окончание творительного падежа множественного числа *-hiṃ* с суффиксом *-to* присоединено к корневому элементу единственного числа. Окончание *-hi* творительного падежа множественного числа присоединено к корневому элементу единственного числа в форме махараштри *tumāhi*. Возможно, что совпадение форм отделительного и творительного падежа, имевшее следствием отмеченный перенос окончаний *-hi* и *-hiṃto* в единственное число, вызвано тем, что пракритское *-hi* восходит как к древнеиндийскому окончанию творительного падежа *-bhiḥ(s)*, так и к древнеиндийскому окончанию отделительного падежа множественного числа *-bhyah(s)*.

Дательный падеж в среднеиндийских языках как самостоятельная категория уже не сохранился. Сохранившиеся формы этого падежа в единственном числе употребляются в пракритах в функции форм родительного падежа, унаследовавшего большинство значений дательного падежа. Формы дательного падежа личных местоимений во множественном числе засвидетельствованы только в документах письма кха-

роштни из Восточного Туркестана. Однако и они в ряде случаев имеют четкую семантику родительного падежа. Поэтому все среднеиндийские формы, генетически восходящие к древнеиндийским формам дательного падежа, будет целесообразней рассмотреть вместе с формами родительного падежа.

Родительный падеж

Как в древнеиндийском, так и в среднеиндийских языках ряд форм этого падежа (табл. 18) восходит, очевидно, к наиболее полно сохранившимся древним основам косвенных форм.¹ Это формы *tata*, *tava*, *amha*, *tuma* и *tumha*. Они имели широкое распространение и в среднеиндийских языках, как это видно из приведенной ниже таблицы. Формы *tataṁ*, *tavaṁ*, *amhaṁ*, *tumaṁ*, *tumhaṁ*, а также *tubbhaṁ* представляют те же самые формы-основы с назализованным конечным гласным. Назализация конечного гласного, довольно широко распространенная в среднеиндийских языках, привела к совпадению формы *tataṁ* в пали с соответствующей формой винительного падежа. То же самое произошло с формой *tumaṁ* в ардхамагадхи и махараштри. Форма 2-го лица множественного числа *tubbhe* является собственно формой ардхамагадхи, откуда она и проникла в джайна-махараштри. Форма *tatā*, известная из двух надписей Ашоки и буддийских санскритских текстов, имеет долготу конечного гласного.² В форме *taṁta*, засвидетельствованной в документах письма кхароштни из Восточного Туркестана, *ṁt* возникло под влиянием орфографии центральноазиатских систем письма, как и в приведенной выше форме именительного падежа *aḥaṁt*. Формы *tusya* и *tuṣa*, засвидетельствованные в доку-

¹ См. выше: гл. I, стр. 31, 35—38.

² Аналогичной формой родительного падежа единственного числа местоимения 1-го лица является, очевидно, форма *hatā*, засвидетельствованная в наскальной надписи Ашоки в Бхатра. Она отличается от формы *tatā* тем, что образована от основы именительного падежа этого местоимения.

Таблица 18

Единственное число				Множественное число			
1-е лицо		2-е лицо		1-е лицо		2-е лицо	
<i>тата</i>	П, АсГ, АсКх, АсДх, АсК и все Пкт	<i>tava</i>	П, ШБ и все Пкт	<i>amha</i>	М, ДжМ	<i>tumha</i>	М
				<i>amhaṇ</i>	П, АМг, ДжМ	<i>tumhaṇ</i>	П
		<i>tavaṇ</i>	П	<i>asmakaṇ</i>	КД	<i>tubbhaṇ</i>	АМг
		<i>tuma</i>	БС	<i>asmaḡa</i>	КД	<i>tubbhe</i>	АМг, ДжМ
<i>татаṇ</i>	П, АсДж, АМг, ДжМ	<i>tumaṇ</i>	М, АМг	<i>asmākaṇ</i>	П, АМг	<i>tusmakaṇ</i>	КД
		<i>tuo</i>	КД	<i>amhākaṇ</i>	П	<i>tusmaḡa</i>	КД
		<i>tusya</i>	КД	<i>aphākaṇ</i>	АсДх	<i>tumhā-</i>	
<i>tatā</i>	АсДх, АсКх, БС	<i>t sa</i>	КД	<i>amhāṇaṇ</i>	М, ДжМ, Ш	<i>kaṇ</i>	П
		<i>tuha</i>	М, Ш, ДжМ, А	<i>amhahaṇ</i>	А	<i>tuphākaṇ</i>	АсДх
<i>таṇта</i>	КД	<i>tuhaṇ</i>	АМг	<i>asmahu</i>	КД	<i>tumhā-</i>	Все
<i>таһа</i>	АсШ и все Пкт	<i>tahi</i>	КД	<i>amaḡo</i>	КД	<i>ṇaṇ</i>	Пкт
		<i>dahi</i>	КД	<i>amahu</i>	КД	<i>tumha-</i>	
<i>таһаṇ</i>	М	<i>taū</i>	А	<i>asmabhi</i>	КД	<i>haṇ</i>	А
<i>mahi</i>	КД	<i>to</i>	А	<i>asmehi</i>	КД	<i>tusmahu</i>	КД
<i>mahu</i>	А	<i>tehi</i>	КД			<i>tumaḡo</i>	КД
<i>маа</i>	АсМ, АсШ	<i>tuhya(ṇ)</i>	БС			<i>tumahu</i>	КД
		<i>tuyhaṇ</i>	П				
<i>муһа</i>	ДжМ	<i>tujjha</i>	М, ДжМ				
<i>mayhaṇ</i>	П	<i>tujjhaṇ</i>	ДжМ, М				
<i>majjha</i>	М, ДжМ, Ш	<i>tujjhu</i>	А				
		<i>tujjhaha</i>	А				
<i>majjhaṇ</i>	ДжМ, М	<i>tubbha</i>	АМг				
<i>majjhu</i>	А	<i>tubbhaṇ</i>	АМг				
<i>mujjha</i>	ДжМ	<i>tudhra</i>	А				
<i>mujjhaṇ</i>	ДжМ	<i>tumhaṇ</i>	П, М				
<i>amhaṇ</i>	П	<i>tumma</i>	М				

ментах письма кхароштки из Восточного Туркестана, образованы путем присоединения к корневому элементу этого местоимения окончания *-sya*, употреблявшегося в древнеиндийском как показатель родительного падежа единственного числа в склонении имен с основами на *a* (краткое), а также

указательных, вопросительных и других местоимений в мужском и среднем роде.

Формы *tuha*, *tuhaṁ* могут представлять дальнейшее фонетическое развитие старой формы дательного падежа **tuhya* или формы *tusya*. Однако возможно, что эти формы, как и форма именительного падежа единственного числа *tuhaṁ* в пракрите дхакки, восходят к форме родительного падежа *tava*, к которой был присоединен суффикс *-ka-*; *u* в корневом элементе могло возникнуть в результате стяжения слога *ava*, окончание *-ha*, как уже отмечалось выше (стр. 61), может быть среднеиндийским рефлексом древнеиндийского суффикса *-ka-*. Формы *tamaka* и *tavaka* были известны в древнеиндийском. Ко второй из них восходит, очевидно, форма *tuō*, засвидетельствованная в северо-западном пракрите документов письма кхароштки из Восточного Туркестана. Присоединение суффикса *-ka-* к основе косвенных форм, имевшей значение родительного падежа, было отмечено уже в древнеиндийском. Формы множественного числа *asmākaṁ*, *amhākaṁ*, *tumhākaṁ*, *aphākaṁ* и *tuphākaṁ* образованы аналогично при помощи суффикса *-aka-*, близкого по нормам употребления к суффиксу *-ka-*, как это уже отмечалось при рассмотрении древнеиндийских форм этого падежа. Такого же происхождения формы *asmakaṁ* и *tusmakaṁ*, известные в северо-западном пракрите, и их дальнейшее фонетическое развитие *asmaḡa* и *tusmaḡa*. Гласный *a* после *sm* в них является, очевидно, долгим, но его долгота не обозначена благодаря орфографии письма кхароштки. Формы местоимения 1-го лица *maha*, *mahaṁ*, *mahi*, *mahu*, *maa* и *muha* могут также восходить либо к форме *mayha(ṁ)*, известной в пали, либо к форме **masya*, образованной под влиянием именной флексии, или же к форме **maka*, представляющей сочетание усеченной основы косвенных форм *ma* и суффикса *-ka-*, а формы местоимения 2-го лица *tahi*, *dahi* и *tai* — соответственно к форме **tvasya* или к форме **tvaka*. Однако формы апабхрамша *tai* и *to* могут представлять дальнейшее развитие формы *tava*.

Во множественном числе формы *amhāṇaṃ* и *tumhāṇaṃ* образованы при помощи присоединения к местоименным основам окончания *-āṇaṃ*, являющегося показателем родительного падежа множественного числа именных основ на *a* в среднеиндийских языках. Таким образом, появление этих форм объясняется влиянием именного склонения. В формах апабхрамша *amhahaṃ* и *tumhahaṃ* окончание *-haṃ* восходит к древнеиндийскому окончанию родительного падежа множественного числа склонения указательных, вопросительных и других местоимений *-sām* (*-ṣām*); ср. *tāsām*, *teṣām* „тех“, *etāsām*, *eteṣām* „этих“ и т. д. Так как это окончание *-haṃ* широко употребляется в апабхрамша как показатель родительного падежа множественного числа в именном склонении, его появление в склонении личных местоимений следует также отнести за счет влияния именного склонения.

Формы *mayhaṃ*, *majjha*, *majjhaṃ*, *majjhu*, *mujjha*, *mujjhaṃ* и *tuyha(ṃ)*, *tuyhaṃ*, *tujjhaṇ*, *tujjhaḥ*, *tujjhu* восходят к древнеиндийским формам дательного падежа *mahyam* и *tubhyam*. В пракритах дательный падеж как самостоятельная категория исчез, а его сохранившиеся формы стали употребляться в функции форм родительного падежа. Древнеиндийское окончание этого падежа в склонении личных местоимений *-(b)hyam* в ранних пракритах развилось благодаря изменениям фонетики в *-yhaṃ*, а затем в собственно пракритах в *-jjhaṃ* и *-jjhu* в апабхрамша. К этим же формам могут восходить и рассмотренные выше формы *maha* и *tuha* и их фонетические варианты. При их возникновении могла иметь место утрата затворного элемента придыхательным *jh*. Однако их происхождение может быть объяснено и иначе, как это было сделано выше (стр. 75).

Форма апабхрамша *tujjhaha* образована от пракритской формы *tujjha*, отличающейся от формы *tujjhaṃ* лишь отсутствием назализации конечного гласного, путем присоединения окончания родительного падежа именного склонения апабхрамша *-ha*. Формы *asmahu*, *amaho* и *tasmahu*, *tumaho*, *tumahu* засвидетельствованные в документах письма кхароштки

из Восточного Туркестана, также восходят к древнеиндийским формам дательного падежа, а формы *asmabhi* и *asmehi*, засвидетельствованные там же, являются собственно формами творительного падежа.

Палийские формы единственного числа *amhaṃ* и *tumhaṃ* являются, собственно, формами множественного числа. То же самое можно сказать о формах махараштри *tumhaṃ* и *tumta*.

Местный падеж

Т а б л и ц а 19

Единственное число				Множественное число			
1-е лицо		2-е лицо		1-е лицо		2-е лицо	
<i>mayi</i>	П	<i>tvayi</i>	П	<i>amhesu</i>	П, М	<i>tumhesu</i>	П
<i>maī</i>	Ш	<i>tagi</i>	П	<i>aphesu</i>	АсДж	<i>tu phesu</i>	АсДх,
<i>maīṇ</i>	А	<i>taī</i>	Ш, М,	<i>amhāsu</i>	М, А		АсДж
<i>tamatmi</i>	М, ДжМ		ДжМ				
<i>ahaṃmi</i>	БС	<i>taīṇ</i>	А				
		<i>tuvi</i>	М				
		<i>tume</i>	М				
		<i>tumaṃsi</i>	АМг				
		<i>tumammi</i>	М, ДжМ				
		<i>tui</i>	Ш				
		<i>paīṇ</i>	А				

Большинство форм этого падежа в единственном числе образовано при помощи окончания *-i*. Это окончание, как и окончание множественного числа *-su*, сохраняется у личных местоимений с древнеиндийской эпохи. Окончание *-i* в апабхрамша назализируется. Окончание *-ṃsi* в форме ардхамгадхи *tumaṃsi* и его фонетическая разновидность *-mti* в формах махараштри и джайна-махараштри *tamatmi* и *tumatmi* восходит к древнеиндийскому окончанию местного падежа единственного числа указательных, вопросительных и других местоимений *-smiṇ*. Его пракритские формы в среднеиндийскую эпоху стали использоваться как окончание этого

падежа в именном склонении, а из него проникли в склонение личных местоимений. Появление *e* перед окончанием множественного числа *-su* в формах *amhesu*, *aphesu* и *tumhesu*, *tuphesu* объясняется также влиянием именного склонения.

Форма *aḥammi* образована от основы именительного падежа *aḥa-*. Встречается она в санскритских буддийских текстах, но является типичной среднеиндийской формой.

Индийские средневековые пракритские грамматики приводят большое количество форм этого падежа местоимения 1-го и 2-го лица в единственном и множественном числе. В единственном числе большинство этих форм образовано путем присоединения окончания *-mti* к форме родительного падежа единственного и множественного числа, например в 1-м лице формы *mahammi*, *majjhammi* и *aḥammi*, во 2-м лице *tummi*, *tuvammi*, *tuhammi*, *tujjhammi*, *tubbhammi* и *tumhammi*. Во множественном числе даются формы, образованные, в основном, от тех же форм родительного падежа единственного числа, рассматриваемых как основы косвенных падежей, а также от различных основ множественного числа. При этом конечное *a* в ряде случаев заменяется *e* также под влиянием именного склонения, например *tamasu*, *tamesu*, *mahasu*, *mahesu*, *majjhasu*, *majjhesu* и *amhasu* в 1-м лице; во 2-м лице — *tusu*, *tuhesu*, *tuvesu*, *tumesu*, *tumhesu*, *tumhāsu*, *tumhasu*, *tujjhisuṃ* и *tumbhisuṃ* (две последние формы приводит только Маркандей).

Из приведенного разбора склонения личных местоимений 1-го и 2-го лица в среднеиндийских языках можно заключить, во-первых, что его древний агглютинирующий тип продолжал исчезать под влиянием именного склонения. В пракритах встречается уже гораздо большее количество форм, имеющих окончания, совершенно аналогичные окончаниям соответствующих падежей среднеиндийского именного склонения. Затем следует отметить, что флективное склонение личных местоимений, как и флективное склонение других местоимений и имен, постепенно отмирает. Формы отдельных падежей либо

совсем выходят из употребления, например форма отделительного падежа, либо совпадают с формами другого падежа, например форма именительного и винительного падежей местоимения 2-го лица. Функцию флексивных падежных форм начинают выполнять аналитические формы, возникающие либо из словосложений, либо из сочетаний самостоятельных слов. Процесс создания аналитических форм еще не завершается в среднеиндийскую эпоху, он находит свое завершение лишь в новоиндийскую эпоху. Однако в апабхрамша уже довольно явно намечаются создающиеся вновь аналитические формы. О развитии аналитических форм, которые могут быть также названы агглютинирующими, из словосложений будет сказано ниже (стр. 86). Аналитические формы, образующиеся из сочетания самостоятельных слов, для языка апабхрамша приводит грамматик Хемачандра (пракритский раздел его грамматики, IV, 372—373), хотя и не рассматривает их как самостоятельные формы, что, очевидно, объясняется влиянием санскритской грамматики. Так, он приводит как пример употребления формы родительного падежа *tumhaham* в функции отделительного падежа фразы: *tujjha hontau āgado* „пришедший от тебя“, *tudhra hontau āgado* с тем же значением и *tumhaham hontau āgado* „пришедший от вас“. Нетрудно увидеть, что функцию показателя отделительного падежа здесь выполняет послелог *hontau*. Слово это, как уже отмечали Р. Хёрнле¹ и Дж. Бимс,² восходит к причастию парасмайпада настоящего времени от глагола *bhū* и в пракритах имело формы *bhavanta(o)*, *bhanta(o)* и *havanta(o)*. Его позднейшее развитие засвидетельствовано как послелог отделительного падежа *honto* или *hunto* в старом хинди (Чанд Бардаи), *bhandā* в пурби пахари и *haite* в бенгальском языке. Эти примеры довольно ясно свидетельствуют о том, что в апабхрамша функцию отмирающих флексивных форм отде-

¹ R. Hoernle. A Comparative Grammar of the Caudian Languages with Special Reference to the Eastern Hindi. 1880, стр. 227—228, § 276.

² J. Beames. A Comparative Grammar of the Modern Aryan Languages of India, vol. II. London, 1875, стр. 234—237.

лительного падежа начинают выполнять новые аналитические формы. Там же Хемачандра приводит и аналитическую форму родительного падежа во фразе *tumhahaṃ kerauṃ dhanu* „ваше богатство“, где *kerauṃ* выполняет функцию послелога родительного падежа в сочетании со старой флексивной формой родительного падежа, уже потерявшей, очевидно, свою выразительность. Слово *kerauṃ* восходит к древнеиндийскому производному от глагола *kr* „делать“, а ее дальнейшее развитие известно в целом ряде новоиндийских языков как послелог родительного падежа, например послелог *kā* в хинди.¹

Следует отметить также, что в ряде пракритов в отдельных падежах имеются формы единственного числа, образованные от основ множественного числа путем присоединения к ним окончаний единственного числа, а также формы множественного числа, образованные от основ единственного числа при помощи окончаний множественного числа, например в пали *amhaṃ* „мой“ и „наш“, *tumhaṃ* „твой“ и „ваш“ и т. д. Появление таких форм свидетельствует о том, что основы личных местоимений изменяют в сознании говорящих на среднеиндийских языках категорию числа. Дальнейшее развитие этого процесса будет наблюдаться в новоиндийских языках.

После рассмотрения склонения личных местоимений будет целесообразно выделить основы этих местоимений в 1-м и во 2-м лице. В среднеиндийских языках сохранились основы именительного падежа, отличные от основ косвенных падежей, только в 1-м лице, хотя и не во всех пракритах (табл. 20).

В единственном числе помимо основы *aḥa-*, употреблявшейся уже в ведическом языке и в санскрите, в среднеиндийских языках употребляется основа *ahaka-*, образованная от основы *aḥa-* путем прибавления суффикса *-ka-*. Звук *k* этого суффикса озвончается, а затем либо становится долгим, либо выпадает, как и многие другие одиночные затворные соглас-

¹ L. Alsdorf. *Apabhraṃśa-Studien. Abhandl. für die Kunde des Morgenl.*, XXII, 2, Leipzig, 1937, стр. 23—24.

Таблица 20

Единственное число	Множественное число
<i>aḥa-</i> , <i>ha-</i> ; <i>aḥaka-</i> , <i>haka-</i> <i>aḥaṣṭa-</i> , <i>haḡ(g)a-</i> <i>aḥaa-</i> , <i>haṭ-</i>	<i>vaṣa-</i> , <i>veṣa-</i> , <i>maṣa-</i> <i>vaṣṭa-</i> <i>vaā-</i>

ные в положении между гласными. Начальное *a* обеих основ выпадает также под влиянием правил сандхи. Основы без начального *a* в ряде среднеиндийских языков начинают употребляться более широко без учета породивших их правил сандхи.

Во множественном числе звук *u* древнеиндийской основы выпадает тоже, как согласный между двумя гласными. В древних пракритах он еще сохраняется, но начальный *u* в пали и восточных надписях Ашоки переходит в *m*. Как уже отмечалось выше (стр. 61), такой фонетический переход имеет довольно широкое распространение в среднеиндийских языках.

Во 2-м лице в среднеиндийских языках, как и в древнеиндийском, основы именительного падежа не отличаются от основ косвенных падежей и исторически восходят к ним. Поэтому их будет целесообразно свести в таблицу вместе с основами косвенных падежей местоимения 1-го лица:

Таблица 21

Единственное число		Множественное число	
1-е лицо	2-е лицо	1-е лицо	2-е лицо
<i>mama-</i> <i>ma-</i> <i>mi-</i>	<i>tva-</i> <i>tuva-</i> <i>ta-</i> <i>tuma-</i> <i>tima-</i> <i>pa-</i> <i>tu-</i> <i>tuḥa-</i>	<i>asma-</i> <i>amha-</i> <i>ama-</i> <i>apha-</i>	<i>tusma-</i> <i>tumha-</i> <i>tuma-</i> <i>tupha-</i> <i>tubbha-</i>

Основы косвенных форм в 1-м лице единственного числа *та-* и *тата-* — те же, что и в древнеиндийском. Основа *ти-* развилась, очевидно, из основы *та-*. Гласный *а* превратился в ней в *и* под ассимилирующим влиянием предшествующего губного *т*.

Во 2-м лице единственного числа в ранних пракритах сохраняется древнеиндийская основа *tva-*. Затем *υ* в ней либо ассимилируется затворным *t*, так как в среднеиндийских языках скопления согласных не сохраняются, в результате чего получаются основы *та*¹ и *ра-* (губной полугласный *υ* вызвал переход затворного зубного *t* в затворный губной *р*),² либо между *t* и *υ* вставляется разъединительный гласный *и*, и тогда основа получает фонетический облик *tuva-*. Позднее звук *υ* в этой основе переходит в *т*. Засвидетельствованная в апабхрамша основа *tima-* образовалась так же, но в функции разъединительного гласного в ней выступал *и*.

В основе 1-го лица во множественном числе сохраняется корневой элемент *а-*. Древнеиндийский корневой элемент *уи-* в основах 2-го лица множественного числа заменяется корневым элементом *ту-*, употреблявшимся в древнеиндийских языках только в единственном числе. В среднеиндийскую эпоху корневой элемент основы множественного числа местоимения 2-го лица *уи-* сохранился, очевидно, лишь на северо-западе Индии. Он засвидетельствован как безударная форма местоимения 2-го лица в винительном и родительном падежах множественного числа в рукописи Дхаммапады на бересте, выполненной письмом кхароштки,³ а в основе, выступающей в словосложениях, — в пракрите пайшахи.

¹ В получившемся таким образом корневом элементе *та* начальный затворный озвончается в форме родительного падежа *dahi*, засвидетельствованной в документах письма кхароштки из Восточного Туркестана.

² Возможно также, что основа косвенных падежей местоимения 2-го лица единственного числа в апабхрамша *ра-* восходит к пракритскому возвратному местоимению *appa*, развившемуся из древнеиндийского слова *atman* „душа“.

³ А 27; см.: E. Senart. Le manuscrit kharoṣṭhi du Dhammapada. Les fragments Dutreuil de Rhins. Journ. Asiat., Paris, 1898, стр. 18.

Древнеиндийский суффикс *-sma-*, присоединявшийся к корневым элементам основ косвенных падежей во множественном числе, сохранился без каких бы то ни было изменений в основе 1-го лица множественного числа только в северо-западном пракрите, пали и магадхи. Его фонетический вариант *-ṣma-* (после *и*) в основе косвенных падежей множественного числа 2-го лица имеет рефлекс *-sma-* только в наиболее старых по типу формах северо-западного пракрита.

В древних пракритах восточных надписей Ашоки суффикс *-sma-*, как и его фонетический вариант *-ṣma-* во 2-м лице, перешел в *-pha-*. Затворный элемент этого слога стал затем звонким и долгим. Во всех остальных пракритах древнеиндийский суффикс *-sma-* (*-ṣma-*) имеет рефлекс *-mha-*.

Сравнивая рассмотренные выше основы с древнеиндийскими основами личных местоимений (гл. I, стр. 35), нельзя не прийти к выводу, что количество супплетивных основ у личных местоимений в среднеиндийскую эпоху сократилось.

В ранних пракритах, а затем и в собственно пракритах, употребление формы именительного падежа с финитными формами глагола соответствующего лица имеет, как и в древнеиндийском, усилительное значение. Однако по мере фонетического разрушения личных окончаний глагола именительный падеж личных местоимений начинает употребляться с ними постоянно и, теряя усилительное значение, превращается в простые показатели лица.¹

В среднеиндийских языках значительно чаще встречается употребление форм творительного и родительного падежей личных местоимений с причастиями страдательного залога. Связано это с тем, что в собственно пракритах выходят из

¹ Так, уже в пали личное местоимение 1-го лица было присоединено к глагольным основам в 1-м лице обоих чисел желательного наклонения вместо стершихся личных окончаний. В результате получились палийские формы *vatteyyāham* „я хочу стать“ и, вероятно, *vatteyyāmhe* или *vatteyyamhe* „мы хотим стать“ и т. д. Подробнее об этом см. статью: L. Gray. Observations on Middle Indian Morphology. Bull. of the School of Orient. Stud., vol. VIII, London, 1936, стр. 563—577.

употребления финитные глагольные формы прошедшего времени, их заменяют причастия прошедшего времени, восходящие к древнеиндийским причастиям прошедшего времени страдательного залога и сочетающиеся поэтому с формами творительного и родительного падежей; например, в джайна-махараштри *mae suo*¹ „я слышал“ (буквально „мною услышано“) заменяет древнеиндийское *aśṛṇavam* (имперфект), *śuśrāva* или *śuśrava* (перфект), *aśravam* (I аорист) или *aśrauṣam* (IV аорист). Как было отмечено выше, в результате такого развития в северо-западном пракрите форма родительного падежа *tama* стала употребляться в функции именительного падежа. Это же развитие привело к тому, что в большинстве новоиндийских языков формы творительного падежа превратились в формы именительного падежа и совершенно вытеснили древние формы именительного падежа. Подробнее об этом будет сказано ниже (стр. 92).

Краткие безударные формы личных местоимений довольно широко употребляются в ранних пракритах. Сфера их употребления ограничивается, в основном, теми же правилами, что и в древнеиндийском.² В собственно пракритах она сужается, а в апабхрамша краткие безударные формы личных местоимений окончательно исчезают из употребления.

В таблице 22 приводятся эти формы в пали как представителе ранних пракритов, а также в шаурасени и ардхамагадхи как представителях собственно пракритов. Во всех других пракритах безударные формы личных местоимений не столь употребительны, как в этих двух.

Из приведенной таблицы видно, что безударные формы личных местоимений сохранили наиболее широкую сферу употребления в ардхамагадхи. Употребление в этом языке формы *me* в 1-м лице и *te* во 2-м лице в винительном падеже имеет аналогию только в ведическом языке. То же можно сказать

¹ Н. J a c o b i. *Ausgewählte Erzählungen in Mahārāṣṭrī*. Leipzig, 1886, стр. 7, строка 3.

² См. выше, стр. 43—45.

Таблица 22

Падеж	Единственное число						Множественное число					
	1-е лицо			2-е лицо			1-е лицо			2-е лицо		
	П	Ш	АМг	П	Ш	АМг	П	Ш	АМг	П	Ш	АМг
Винительный . . .			<i>me</i>		<i>(te) de</i>	<i>te</i>		<i>no</i>	<i>ne</i>		<i>vo</i>	<i>bhe</i>
Творительный . . .	<i>me</i>			<i>te</i>			<i>no</i>		<i>ne</i>	<i>vo</i>		<i>bhe</i>
Родительный	<i>me</i>	<i>me</i>	<i>me</i>	<i>te</i>	<i>(te) de</i>	<i>te</i>	<i>no</i>	<i>no</i>	<i>ne</i>	<i>vo</i>	<i>vo</i>	<i>bhe</i>

и об употреблении кратких безударных форм в значении творительного падежа (санскритские нормативные грамматики не допускали такого употребления). Форма *bhe* в ардхамагадхи образовалась из полной формы *tubbhe* в среднеиндийскую эпоху. В ранних пракритах восточных надписей Ашоки в качестве энклитика 2-го лица множественного числа засвидетельствована форма *ve*. Позднее она, очевидно, вышла из употребления, и ее заменила форма *tubbhe*, которая под влиянием безударного употребления стала односложной и приняла фонетический облик *bhe*. Другая замена древнеиндийской формы *vaḥ(s)* представлена среднеиндийской формой *tus*, известной из буддийских санскритских текстов.

В шаурасени звук *t* в безударной форме 2-го лица единственного числа озвончается, а *n* в 1-м лице множественного числа в шаурасени и ардхамагадхи становится церебральным. Фонетическое соответствие древнеиндийского окончания *-aḥ* окончанию *-o* в пали и шаурасени и окончанию *-e* в ардхамагадхи закономерно и неоднократно засвидетельствовано как в именном склонении, так и в глагольном спряжении. Таким образом, фонетическое развитие окончаний древнеиндийских энклитических местоимений в среднеиндийскую эпоху происходит согласно общим законам фонетического развития среднеиндийских языков.

Основы личных местоимений могут употребляться в среднеиндийских языках как компоненты в словосложениях. Словосложения в пракритах отличаются от древнеиндийских порядком слов.¹ В отношении личных местоимений это выражается в том, что их основы выступают в пракритских словосложениях не только в качестве первых компонентов, как это наблюдается в древнеиндийских словосложениях (гл. I, стр. 45); в пракритах местоименные основы могут следовать за другими компонентами словосложений, однако не могут быть их последними компонентами, например в джайна-махараштри: *viyatumhavuttanta* „известный (*viya*) вам (*tumha*) рассказ (*vuttanta*)“.²

В среднеиндийских языках некоторые слова, выступающие последними компонентами в словосложениях, утрачивают свое лексическое значение и приобретают более абстрактное значение либо словообразующих суффиксов, либо грамматических показателей. Вместе с этим они сокращаются и принимают фонетический облик, затрудняющий подчас выяснение их этимологии, так как они развиваются по иным фонетическим законам, чем все остальные производные того же корня. В результате этого словосложения с такого рода последними компонентами превращаются или в новые лексические единицы — слова, или в грамматические формы.

В числе словосложений, претерпевших в среднеиндийских языках такое развитие, встречаются и такие, первым компонентом которых являются основы личных местоимений. Так, например, древнеиндийские *asmāḍṛṣa* „подобный нам“ и *yuṣmāḍṛṣa* „подобный вам“ (гл. I, стр. 46) превращаются в пайшачи в *amhātisa* и *yumhātisa*, а в махараштри и

¹ Закономерности этого явления еще не выяснены. Автор наиболее полной грамматики пракритов Р. Писель ограничивается лишь замечанием, что порядок компонентов в пракритских словосложениях выдерживается менее строго, чем в санскрите. Он видит одну из причин этого явления во влиянии стихотворных размеров. В приводимом ниже примере указанная причина действовать не может, так как это словосложение взято из прозаического текста. См.: R. Pischel, ук. соч., стр. 407, § 603.

² Н. Jacob, ук. соч., стр. 15, строки 2—3.

шаурасени в *amhārisa* и *tumhārisa*. В шаурасени употребляются как местоименные прилагательные формы *amhakerā* „наш“ и *tumhakerā* „ваш“.¹ В апабхрамша они принимают еще более сокращенный вид: *hamāra* „наш“ и *tumhāra* или *tohāra* „ваш“. Эти местоименные прилагательные восходят к древнеиндийским словосложениям, последним компонентом которых было производное от глагольного корня *kr* „делать“ с самостоятельным лексическим значением.² Процесс развития этих форм связан с распадом флексии. Они приходят на смену отмирающим древнеиндийским флексивным формам. К такого рода формам восходят все новоиндийские местоименные прилагательные.

Тенденция к превращению некоторых имен в личные местоимения, проявлявшаяся уже в древнеиндийскую эпоху, продолжает развиваться в среднеиндийских языках.

Как личное местоимение 2-го лица в среднеиндийских языках употребляется *bhavat*. Оно получило местоименную функцию и выделилось морфологически уже в санскрите (гл. I,

¹ В шаурасени засвидетельствованы также аналогично построенные формы типа *amhakeram* „о нас, обо мне“, представляющие, очевидно, винительный падеж среднего рода единственного числа от приведенных основ. В санскрите эквивалентами этих форм выступают формы типа *asmakṛte*, например *asmakṛte ca parituṣyati kācid anyā* „и обо мне вздыхает (буквально — интересуется) какая-то другая“ (Bhartṛhari. *Vairāgyaśatakam* I). Последний компонент этого санскритского построения утратил самостоятельное лексическое значение и приобрел более отвлеченное значение грамматического суффикса, но сохранил форму местного падежа единственного числа причастия страдательного залога прошедшего времени от глагольного корня *kr* „делать“. Появление такой сложной грамматической формы в санскрите в свою очередь является, очевидно, отражением указанного развития в строе среднеиндийских языков, которые начиная со второй половины I тысячелетия до н. э. были разговорными языками всей Северной Индии. Нормы этих языков не могли не оказать влияния на санскрит, употреблявшийся там в это время как литературный язык.

² Обзор мнений о первоначальной форме этого производного см.: L. A. Schwarzschild. *The Possessive Adjectives of Late Prakrit*. Journ. of the Royal Asiatic Soc., London, 1954, стр. 127—136.

стр. 50—51). В такое же личное местоимение 2-го лица превращается и слово *bhagavat*. Превращение этих слов в личные местоимения получает свое отражение и в их морфологии. Так, они сохраняют в пракритах древний тип двусосновного склонения, в то время как все другие имена этого склонения присоединяют к своей сильной основе окончание *-a* и переходят благодаря этому в склонение основ, оканчивающихся на *a*. Этот факт можно рассматривать как проявление тенденции личных местоимений сохранять более древний тип склонения, чем имена и другие местоимения, что и выделяет их в особую морфологическую группу. То же самое наблюдалось и в склонении древнеиндийских личных местоимений, как это отмечалось выше (стр. 28). Тенденция эта объясняется, очевидно, частой употребительностью личных местоимений и абстрактностью их семантики. Ниже приводятся падежные формы мужского рода местоимения *bhavat* в пали, махараштри и шаурацени.

Т а б л и ц а 23

Число и падеж		Пали	Махараштри	Шаурацени
Ед.	именительный . .	<i>bhavaṃ</i>	<i>bhavaṃ</i>	<i>bhavaṃ</i>
	винительный . . .	<i>bhavantam</i>	<i>bhavantam</i>	<i>bhavantam</i>
	творительный . .	<i>bhavatā, bhotā</i>	<i>bhavaā</i>	<i>bhavadā</i>
	родительный . . .	<i>bhavato, bhoto</i>	<i>bhavao</i>	<i>bhavado</i>
Мн.	именительный . .	<i>bhavanto, bhonto</i>	<i>bhavanto</i>	<i>bhavanto</i>

Помимо этих двух местоимений, выделившихся таким образом и морфологически, в пракритах имеется некоторое количество слов, имеющих тенденцию стать личными местоимениями, например *bhatta* — обращение человека одной из низших каст к высокопоставленному лицу (во всех пракритах) и *bhatta* — обращение жены к мужу (шаурацени, дхакки). Оба эти слова находят выражение в классическом санскрите как *bhartṛ*. Отсюда происходит двойная семантика последнего.

Причина, вызывающая эту тенденцию, была указана в I главе (стр. 49).

Описанные выше (гл. I, стр. 52—53) эмфатические формы личных местоимений, образуемые путем сочетания форм указательных местоимений с личными местоимениями 1-го и 2-го лица или финитными формами глагола этих лиц, употребляются и в среднеиндийских языках, например *so ahaṃ* „именно я“ (пали, *Sutta-nipāta*, 190); *so tato cuto amutra udapadim* „уйдя оттуда, я же родился там вновь“ (пали, *Digha-Nikāya*, I, 13, 23); *so karoḥi* „сделай ты же“ (пали, *Dhammapada*, 236); *eso pavesemi* „я введу“.¹ На этом можно закончить рассмотрение личных местоимений в среднеиндийских языках.

¹ K ā l i d ā s a. *Abhijñanaśakuntalam*. Изд. Monier Williams, Hertford, 1851, стр. 85.

ГЛАВА III

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ В НОВОИНДИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

В новоиндийских языках и их диалектах наблюдается большое разнообразие форм личных местоимений первых двух лиц. Местоимение 3-го лица, как и в древнеиндийскую и среднеиндийскую эпоху, не выделилось окончательно из указательных местоимений и потому отсутствует в большинстве новоиндийских языков. Его функцию выполняют указательные местоимения, употребляемые анафорически. Все многообразие личных местоимений в новоиндийских языках и их диалектах развилось из среднеиндийских форм личных местоимений 1-го и 2-го лица. Древнее флективное склонение почти совершенно исчезло в большинстве новоиндийских языков. Функцию форм именительного падежа выполняет прямая форма, а функцию косвенных падежей — сочетание основы косвенных форм с различными послелогами. В некоторых новоиндийских языках внешней группы, как, например, в бенгальском и маратском, функцию косвенных падежей выполняют новые падежные формы, образованные при помощи суффиксов, имеющих тенденцию превратиться во флективные падежные окончания.¹ Суффиксы эти частично развились из самостоятельных слов,

¹ А. П. Баранников. Флексия и анализ в новоиндийских языках. Уч. зап. ЛГУ, сер. востоковедч. наук, вып. 1, 1949, стр. 3—17; G. Grierson. Linguistic Survey of India, vol. 1, part 1, стр. 118. Подробно этот вопрос рассматривался акад. А. П. Баранниковым в курсе лекций по сравнительной грамматике индоарийских языков, читанном им в Лен. Гос. университете в 1947 г.

входивших в словосложения в качестве их последних компонентов.

Прямая форма единственного числа личного местоимения 1-го лица, восходящая к среднеиндийской форме именительного падежа единственного числа, сохранилась только в некоторых новоиндийских языках и их диалектах. Эта форма восходит в большинстве новоиндийских языков, сохранивших ее, к форме апабхрамша *haiṃ*. Наименьшие фонетические изменения претерпела эта среднеиндийская форма в диалекте нимади языка раджастхани и диалектах кулуи, мандеали и чамеали языка западного пахари, в которых она имеет вид *haiṃ*. Фонетически эта форма отличается от формы апабхрамша *haiṃ* только тем, что в ней сочетание гласных *a* и *ṃ* (носового) превратилось в назализованный дифтонг *aiṃ*. Дальнейшее фонетическое развитие этой формы засвидетельствовано в диалекте брадж западного хинди, в диалектах гуджури и малви языка раджастхани и в диалекте гхисади языка гуджарати. В них она имеет вид *hūṃ*. Дифтонг *aiṃ* в этой форме стянулся в носовой *ūṃ* (долгий). В литературном гуджарати и во всех остальных диалектах этого языка конечное долгое носовое *ūṃ* этой формы сократилось в *ṃ*, и форма эта приняла вид *hiṃ*. В диалекте чаротари языка гуджарати параллельно употребляется форма *ṃ*, отличающаяся от формы *hiṃ* выпадением начального *h*. Отсутствует начальный *h* также в форме *aiṃ*, известной в диалектах пангвали, бхадравахи и падари западного пахари.

Выпадение начального *h* наблюдается и в ряде других новоиндийских языков и диалектов, в формах, гласные которых претерпели иное фонетическое развитие. Так, в диалектах вичоли и лари языка синдхи употребляется форма *āṃ*, а в диалекте каччхи этого же языка мы находим форму *ātṃ*. В этих двух формах гласные *a* и *ṃ* не слились в дифтонг, а стали долгими. В диалекте каччхи, кроме того, *ā* назализовалось.

Аналогичное развитие имело место в диалекте сирмаури западного пахари, в котором засвидетельствована форма

āt̪v, отличающаяся от формы каччхи *āt̪ū̃t̪* только тем, что конечный гласный *it̪* превратился в полугласный *v*. Совсем выпал конечный гласный в форме *āt̪*, известной в диалекте лари языка синдхи и диалекте киунтхали западного пахари. Переход конечного гласного *it̪* в полугласный *v* наблюдается также в форме *hāt̪v*, известной в диалекте конкани языка маратхи. В этой форме также сохраняется начальное *h*.

Прямые формы личных местоимений, употребляющиеся ныне во многих новоиндийских языках и их диалектах, восходят к среднеиндийским формам косвенных падежей соответствующих личных местоимений. Объясняется это тем, что в индоарийских языках причастие прошедшего времени, входящее в ряд прошедших времен, исторически восходит к древнеиндийскому причастию страдательного залога. Поэтому субъект ставился при нем в форме творительного или родительного падежа. Впоследствии формы творительного и родительного падежей личных местоимений стали осознаваться благодаря этому как формы именительного падежа, т. е. прямые формы, и в ряде языков и диалектов совершенно вытеснили древние формы именительного падежа. Так, форма *taī̃t̪*, употребляющаяся в функции прямой формы единственного числа местоимения 1-го лица в литературном хинди и всех диалектах западного и восточного хинди, диалектах джайпури и мевати языка раджастхани, в литературном панджаби и диалекте повадхи этого языка, в диалектах кумаони и гархвали центрального пахари и диалектах мультаи и хиндки языка лахнда, восходит к форме творительного падежа единственного числа в апабхрамша *taī̃t̪*. Как и в рассмотренной выше прямой форме *haū̃t̪*, в форме *taī̃t̪* произошло слияние двух стоящих рядом гласных в дифтонг. Другое фонетическое развитие формы *taī̃t̪* представляет форма *tā̃t̪*, употребляющаяся в диалектах шахпури, тхали, дханни, потхвари и чибхали языка лахнда. В этой форме конечный гласный выпал. Назализация была перенесена на предшествующий звук *a*, который стал долгим в результате компенсации количества выпавшего конечного гласного *it̪*. Кроме того, вы-

павший *iṁ* воздействовал и на качество предыдущего гласного *ā*, превратив его в долгий звук *ā̃*. Развитие звука *ā̃* из *ā* под влиянием последующего *i* засвидетельствовано в ряде случаев в языке лахнда, например *vāhar* „теленка“ — *vāhir* „тёлка“.

Дальнейшее развитие этого процесса наблюдается в форме *teṁ*, употребляющейся в диалектах тинаули и пунчи языка лахнда. В этих формах звук *ā̃* перешел в *e*. Форма *teṁ* засвидетельствована также в диалектах майтхили и бходжпури языка бихари и диалекте чхаттисгархи восточного хинди. Однако, так как указанная форма употребляется в диалекте чхаттисгархи параллельно с формой *maiṁ*, можно полагать, что форма *teṁ* в диалектах языков бихари и восточного хинди развилась из *maiṁ* непосредственно путем стяжения дифтонга *ai* в *e*. Форма *te*, употребляющаяся в диалекте бундели западного хинди параллельно с формой *maiṁ*, отличается от рассмотренной формы *teṁ* только утратой назализации конечного гласного. В маратхи употребляется прямая форма личного местоимения 1-го лица единственного числа *mīṁ*. Назализация конечного гласного является, возможно, результатом сравнительно позднего развития, так как она отсутствует в некоторых диалектальных формах; например, в диалекте нагпури форма эта имеет вид *mī̃*. Жюль Блок возводит эту форму к древнеиндийской форме местного падежа единственного числа этого местоимения *mayi* через пракритскую форму *maĩ*.¹ Однако такое развитие не имеет аналогии ни в одном из новоиндийских языков, и пракритская форма местного падежа *maĩ* засвидетельствована только в шаурасени, который, как известно, не является предком маратхи. В связи с этим форма маратхи *mī̃* может быть произведена от формы творительного падежа единственного числа *mae*, засвидетельствованной в пракрите махараштри (из которого развился язык маратхи), конечное *e* которой, очевидно, в позднюю

¹ Jules Bloch. La formation de la langue marathe. Paris, 1920, стр. 212, § 208.

среднеиндийскую эпоху превратилось в *i*, как в магадхи и апабхрамша.

В ассамском языке употребляется прямая форма *mōy*. Эта форма восходит к среднеиндийской форме творительного падежа *maī*, засвидетельствованной в пракрите магадхи (см. гл. II, стр. 68). Краткое *ō* в ассамской форме является закономерным фонетическим рефлексом среднеиндийского краткого *a*, а полугласный *y* развился из конечного *i*. К этой же форме магадхи *maī* восходит форма *mui*, употребляющаяся в качестве прямой формы единственного числа личного местоимения 1-го лица в ряде диалектов бенгальского языка (юго-западный диалект сирипурия, чакма и др.). Гласный *u* в этой форме образовался из среднеиндийского *a*, очевидно, под влиянием предшествующего губного *m*. В одном из западных диалектов бенгальского языка — кхария-тхар — эта форма сохраняет древнюю функцию творительного падежа, например во фразе *mui doṣ hanāk* „мною совершен проступок“. В хиндустани в аналогичном построении личное местоимение оформляется послелогом творительного падежа *se*: *mujh se doṣ huā* „мною совершен проступок“.

Прямая форма в языке ория *mi* отличается от рассмотренной формы *mui* только отсутствием конечного гласного.

В литературном бенгальском языке и его восточных диалектах форма *mui* вышла из употребления. Она сохранилась только в сложном глаголе *tui-mui karā* „говорить оскорбительно“¹ (*tui* уничижительное, местоимение 2-го лица; ср. французский глагол *tutoyer*).

В литературном бенгальском языке, а также в его восточных диалектах прямая форма единственного числа личного местоимения 1-го лица *āmi* восходит к среднеиндийской форме множественного числа *amhi*, но полностью потеряла семантику множественного числа, так как образует форму множественного числа при помощи суффикса *rā* — *āmṛā*. Аналогичное происхождение имеют прямые формы единственного числа

¹ Suniti Kumar Chatterji. The Origin and Development of the Bengali Language, II. Calcutta, 1926, стр. 809.

языка ория *ātte* и *āmbhe*. В сингалезском языке употребляется прямая форма личного местоимения 1-го лица единственного числа *tata*, восходящая к среднеиндийской форме родительного падежа *tata* и не претерпевшая никаких фонетических изменений.

Форма *hat*, выполняющая функцию прямой формы единственного числа личного местоимения 1-го лица почти во всех диалектах языка бихари, в большинстве других языков выступает в функции личного местоимения 1-го лица множественного числа и будет рассмотрена ниже (стр. 107) наряду с другими формами личного местоимения 1-го лица множественного числа.

Почти во всех индоарийских языках и их диалектах, в которых сохранились рассмотренные выше прямые формы личного местоимения 1-го лица единственного числа, восходящие к среднеиндийской форме именительного падежа этого местоимения *hāim*, они не употребляются с формами прошедших времен переходных глаголов, в состав которых входит причастие прошедшего времени, восходящее к древним причастиям страдательного залога. С этими временами употребляются формы, восходящие к среднеиндийским формам творительного падежа личного местоимения 1-го лица. Так, например, в литературном гуджарати приведенная прямая форма *huṁ* не употребляется с указанными глагольными формами. С ними в гуджарати употребляется форма *teṁ*, фонетически и генетически полностью тождественная рассмотренной выше прямой форме *teṁ* в диалектах майтхили и бходжпури языка бихари и диалекте чхаттисгархи восточного хинди (см. стр. 93). Примеры употребления этих двух форм в литературном гуджарати: *huṁ māriṣ* „я ударю“, *huṁ gayo* „я ушел“, но *teṁ māryo* „я ударил“. Последняя фраза восходит к среднеиндийскому и затем древнеиндийскому сочетанию творительного падежа личного местоимения с причастием страдательного залога прошедшего времени, имевшему вид: в апабхрамша, предке языка гуджарати, *maiṁ māriu*, в пракрите махараштри — *mae mārio* и в санскрите — *mayā mārītaḥ*.

Формы личных местоимений, употребляющиеся исключительно с глагольными формами, в состав которых входит причастие, восходящее к древнему причастию страдательного залога, будут нами кратко называться формами деятеля.¹

В языке синдхи и его диалектах в функции формы деятеля личного местоимения 1-го лица единственного числа выступает основа косвенных форм этого местоимения *tūt*. Э. Трумпп возводит ее к среднеиндийской форме винительного падежа единственного числа *tat*.² Однако, как это отмечал уже Дж. Бимс,³ такое происхождение этой формы представляется невероятным. Она восходит к среднеиндийской форме творительного падежа, очевидно, совпавшей с формой родительного падежа. Совпадение форм творительного и родительного падежей, проявившееся в употреблении форм творительного падежа множественного числа в функции форм родительного падежа этого числа, было отмечено в северо-западном пракрите (гл. II, стр. 77).

Форма деятеля *tēt* употребляется, помимо литературного гуджарати, в диалектах катхьявари и кхарва этого языка, а также в диалекте догри языка панджаби. В диалекте чаротари языка гуджарати конечный гласный этой формы не имеет назализации, и она имеет вид *te*. Имеются аналогичные формы и в ряде диалектов языка раджастхани: это формы *thēt* в диалекте марвари, *tēt* в диалекте гуджури, *thaiṭ* в диалекте мальви.

Большое разнообразие форм деятеля засвидетельствовано в различных диалектах западного пахари: *tēt* в джаунсари,

¹ Некоторые авторы называют эти формы эргативными. Ср.: W. K. Matthews. The Ergative Construction in Modern Indo-Aryan. Lingua, III, Haarlem—Holland, 1953, стр. 391—406. Однако мы воздержимся здесь от употребления этого термина из-за слишком широкого и неопределенного его значения.

² E. Trumpp. Grammar of the Sindhi Language. London—Leipzig, 1872, стр. 189.

³ J. Beames. A Comparative Grammar of the Modern Aryan Languages of India, vol. II. London, 1875, стр. 303.

таиṭ в сирмаури, *тоеṭ* в багхати и кьютхали, *таиṭ* в кулуи, мандеали, чамеали и пингвали, *таiṭ* в падари, *теiṭ* в гади и *тiṭ* в бхадравахи.

Особая форма деятеля личного местоимения 1-го лица единственного числа *туṃ* имеется также и в языке маратхи, хотя рассмотренная выше прямая форма этого местоимения в данном языке также восходит к одному из среднеиндийских косвенных падежей, вероятно, творительному; ср. *mīṭ gelom* „я ушел“, *mīṭ mārītom* „я бью“, но *туṃ mārīlā* „я ударил“, *туṃ moḍāvet* „я сломал бы“.¹ Наличие прямых форм и форм деятеля личного местоимения 1-го лица, восходящих к среднеиндийским формам косвенных падежей единственного числа, наблюдается также в отдельных диалектах других индоарийских языков. Так, например, в диалекте лабхани языка раджастанхани употребляется прямая форма *та* и форма деятеля *тапа*, ср. *та гуо* „я ушел“ и *тапа māryo* „я ударил“, а также в диалекте шодочи западного пахари — прямая форма *тūṭ* и форма деятеля *таиṭ*; ср. *тūṭ deṭai* „я ушел“, но *таиṭ piṭai* „я ударил“.

Явление, аналогичное данному, наблюдается в литературном хинди и урду, во всех диалектах западного хинди, в литературном панджаби, а также в восточном и центральном пахари, где формы деятеля личных местоимений образуются аналитически, путем присоединения особого послелога деятеля. Для иллюстрации в табл. 24 параллельно приведены формы 1-го лица единственного числа прошедшего времени

¹ Основа формы *moḍāvet* восходит к древнеиндийскому причастию страдательного залога будущего времени с окончанием *tavya*, и потому эта форма также требует личного местоимения в форме деятеля. Следует отметить, однако, что в современном маратском языке прямая форма *mīṭ* может употребляться также с глагольными формами, в состав которых входят причастия, восходящие к древнему причастию страдательного залога, например *mīṭ tem lihilem* „я написал это“. Г. Р. Навалькар объясняет появление такого употребления этих форм влиянием диалекта конкани. См.: G. R. Navalkar. The Student's Marāṭhī Grammar. 4 ed., Poona, 1925, стр. 84.

(*praeteritum*) переходного глагола „бить“ и непереходного глагола „идти, уходить“ в упомянутых языках и диалектах.

Т а б л и ц а 24

Языки и диалекты	„Я ушел“ (прямая форма)	„Я ударил“ (форма деятеля)
Литературный хинди	<i>maiṁ gayā</i>	<i>maiṁ ne mārā</i>
Диалект бангару	<i>maiṁ gayā</i>	<i>mai ne mārāyā</i>
„ брадж бхакха	<i>maiṁ gayau</i>	<i>maiṁ neṁ mārāyau</i>
„ бундели	<i>maiṁ gao</i>	<i>maiṁ ne mārō</i>
„ банапхари	<i>*maiṁ gao</i> (или <i>gā</i>)	<i>maiṁ nai mārō</i>
Литературный панджаби	<i>maiṁ giā</i>	<i>maiṁ naiṁ mārīā</i>
Восточный пахари	<i>ma gayeṁ</i>	<i>mai le kuṭeṁ</i>
Центральный пахари	<i>maiṁ gayūṁ</i>	<i>maiṁ le mārō</i>

В восточном пахари послелог деятеля *le* употребляется со всеми формами переходных глаголов, что вызвано, очевидно, влиянием тибето-бирманских языков, с которыми он граничит. В этих языках подлежащее при переходных глаголах всегда получает оформление в виде определенной частицы.

Появление послелога деятеля при формах личных местоимений, которые сами по себе уже восходят к формам среднеиндийского творительного падежа, вызвано, очевидно, влиянием употребления этого послелога с именами. Если древние формы именительного и творительного падежей личного местоимения 1-го лица восходили к различным основам и не совпали благодаря фонетическим изменениям, как это показывают приведенные выше новоиндийские языки и диалекты, сохранившие параллельно прямую форму и форму деятеля личного местоимения 1-го лица, то у большинства имен в результате выпадения конечных гласных при переходе от среднеиндийского периода развития к новоиндийскому перестали различаться формы творительного и именительного падежей. Поэтому при конструкции с глагольными формами, включающими в свой состав причастия прошедшего времени, развившиеся из древнеиндийского причастия страдательного залога—

конструкции, в которой это причастие продолжало согласовываться с прямым дополнением, появилась необходимость в специальном оформлении логического субъекта для более ясной дифференциации субъекта и объекта. Эта потребность и привела к созданию послелога деятеля,¹ который затем стал присоединяться, очевидно, и к личным местоимениям. Аналогичное развитие привело, вероятно, и к созданию форм деятеля также и в тех языках и диалектах, в которых вышла из употребления прямая форма, восходящая к среднеиндийской форме именительного падежа *haiṁ*.

Своеобразное положение наблюдается в диалекте конкани маратского языка, в котором форма деятеля *hāveṁ* образована от приведенной выше прямой формы *hāṁv*, восходящей к среднеиндийской форме именительного падежа *haiṁ*, ср. *hāveṁ māṛlo* „я ударил“, *hāṁv gelom* „я ушел“.

Следует отметить, что рассмотренное выше появление в виде новоиндийских языков прямых форм с корневым элементом *m* и отмирание прямых форм с корневым элементом *h* является дальнейшим этапом в упрощении супплетивности основ у личных местоимений.

Прямые формы личного местоимения 2-го лица единственного числа в современных индоарийских языках и их диалектах отличаются меньшим многообразием, чем прямые формы личного местоимения 1-го лица. Широко распространена прямая форма личного местоимения 2-го лица единственного числа *tūṁ*. Она употребляется во всех диалектах языков лахнда и синдхи, в литературном маратхи и его диалекте конкани, в диалектах бангару и бундели западного хинди, в литературном панджаби, а также в диалектах повадхи и догри этого языка, в диалектах марвари, мальви и лабхани языка раджастанхани.

¹ О происхождении форм послелога деятеля *le* в западном хинди и *le* в центральном пахари см.: R. Hoernle. A Comparative Grammar of the Gaudian Languages with special reference to the Eastern Hindi. London, 1880, стр. 224. — Однако можно полагать, что Р. Хёрнле неправильно объясняет введение этого послелога в употребление влиянием поздних литературных форм урду и хинди.

В ряде языков и диалектов употребляется аналогичная форма без назализации конечного гласного, т. е. *tū*. Мы находим ее во всех диалектах западного пахари, в литературном хинди и диалектах бангару и брадж западного хинди, в диалекте кангра языка панджаби, в диалекте гхисади языка гуджарати, в диалектах джайпури, мевати и нимади языка раджастанхрани, а также в диалекте нагпури языка маратхи.

Третий вариант этой формы — *tum* с конечным кратким назализованным *u* — употребляется в литературном гуджарати, а также в диалектах чаротари, катхьявари и кхарва этого языка и в западном пахари. Возможно, прямая форма диалекта гуджури языка раджастанхрани *tom* также генетически связана с приведенными выше формами.

Происхождение этого типа форм правильно объяснено Дж. Бимсом. Он возводит их к среднеиндийской форме именительного падежа *tumam*, в которой выпало *m* между гласными, а также конечное *am*, назализация которого была перенесена в ряде случаев на предшествующий гласный *u*, который стал долгим в результате компенсации количества выпавшего гласного *a*¹. Сюда следует добавить, что при образовании варианта этой формы *tum* имел место перенос назализации, но компенсационное удлинение *u* не последо-

¹ J. Beames. A Comparative Grammar of the Modern Aryan Languages of India, vol. II. London, 1875, стр. 310. — Р. Хёрнле производит приведенные формы, как и все другие прямые формы личного местоимения 2-го лица в новоиндийских языках, от форм косвенных падежей этого местоимения (R. Hoernle, ук. соч., стр. 276—277). Хотя происхождение прямых форм этого типа от среднеиндийской формы именительного падежа и не столь очевидно, как происхождение формы *haum* и ее вариантов в 1-м лице, это положение Р. Хёрнле все-таки представляется неверным, поскольку в некоторых диалектах новоиндийских языков имеются параллельно с прямыми формами рассматриваемого типа формы деятеля, происхождение которых от среднеиндийской формы творительного падежа единственного числа является очевидным, ср. в диалекте повадхи языка панджаби прямая форма *tūn*, форма деятеля *tain*. Подробнее о формах деятеля личного местоимения 2-го лица единственного числа см. ниже стр. 102).

вало; в форме же *tū* долгота выпавшего гласного была компенсирована, но назализация утрачена вместе с ним.

В восточных языках внешней группы употребляются прямые формы личного местоимения 2-го лица единственного числа, восходящие, очевидно, к среднеиндийской форме творительного падежа единственного числа этого местоимения. Эта форма — *tui*, употребляющаяся в юго-западном диалекте бенгальского языка, а также и в бенгальском литературном языке в функции уничижительной формы. Кроме того, в бенгальском литературном языке употребляется прямая форма этого местоимения единственного числа *tumi*, восходящая к среднеиндийской форме множественного числа этого местоимения *tumhe*. Однако эта форма полностью утратила категорию множественного числа и осознается как форма единственного числа, так как от нее образуется новая форма множественного числа путем прибавления суффикса *-rā* — *tomrā*. Так же образуется множественное число от уничижительного местоимения *tui* — *torā*. Кроме того, в бенгальском языке имеется прямая форма почтительного местоимения 2-го лица единственного числа *āpnī*. Аналогичная форма *apne* употребляется в диалекте майтхили языка бихари. Точно так же в ассамском языке прямая форма единственного числа уничижительного местоимения 2-го лица *tōy* употребляется наряду с прямой формой обычного личного местоимения единственного числа 2-го лица *tumi*, также полностью утратившей категорию множественного числа, и в языке ория уничижительная форма *tu* выступает наряду с обычными формами *tumbhe* и *tume*. Формы эти, как и прямые формы единственного числа личного местоимения 2-го лица *tomh* и *tom* в диалекте майтхили языка бихари, восходят к среднеиндийской форме множественного числа этого местоимения *tumhe* и полностью потеряли значение множественного числа, так как от них образуются новые формы множественного числа.

В диалектах восточного хинди употребляется прямая форма этого местоимения в единственном числе *taiṁ*, происхожде-

ние которой от среднеиндийской формы творительного падежа не вызывает сомнений. Эта же прямая форма употребляется также в диалекте бундели западного хинди наряду с рассмотренной выше прямой формой *tūṃ* и в диалекте банапхари вместе с формами *tāi* и *tuim*, имеющих одинаковое происхождение с ней.

Прямая форма *to* в сингальском языке восходит, как и прямая форма *tata* в 1-м лице, к среднеиндийской форме родительного падежа *tava* или *tuha* личного местоимения 2-го лица единственного числа. Своеобразным нововведением является прямая форма женского рода этого местоимения — *tī*. Она изредка употребляется в сингальском языке, начиная со средневекового периода. Кроме того, в старом сингальском языке употребляется местоимение 2-го лица *umba*. Оно восходит, вероятно, к древнеиндийскому местоимению 2-го лица множественного числа *yuṣṭe*, хотя следует отметить, что это местоимение осознается в сингальском языке как форма единственного числа и образует множественное число при помощи суффикса *lā*.¹ Возможно, здесь произошла такая же утрата категории множественного числа, как и у рассмотренных выше форм *tumi* и других в языках бенгальском, ассамском и ория.

В ряде новоиндийских языков и диалектов параллельно с рассмотренными выше прямыми формами употребляются формы деятеля этого местоимения в единственном числе. Так, во всех диалектах языка синдхи в функции формы деятеля выступает основа косвенных форм этого местоимения *to*, восходящая к среднеиндийской форме родительного падежа единственного числа *tava*. В диалекте мультани языка лахнда в функции формы деятеля употребляется форма *tām*. Генетически эта форма восходит к среднеиндийской форме творительного падежа *taim* и прошла то же фонетическое развитие, что и рассмотренная выше форма 1-го лица *mām*

¹ W. Geiger. A Grammar of the Sinhalese Language. Colombo, 1938, стр. 124, § 128.

(стр. 92—93). В некоторых диалектах языка лахнда, например в дханни, в функции формы деятеля употребляется форма *tuddh*. Она восходит к форме родительного падежа апабхрамша *tudhra*. К этой же форме восходит форма деятеля *tudh*, употребляющаяся в диалекте догри панджабского языка. В языке маратхи употребляется форма деятеля *tvā*, а в диалекте этого языка нагпури — форма *tyā*, совершенно аналогичная форме деятеля 1-го лица *myā*. В диалекте конкани маратского языка употребляется форма *tuvem*. Происхождение этих форм не совсем ясно.¹

В некоторых индоарийских языках и диалектах внутренней группы употребляется форма деятеля *taiṁ*, восходящая к форме творительного падежа единственного числа апабхрамша *taiṁ*. Форма эта употребляется в диалектах повадхи и кангра панджабского языка, в диалекте мевати языка раджастан и в ряде диалектов западного пахари, а именно: в шодочи, кулуи, мандеали, чамеали и пангвали. Несколько видоизмененная форма деятеля *taīṁ* употребляется в диалектах гади, бхадравахи и падари западного пахари. Форма деятеля *teṁ* отличается от формы *taiṁ* фонетически только слиянием дифтонга *ai* в *e*. Мы находим ее в литературном гуджарати, в диалектах чаротари и катхьявари этого языка, в диалекте гуджури языка раджастан и в диалекте джаунсари западного пахари. В отдельных диалектах встречаются формы деятеля, имеющие своеобразный фонетический облик. Это формы: *tume* в диалекте кхарва языка гуджарати; в диалектах языка раджастан — *them* в марвари, *thaiṁ* и *thane* в мальви и *tūna* в нимади; в диалектах западного пахари — *taṁ* в сирмаури, *toeṁ* в багхати и кьютхали, а также *tīṁ* в диалекте гархвали центрального пахари. В языках и диалектах внутренней группы индоарийских языков, имеющих послелог деятеля, формы деятеля личного местоимения 2-го лица единственного числа образуются аналитически, путем

¹ Ср. Jules Bloch. La formation de la langue marathe. Paris, 1920, стр. 212—213.

присоединения этого послелога: в литературном хинди и урду — *tū ne*; в диалектах этого языка: в бангару — *tai ne*, в брадж бхакха — *taiṁ neṁ*, в бундели — *taiṁ ne*, в банапхари — *taiṁ nai*; в литературном панджаби — *taiṁ naiṁ*; в восточном пахари — *taiṁ le*; в центральном пахари — *tvi le*. Приведенные формы местоимения, к которым прибавляется послелог деятеля, восходят к среднеиндийской форме творительного падежа единственного числа этого местоимения. Развитие этих форм совершенно аналогично рассмотренному выше развитию аналитических форм деятеля личного местоимения 1-го лица единственного числа.

Следует отметить, что в большинстве новоиндийских языков и диалектов личное местоимение 2-го лица единственного числа получило уничижительное значение и сохраняет свое исходное значение только в разговоре между близкими людьми. Однако полностью этот процесс завершился только в языках ассамском, бенгальском и ория, где, как отмечалось выше (стр. 101), эти формы образуют новое множественное число. В других языках, как, например, западном хинди, процесс этот полностью еще не закончился, и местоимения *tū* и *tum* морфологически все еще продолжают находиться между собою в отношении форм единственного и множественного числа личного местоимения 2-го лица.¹

Во множественном числе 1-го лица ни в одном индоарийском языке или диалекте не сохранилось прямой формы, восходящей к древнеиндийской форме именительного падежа этого местоимения во множественном числе — *vayam*. Большинство существующих прямых форм развилось из среднеиндийских форм, образованных от древнеиндийской основы косвенных падежей *asma*, от которой уже в ряде пракритов образовывалась форма именительного падежа множественного числа.

Так, прямая форма *asse*, употребляющаяся в диалекте гади западного пахари, восходит к древнеиндийской форме

¹ Следует отметить, что и в этом языке к местоимению *tum* иногда присоединяется показатель множественного числа *log*.

asme. В этой форме произошла ассимиляция носового *m* предшествующим *s*. Промежуточные среднеиндийские формы с таким типом ассимиляции в пракритах не засвидетельствованы. Однако это говорит только о том, что до нас не дошли письменные памятники целого ряда среднеиндийских языков, так как такие формы личного местоимения 1-го лица единственного числа, а также 2-го лица множественного числа (о них см. ниже, стр. 112), представлены во многих новоиндийских языках и их диалектах на западе Индии. Это формы: *āsse* в диалектах кулуи и мандеали западного пахари; *asī* в его диалекте чамеали и в диалекте повадхи языка панджаби; *assīm* в диалектах шахпурском и дханни языка лахнда; *asīm* во всех диалектах синдхи, в диалектах тинаули и потхвари языка лахнда и в литературном панджаби; *as* в диалектах пангвали, бхадравахи и падари западного пахари, в диалекте догри языка панджаби и в диалектах чибхали и пунчи языка лахнда, а также форма *ās* в диалекте пангвали западного пахари. Все эти формы восходят, очевидно, к древнеиндийской форме *asme*.

Кроме того, в диалектах мультани, хиндки и тхали языка лахнда и в диалекте кангра языка панджаби в функции прямой формы употребляется форма *assām*, совпадающая с основой косвенных форм и восходящая, очевидно, к форме родительного падежа *asmakam*, засвидетельствованной в северо-западном пракрите документов письма кхароштии.

Другой тип фонетического развития древнеиндийской формы *asme*, засвидетельствованный в большинстве пракритов, представлен прямой формой множественного числа личного местоимения 1-го лица *amhe* в диалекте чаротари языка гуджарати. В этой форме древнеиндийское сочетание согласных *sm* превратилось в придыхательное *m* (*mh*). Аналогичное развитие прошла прямая форма языка маратхи *āmhi*¹

¹ Форма маратхи *āmhi*, очевидно, восходит к пракритской форме творительного падежа множественного числа личного местоимения 1-го лица *amhehiṃ*.

и прямая форма *mhe*, употребляющаяся в диалектах марвари, джайпури и мальви языка раджастан. В последней форме выпал начальный *a*, возможно, еще в среднеиндийскую эпоху, и она является как бы окаменевшим сандхальным вариантом формы *amhe*. В некоторых языках и диалектах *mh* в форме *amhe* потерял придыхание. Так возникла прямая форма *ame*, употребляющаяся в функции эксклюзивной формы в языке гуджарати и его диалекте катхьявари (см ниже, стр. 109), а также форма *āmi*, известная в ассамском и бенгальском языках. Однако, в то время как в ассамском языке форма *āmi* сохраняет значение формы множественного числа, в бенгальском языке она превратилась в форму единственного числа личного местоимения 1-го лица и, как уже отмечалось выше (стр. 94), образует множественное число путем прибавления суффикса *-rā*, подобно другим местоимениям и существительным. В разговорном бенгали, а также в его юго-западном диалекте прямая форма множественного числа личного местоимения 1-го лица образуется также путем присоединения окончания множественного числа к старой форме единственного числа этого местоимения *mi*.

Аналогичная утрата придыхания звуком *m* наблюдается в прямой форме в диалекте конкани языка маратхи *āmīṁ*, диалекте сирмаури западного пахари *āme* и диалекте джаунсари этого же языка *am*.

Другое фонетическое развитие древнеиндийское сочетание *sm* получило в языке орья. Здесь употребляется форма личного местоимения 1-го лица множественного числа *āmbhe-tāne*, в которой *tāne* является показателем множественного числа, а *āmbhe* восходит к древнеиндийскому *asme*. Прямая форма личного местоимения 1-го лица множественного числа *apī* в синглезском языке восходит к основе *arha-*, известной в формах косвенных падежей этого местоимения в восточных надписях Ашоки, в которой *ph* развилось также из древнеиндийского сочетания *sm* (см. гл. II, стр. 83).

В ряде языков и диалектов центральной Индии употребляется прямая форма *ham*. Это диалекты майтхили и

магахи¹ языка бихари, диалекты авадхи и чхаттисгархи восточного хинди, литературный хинди и урду, а также все диалекты западного хинди, диалекты мевати, гуджури, нимади и лабхани языка раджастхани и диалекты кумаони и гархвали центрального пахари. Дж. Бимс считает, что эта форма произошла из формы апабхрамша *amhi* путем метатезы *h* в начало слова.² Р. Хёрнле³ и Ж. Блок⁴ не разбирают специально происхождение этой формы, а присоединяются к точке зрения Дж. Бимса. Однако такое происхождение этой формы представляется маловероятным, так как, во-первых, в форме *amhi* мы встречаем не сочетание согласных *m* и *h*, а единый придыхательный звук *mh*; во-вторых, в диалекте багхели восточного хинди употребляется прямая форма *hamh*, в которой одновременно имеется начальный *h* и придыхательный *mh*. Поэтому происхождение формы *ham* из *amhi* можно допустить только в том случае, если считать, что начальный *h* этой формы появился вне зависимости от утраты аспирации конечным *m*, которая могла иметь место при выпадении конечного *i* краткого согласно фонетическим законам новоиндийских языков внутренней группы. Пример такого появления начального *h* наблюдается в шахпурском диалекте языка лахнда, в котором наряду с рассмотренной выше прямой формой *assim* употребляется прямая форма *hassim*. Чем вызвано здесь появление начального *h*, остается неизвестным.

Возможно, однако, и другое объяснение происхождения этой формы, а именно: она может восходить к формам апабхрамша *hamut* и *hami*, приводимым средневековыми индийскими грамматиками как формы именительного падежа единственного числа этого местоимения, но не засвидетель-

¹ В этих диалектах к форме *ham* обычно прибавляется еще показатель множественного числа *sabh* в маитхили и *sab* в магахи.

² J. Beames, ук. соч., т. II, стр. 308.

³ R. Hoernle, ук. соч., стр. 278—279.

⁴ J. Bloch. L'Indo-Aryen du Veda aux temps modernes. Paris, 1934, стр. 192.

ствованным в текстах.¹ Фонетически такое возведение этой формы вполне оправдано; кроме того, прямая форма *hami* употребляется в диалекте канауджи западного хинди вместе с формой *ham*. Формы апабхрамша *hamiṭ* и *hami*, повидимому, являются образованиями от той же основы, что и форма *hamiyāye*, засвидетельствованная в наскальной надписи Ашоки в Бхабра (см. гл. II, прим. 1 к стр. 68). Но поскольку форма *hamiyāye* образована совершенно аналогично форме творительного падежа *tamiyāye*, засвидетельствованной в малой наскальной надписи Ашоки в Джаугада, представляется очевидным, что в одном из среднеиндийских языков центральной Индии² древнеиндийская форма именительного падежа личного местоимения 1-го лица единственного числа *aḥam* утратила начальное *a* и стала употребляться в функции основы для образования различных падежей этого местоимения первоначально в единственном числе, а затем, возможно, и во множественном, о чем свидетельствует наличие в старом хинди и в его диалекте брадже основы косвенных форм личного местоимения 1-го лица множественного числа *hamoṭ*, в которой окончание *-oṭ* восходит к среднеиндийскому окончанию родительного падежа множественного числа *-āpaṭ*.

В некоторых диалектах в функции прямой формы употребляются фонетические варианты *ham*, восходящие, вероятно, к среднеиндийской форме творительного падежа множественного числа, образованной от основы *ham*. Это форма *hamaiṭ*, употребляющаяся в диалекте канауджи западного хинди наряду с формами *ham* и *hami*, затем форма *hametṭ*, образовавшаяся, очевидно, из предыдущей путем стяжения диф-

¹ Форму *hamiṭ* приводит Крамадишвара (Saṃkṣipta-vyākaraṇa, 4), форму *hami* упоминают Маркандея и Рамашарматаркавагиша (M ā r k a ṇ d e y a. Prakṛtasarvasva, 48, изд. Bhaṭṭānāthasvāmīn, Vizagapatam, 1911; Rāmaśarmatarkavāgīśa, 23, изд. G. A. Grierson в Indian Antiquity, 1922, 23, 27, 28).

² Бхабра расположена в Раджпутане севернее Джайпура на территории распространения языков внутренней группы, в большинстве из которых мы находим в 1-м лице множественного числа прямую форму *ham*.

тонга *ai* в *e*, известная в диалекте бангару западного хинди и в диалектах багхати, кьютхали, шодочи и кулуи западного пахари. Дальнейшее фонетическое развитие этой формы представляет, очевидно, форма *hame*, известная в диалекте кхарва языка гуджарати¹ и в диалектах шодочи и кулуи западного пахари. Сюда же тяготеет прямая форма *hamī* употребляющаяся в восточном пахари.²

Несколько особняком стоят формы *hamā* в диалекте мевати языка раджастан и *hama* в диалекте гхисади языка гуджарати. Конечные *a* и *ā* в этих формах могут восходить к окончанию родительного падежа множественного числа, так как в диалекте гхисади не имеется специальной формы деятеля и форма *hama* употребляется также и с формами переходных глаголов, в которые входят причастия, восходящие к древним причастиям страдательного залога, например *hama māryo* „я ударил“.

В диалектах магахи и бходжпури языка бихари прямая форма личного местоимения 1-го лица множественного числа образуется путем прибавления суффикса *-lī* к рассмотренной выше форме *ham* и имеет вид *hamnī*.

В трех языках внутренней группы развились два местоимения 1-го лица множественного числа: эксклюзивное, исключаящее то лицо, к которому обращена речь („мы без тебя, мы без вас“), и инклюзивное, включающее то лицо, к которому обращена речь („мы с тобой, мы с вами“). Это литературный гуджарати и языки кхандеши и бхили, на которых говорит незначительное количество лиц. Под влиянием гуджарати эксклюзивная и инклюзивная формы развились также в диалекте каччи языка внешней группы—синдхи. Появление этих форм может объясняться влиянием дравидийских языков.

Во всех упомянутых языках и диалекте каччи формы, восходящие к древней форме личного местоимения 1-го лица,

¹ Употребляется также с показателем множественного числа *kon*: *hame-kon*.

² Часто употребляется с показателем множественного числа *haru*: *hamī-haru*.

выполняют функцию эксклюзивных форм. Это формы *asīṭ* в каччхи, *ame* в литературном гуджарати, *amā* и *ameṭ* в бхили и *ām* и *ham* в кхандеши. Инклюзивные формы *rāṇ* в диалекте каччхи, *āṇe* в литературном гуджарати, *āraṇ* в кхандеши и *āṇḍaṇ* в бхили развились из древнеиндийского слова *ātman*, имевшего уже в древнеиндийском языке значение возвратного местоимения, через среднеиндийскую форму этого слова *appa*.

В ряде индоарийских языков и диалектов имеются формы деятеля личного местоимения 1-го лица множественного числа. В большинстве диалектов лахнда и синдхи в функции формы деятеля употребляются основы косвенных форм местоимения 1-го лица множественного числа. Это форма *assāṇ*, употребляющаяся в шахпурском диалекте языка лахнда, а также в диалекте кангра языка панджаби, и форма *asāṇ* во всех диалектах языка синдхи, диалектах дханни, тинаули, потхвари и чибхали языка лахнда и в диалекте чамеали западного пахари. Эта форма употребляется также в диалекте повадхи языка панджаби. Однако в последнем диалекте эта форма отличается от основы косвенных форм *asā* назализацией конечного гласного. Обе приведенные формы деятеля восходят, очевидно, к форме родительного падежа множественного числа *asmakaṇ*, засвидетельствованной в северо-западном пракрите.

Формы деятеля *aseīṭ* в диалекте бхадравахи западного пахари, *aseṭ* в диалекте пунчи языка лахнда и *āse* в диалекте падали западного пахари восходят, вероятно, к форме творительного падежа множественного числа этого местоимения *asmeḥi*, засвидетельствованной в северо-западном пракрите документов письма кхароштии.

В диалектах западного хинди, как и в литературном хинди и урду, форма деятеля образуется аналитически, путем присоединения послелого деятеля к форме *ham*, например в хинди: *ham ne*. Исключение составляет только диалект западного хинди—бангару, в котором послелог деятеля *ne* присоединяется к форме *mhā*, восходящей, очевидно, к форме родительного падежа множественного числа этого местоимения в апабхрамша

amhaham. В литературном панджаби послелог деятеля *naīm* присоединяется к форме *asām*, по происхождению соответствующей форме деятеля в диалекте повадхи этого языка *asām*, рассмотренной выше (стр. 110).

В восточном пахари и в диалекте кумаони центрального пахари форма деятеля образуется путем присоединения послелога деятеля *le* в восточном пахари к прямой форме, в диалекте кумаони центрального пахари к особой форме *hama*. Окончание *-n* в форме деятеля *haman*, употребляющейся в диалекте гархвали центрального пахари, имеет, очевидно, то же происхождение, что и послелог *le* в диалекте кумаони этого же языка, и присоединено также к основе *hama*.

Аналитическую форму деятеля *ham* мы находим также в диалектах гуджури и мальви языка раджастхани. Интересно отметить, что, как указывалось выше, эти диалекты не имеют аналитических форм деятеля у личных местоимений в единственном числе. Окончание *-na* в форме деятеля *hamna* диалекта нимади этого же языка имеет, очевидно, то же происхождение, что и послелог *ne*.

Из всех новоиндийских языков только язык синдхи сохраняет формы личного местоимения 2-го лица множественного числа, развившиеся из древнеиндийских форм множественного числа этого местоимения с корневым элементом *yu-*. Как было отмечено выше (гл. II, стр. 82), корневой элемент *yu-* в большинстве индоарийских языков был заменен корневым элементом *tu-* уже в среднеиндийскую эпоху. В языке синдхи употребляется большое количество прямых форм личного местоимения 2-го лица множественного числа. Формы эти следующие: *tavhīm*, *tavīm*, *tahīm*, *avhīm*, *avhem*, *avīm*, *ahīm*, *amīm* и *amim*. Все эти формы могут быть разделены на две группы: формы, начинающиеся с *t*, и формы, начинающиеся с гласного. Начальный *t* ни в один из периодов развития языка синдхи не выпадал. Поэтому каждая из этих групп должна восходить к двум разным типам среднеиндийских форм: формы с начальным *t* — к среднеиндийским формам с корневым элементом *tu-*, а формы с начальным гласным — к формам, сохра-

няющим древнеиндийский корневой элемент местоимения 2-го лица во множественном числе *уи-*. Начальный полугласный в элементе *уи-* выпал. Древнеиндийское *и* как после начального *t*, так и после выпавшего начального *у* имеет рефлекс *ав*, *а* и *ā* в рассматриваемых формах синдхи. Этими рефlekсами, как и сохранением корневого элемента, развившегося из древнеиндийского *уи-*, система личных местоимений языка синдхи отличается от систем личных местоимений во всех других новоиндийских языках.¹

Во всех остальных индоарийских языках местоимение 2-го лица множественного числа развилось из основы, образованной от корневого элемента *tu-*, и суффиксального элемента, развившегося из древнеиндийского суффикса *-sma-*. В новоиндийских языках северо-западной Индии этот суффикс развился путем регрессивной ассимиляции в *-ss-* и далее в *-s-*, как это уже отмечалось при рассмотрении прямой формы множественного числа личного местоимения 1-го лица (стр. 105).

Следует отметить, что такая фонетическая замена этого суффикса наблюдается как в западных языках и диалектах внешней группы, например в языке лахнда, так и в западных языках и диалектах внутренней группы, например в панджаби и некоторых диалектах западного пахари. Кроме того, мы находим суффиксальное *s* аналогичного происхождения в местоимении 2-го лица множественного числа некоторых языков дардской группы. Это *tus* „вы“ в диалектах каштавари, погули и рамбани кашмирского языка и в диалекте майан языка кохистани. Все это говорит о том, что указанный рефлекс является местной особенностью западных индоарийских языков вне зависимости от их принадлежности к внешней или внутренней группе.

¹ Исключение, вероятно, представляет язык кхетрани, на котором говорит небольшое количество населения Белуджистана. Употребляющаяся в нем прямая форма множественного числа личного местоимения 2-го лица *тве* восходит, очевидно, также к древнеиндийской форме *уизте*. Аналогичное происхождение имеет, вероятно, также приведенная выше сингалезская форма *umba*.

Так как окончания прямых форм личного местоимения 2-го лица множественного числа в каждом из западноиндийских языков и диалектов тождественны по фонетическому облику и происхождению окончаниям прямых форм личного местоимения 1-го лица множественного числа, рассмотренным выше (стр. 104 и сл.), то нет необходимости разбирать их здесь подробно и можно ограничиться только приведением этих форм.

В диалектах кьютхали, кулуи, мандеали и гади западного пахари употребляется прямая форма *tusse*, восходящая к среднеиндийской форме **tusme*, аналогичной пракритской форме *tumhe*. Ее дальнейшим развитием являются, очевидно, формы *tusī* в диалекте чамеали западного пахари и в диалекте повадхи языка панджаби, *tusīm* в литературном панджаби и диалектах дханни, тинаули и потхвари языка лахнда, а также формы *tussīm* в шахпурском диалекте лахнда и *tus* в диалектах потхвари, чибхали и пунчи языка лахнда, в диалекте догри языка панджаби и в диалектах пангвали, бхадравахи и падари западного пахари. Возможно также, что формы с конечным *ī(m)* развились из пракритской формы творительного падежа **tusmehi*.

Форма *tussām*, употребляющаяся в функции прямой формы в диалектах мультаи, хиндки и тхали языка лахнда и в диалекте кангра языка панджаби, восходит к форме родительного падежа множественного числа личного местоимения 2-го лица *tusmakam*, засвидетельствованной в северо-западном пракрите документов письма кхароштки. Она употреблялась первоначально в этих диалектах как форма деятеля, а затем, вытеснив прямую форму, стала употребляться также и в ее функции.

В большинстве других индоарийских языков и их диалектов прямые формы личного местоимения 2-го лица множественного числа восходят к среднеиндийской форме именительного падежа *tumhe*.

В каждом языке и диалекте их окончания имеют полную аналогию в окончаниях прямых форм множественного числа личного местоимения 1-го лица, многие из которых восходят

к пракритской форме именительного падежа множественного числа *amhe*.

Конечный *e* пракритской формы *tumhe* выпал в большинстве новоиндийских языков внутренней группы и их диалектов. Так возникла прямая форма *tumh* в диалекте канауджи западного хинди и в диалекте багхели восточного хинди. Далее *mh*, ставшее таким образом конечным, потеряло аспирацию, в результате чего возникла форма *tum*, употребляющаяся в литературном хинди и урду, в диалектах брадж, бундели и банапхари западного хинди, в диалектах авадхи и чхаттисгархи¹ восточного хинди, в диалектах мевати и нимади языка раджастхани, в диалектах кумаони и гархвали центрального пахари, в диалекте джаунсари западного пахари. Форма *tam*, известная в диалектах мевати, гуджури и лабхани языка раджастхани, вероятно, развилась из формы *tum*. Гласный *u* был заменен в этой форме гласным *a*, очевидно, под влиянием прямой формы личного местоимения 1-го лица множественного числа *ham*, употребляющейся в этих диалектах.

К пракритской форме *tumhe* восходит также бенгальская прямая форма *tumi*. Однако она употребляется в функции формы множественного числа только в юго-западных диалектах бенгальского языка. В литературном бенгальском языке, равно как и в его восточных диалектах, употребляется форма *tomrā*, являющаяся новообразованным множественным числом от *tumi*, которая, как указывалось выше (стр. 101), употребляется в функции прямой формы единственного числа. Параллельно с этой формой в литературном бенгали и в его восточных диалектах употребляется уничижительная форма личного местоимения 2-го лица множественного числа *torā*, представляющая новообразованное множественное число от формы *tui*, восходящей к древней форме единственного числа личного местоимения 2-го лица и употребляющейся в современном бенгальском языке в функции уничижительной формы этого

¹ Форма *tum* в диалекте чхаттисгархи может получать также показатель множественного числа *tap*.

местоимения. В юго-западных диалектах бенгальского языка параллельно с формой *tumi* также употребляется новообразованное множественное число от этой формы *tomāṇne* и уничижительная форма *tonne*, являющаяся новообразованным множественным числом от старой формы единственного числа *tui*.

Такие же две формы употребляются и в ассамском языке. Это форма *tomolāk*, представляющая новообразованное множественное число от приведенной выше формы *tumi*, восходящей к пракритской форме множественного числа *tumhe*, и форма *tōhōt*, являющаяся новым множественным числом от приведенной выше уничижительной формы *tōy*, развившейся из среднеиндийской формы единственного числа. Такие же новые формы множественного числа имеются в языке орья и в диалекте майтхили языка бихари. В языке орья это формы *tumbhemāne* и *tumtāne*. Первая из них является множественным числом от формы *tumbhe*, а вторая от формы *tume*. Как указывалось выше (стр. 101), обе эти формы в современном языке имеют значение форм единственного числа, но восходят к среднеиндийской форме множественного числа *tumhe*. В майтхили в функции формы множественного числа употребляется форма *tomh sabh*, в которой *sabh* является показателем множественного числа, а *tomh* — получившая значение единственного числа форма множественного числа.

Прямая форма множественного числа личного местоимения 2-го лица *topi*, употребляющаяся в сингалезском языке, восходит к среднеиндийской форме *tuphe*, образованной аналогично форме *tumhe* от основы *tupha*, засвидетельствованной как основа косвенных падежей этого местоимения в восточных надписях Ашоки.

В некоторых новоиндийских языках и их диалектах прямые формы личного местоимения 2-го лица множественного числа развились из среднеиндийских форм творительного или родительного падежа множественного числа этого местоимения. Эти формы употреблялись первоначально как формы деятеля, а затем стали употребляться и как прямые формы,

вытеснив те, которые восходили к формам именительного падежа. Так, к среднеиндийской форме творительного падежа множественного числа *tumhehiṃ* восходят формы *tumhī* в маратском языке, *tumīṃ* в диалекте канкани этого языка, *tumet* в диалектах багхати, кьютхали и шодочи западного пахари и *tūet* в диалекте сирмаури этого языка. Аналогичное происхождение имеет форма *tame*, употребляющаяся в диалекте марвари языка раджастан, литературном гуджарати и в диалектах чаротари, катхьявари и кхарва этого языка. Гласный *a* в основе этой формы появился, вероятно, под влиянием прямой формы 1-го лица множественного числа *ame* и *hame*, употребляющейся в этих языках и диалектах. Однако можно также предположить, что форма *tame* восходит к среднеиндийской форме **tamhe*, которая получила корневой элемент единственного числа не в виде *tu-*, как большинство среднеиндийских языков, а в форме *ta-*. Такой корневой элемент засвидетельствован в ряде среднеиндийских форм единственного числа.

К среднеиндийской форме родительного падежа множественного числа этого местоимения *tumhahaṃ* восходят прямые формы *tuma* в диалекте гхисади языка гуджарати, *tamo* в диалекте лабхани языка раджастан и диалекте чаротари языка гуджарати и прямые формы *tamām* и *tamoṃt* в языке бхили. Прямая форма *timi* в восточном пахари, получающая часто показатель множественного числа *haru*, восходит к форме творительного падежа апабхрамша *timaiṃ*.

Как и в единственном числе и в 1-м лице множественного числа, ряд индоарийских языков и диалектов имеет форму деятеля личного местоимения 2-го лица множественного числа, отличающуюся от прямой формы. В языках синдхи и лахнда в функции форм деятеля употребляются основы косвенных форм.

В языке синдхи эти основы, как и прямые формы, разделяются на две группы: с начальным *t* и с начальным гласным. Основы эти следующие: *tavhām*, *tahām*, *avhām*, *ahām*, *ām*. Форма *ām* употребляется преимущественно в диалекте

каччи языка синдхи. Формы *tavhām* и *tahām* восходят к форме родительного падежа множественного числа *tusmakam*, засвидетельствованной в северозападном пракрите, или близкой к ней форме этого падежа. Формы *avhām*, *ahām*, *ām* восходят к не засвидетельствованной в памятниках среднеиндийской форме, развившейся из древнеиндийской формы родительного падежа *yuṣmākam*.

В языке лахнда в функции формы деятеля употребляется основа косвенной формы *tussām* в шахпурском диалекте, *tusām* в диалектах дханни, тинаули, потхвари, чибхали и форма *tusem* в диалекте пунчи. Как и в 1-м лице, формы *tussām* и *tusām* восходят к форме родительного падежа множественного числа *tusmakam*, засвидетельствованной в северозападном пракрите. Аналогичное происхождение имеют формы деятеля *tussām* в диалекте кангра языка панджаби и *tusām* в диалекте повадхи этого же языка. Отличаются эти формы от основы косвенных форм назализацией конечного гласного. Форма *tusem*, употребляющаяся в функции формы деятеля в диалекте догри языка панджаби, как и приведенная выше одинаково звучащая форма деятеля в диалекте пунчи языка лахнда, восходит, очевидно, к среднеиндийской форме творительного падежа множественного числа **tūsmehim*. Такое же происхождение имеют формы *tuseim* в диалекте бхадравахи западного пахари, *tusem* в диалекте мандеали этого же языка и *thāme* в диалекте мальви языка раджастхани. Форма деятеля *tusām* в диалекте чамеали западного пахари, *tūmōm* в диалекте джаунсари этого же языка восходит к форме родительного падежа множественного числа *tusmakam*.

В литературном хинди и урду, во всех диалектах западного хинди, в литературном панджаби, в восточном пахари и в диалекте кумаони центрального пахари, а также в диалекте гуджури и мальви языка раджастхани форма деятеля образуется аналитически, путем присоединения послелога деятеля к основе косвенных форм множественного числа. Послелоги деятеля в этих языках и диалектах приведены выше (стр. 98).

В новоиндийских языках почти не сохранились флективные формы древних косвенных падежей. Их функцию выполняют сочетания основы косвенных форм с послелогоми. Такое аналитическое склонение свойственно в одинаковой мере и именам и местоимениям, хотя в некоторых индоарийских языках личные местоимения, как и другие местоимения, сохраняют большее количество трансформированных старых флективных форм и их рудиментов, чем имена. Так, в диалекте кхари боли западного хинди и в литературных формах хинди и урду употребляются формы винительно-дательного падежа *tujhe* „меня, мне“, *tujhe* „тебя, тебе“, *hamen* „нас, нам“ и *tumhen* „вас, вам“. Они восходят к флективным формам апабхрамша и во многих случаях выступают как эквиваленты сочетаний основ косвенных форм личных местоимений с послелогом *ko*: *tujh ko*, *tujh ko*, *ham ko* и *tum ko*. Имена не имеют аналогичных форм и выступают в данном случае только в сочетании с послелогом *ko*.

Такие же флективные формы винительно-дательного падежа личных местоимений употребляются наряду с аналитическими формами в диалектах канауджи и брадж западного хинди. В диалекте брадж это формы *mohi*, *muhi* „меня, мне“, *tohi* „тебя, тебе“, *hamaim* „нас, нам“ и *tumhaim* „вас, вам“; в диалекте канауджи — *mohi* „меня, мне“, *tohi* „тебя, тебе“, *hamen* „нас, нам“ и *tumhen* „вас, вам“.

Аналогичные флективные формы имеют в этих диалектах указательные, вопросительные и другие местоимения, имена же их утратили полностью. Сохранение этих флективных форм местоимениями должно быть поставлено в связь с отмеченными выше (стр. 88) случаями сохранения более старой типологии в склонении личных местоимений по сравнению с именным склонением в древнеиндийский и среднеиндийский период. Все это показывает, что система склонения личных местоимений в индоарийских языках изменяется медленнее, чем система склонения имен, которой она следует в своих изменениях.

Аналитические косвенные формы образуются путем сочетания основ косвенных форм с простыми послелогоми.

С местоимениями употребляются те же послелогии, что и с именами, поэтому нет необходимости заниматься рассмотрением этих послелогов и их значений в работе, посвященной личным местоимениям. Исключение из этого общего положения представляет в ряде индоарийских языков послелог родительного падежа. Он не употребляется с основами косвенных форм личных местоимений, а его функции выполняют в этих языках местоименные притяжательные прилагательные, которые будут рассмотрены ниже отдельно (стр. 129).

Здесь же представляется целесообразным рассмотреть основы косвенных форм личных местоимений в индоарийских языках и их диалектах. Эти основы восходят в большинстве случаев к среднеиндийским формам родительного падежа этих местоимений. Объясняется это тем, что простые послелогии развились из самостоятельных слов, сочетавшихся в древнеиндийскую и среднеиндийскую эпоху с формами родительного падежа личных местоимений; так, например, аналитическая форма местного падежа личного местоимения 1-го лица множественного числа в языке синдхи *asām meṃ* „среди нас“ генетически восходит к древнеиндийскому словосочетанию *asmākam madhye*, в котором *asmākam* является формой родительного падежа множественного числа личного местоимения 1-го лица, а *madhye* — формой местного падежа единственного числа существительного среднего рода *madhya* „середина“.

Происходя от форм родительного падежа, основы косвенных форм сохраняют значение этого падежа в некоторых ранних памятниках новоиндийских языков и в отдельных современных индоарийских языках. Так, в древнейшем памятнике литературы хинди *Prthvī rāj rāso*, написанном поэтом Cand Bardāi в XII в. н. э., основы косвенных форм личных местоимений употребляются как формы родительного падежа, например: *ih(a) dharnī mujh(a) pit(a) paripit(a)* „это земля моих отцов и праотцов“ (I, 279). В этой фразе форма *mujh(a)*, употребляющаяся в современном хинди как основа косвенных форм личного местоимения единственного числа,

выступает в функции формы родительного падежа единственного числа этого местоимения.

Из современных индоарийских языков, в которых основы косвенных форм сохранили значение форм родительного падежа, следует отметить язык синдхи. В нем по настоящее время этот узус является довольно распространенным; ср., например, фразу *mūt gharē mūt prīanē je acaṇe jo vāro* „(теперь) очередь моего друга придти в мой дом“. В ней основа косвенных форм личного местоимения 1-го лица единственного числа *mūt* предшествует словам *gharē* „дом“ и *prīanē je* „друга“ и выполняет функцию формы родительного падежа.¹

От бывшего значения родительного падежа идет также употребление основ косвенных форм личных местоимений в функции приложений с именами, сопровождаемыми послелогами. Оно наблюдается почти во всех современных индоарийских языках, в которых основы косвенных форм личных местоимений не слились с послелогами в единое целое. Ниже следует пример такого употребления из языка лахнда, входящего в северо-западную подгруппу внешней группы индоарийских языков: *bišakk assām trāhām viccom kahīm dī nīyat mārī gāī-e*² „безусловно, у кого-то из нас троих пропала совесть“. В этой фразе основа косвенных форм множественного числа личного местоимения 1-го лица выступает как приложение при основе косвенных форм множественного числа числительного *trā*, *trāe* „три“, с которой сочетается двойной послелог *viccom*. Данный послелог состоит из послелога местного падежа *vicc* и послелога отделительного падежа *om*.

В маратхи — языке южной подгруппы внешней группы индоарийских языков — основы косвенных форм личных местоимений также широко употребляются в аналогичных конструк-

¹ E. Trumpp. Grammar of the Sindhi Language. Zondon, Leipzig, 1872, стр. 189.

² G. A. Grierson. Linguistic Survey of India, vol. VIII, part 1, стр. 274.

циях, хотя они и слились в этом языке с некоторыми послелогами в новые агглютинативные формы. Примеры употребления: ¹ **madz** *garibālā dān dyāveṭ* „Вы должны сделать подарок **мне**, бедняку“; *āmhām kuṇbyāṁcī kāy kathā sāṁgāvī* „что можем мы сказать **о нас**, крестьянах?“.

Такое употребление основ косвенных форм личных местоимений широко распространено и в языках внутренней группы. Так, например, в хиндустани — **mujh** *abhāgī kā ghoṛā*, „конь (принадлежащий) **мне**, несчастному“.²

Восходящие к формам родительного падежа основы косвенных форм личных местоимений сильно трансформировались в процессе развития индоарийских языков. В единственном числе в языках восточной подгруппы внешней группы широко употребляются основы косвенных форм *то* в 1-м лице и *то* во 2-м. Они восходят к формам родительного падежа *то* и *то* восточного апабхрамша, развившимся из древнеиндийских форм этого падежа *tama* и *tava*. Основы косвенных форм *то* и *то* употребляются в большинстве диалектов бенгальского языка,³ в ассамском языке, в языке орья, в диалекте бходжпури языка бихари, в диалектах восточного хинди, а также в диалектах брадж, канауджи и банапхари западного хинди, относящегося к внутренней группе индоарийских языков. Встречаются они и в древнейшем памятнике литературы хинди *Ṛṭhvi rāj rāso*. В диалектах магахи и майтхили языка бихари старые формы *то* и *то* получили дополнительный показатель родительного падежа *-rā*, и основы косвенных форм в этих диалектах имеют вид *morā* в 1-м лице и *torā* во 2-м. Основы

¹ G. R. Navalkar. The Students Marathi Grammar. 4 ed., Poona, 1925, стр. 294.

² В хиндустани и в двух литературных формах этого языка, урду и хинди, основы косвенных форм личных местоимений употребляются также с прилагательным *sā* „подобный“, например *tujh sā rāpī* „грешник, подобный тебе“.

³ В литературном бенгали старое личное местоимение 1-го лица единственного числа *mi* выпало из употребления, поэтому основа косвенных форм *то* в нем не употребляется.

косвенных форм *morā* и *torā* употребляются также параллельно с отмеченными выше (стр. 121) основами косвенных форм *mo* и *to* в диалекте бходжпури этого языка. В старых памятниках диалекта майтхили, а также в диалекте бходжпури языка бихари основы косвенных форм *mo* и *to* часто получают аффикс *-hi*. Он восходит, вероятно, к среднеиндийскому окончанию родительного падежа *-ha*, присоединявшемуся уже в среднеиндийскую эпоху к старым формам родительного падежа личных местоимений. Основы косвенных форм *mohi* и *tohi* встречаются также в *Prthvī rāj rāso* и употребляются ныне в диалекте банапхари западного хинди. Эти основы косвенных форм генетически родственны рассмотренным выше формам винительно-дательного падежа *mohi* и *tohi* в диалектах брадж и канауджи западного хинди. Следует отметить, что формы *mohi* и *tohi* употребляются в брадже изредка и как основы косвенных форм личных местоимений в единственном числе. В диалекте банапхари западного хинди засвидетельствованы также основы косвенных форм личных местоимений единственного числа *moh* и *tvah* в 1-м лице и, соответственно, *toh* и *tvah* во 2-м. Они представляют дальнейшее фонетическое развитие основ косвенных форм *mohi* и *tohi*, известных и в этом диалекте.

Основы косвенных форм старых личных местоимений множественного числа, утративших в языках восточной подгруппы категорию множественного числа и употребляющихся ныне как личные местоимения единственного числа, восходят к среднеиндийским формам родительного падежа множественного числа. Это основы *āmā-* в 1-м лице и *tomā-* во 2-м в литературном бенгальском языке и его восточных диалектах, *hāmā-* и *tumā-* в северных диалектах этого языка, основа почтительного местоимения второго лица *tomā-* в ассамском языке¹ и формы *āmbha* и *tumbha* в языке ория. В диалектах

¹ В ассамском языке старое личное местоимение 1-го лица множественного числа *āmi* с основой косвенных форм *āmā-* сохранило семантику множественного числа.

языка бихари старые формы родительного падежа множественного числа получили, как и в единственном числе, новый показатель родительного падежа *-rā*, и так образовались основы косвенных форм *hamrā* в 1-м лице и *tomrā* во 2-м.

Основы косвенных форм в языках восточной подгруппы внешней группы индоарийских языков и в маратском языке, представляющем южную подгруппу этой группы, находятся в более тесной связи с падежными суффиксами, чем в других индоарийских языках. Если, например, в хиндустани между основой косвенных форм и послелогом могут вставляться эмфатические частицы (ср. *mujh hī ko* „именно мне“), то в упомянутых языках падежные суффиксы неотделимы от основы косвенных форм. Так, например, в формах бенгальского литературного языка *āmāke* „меня, мне“, *toke* „тебя, тебе“, *tomāke* „вас, вам“ и в соответствующих формах ассамского языка *mok*, *moke* „меня“, *tok*, *toke* „тебя“, *tomāk*, *tomāke* „вас“ между основами косвенных форм и падежным суффиксом *-ke*, *-k* не может быть вставлено ничего. Основы косвенных форм личных местоимений, как правило, не могут употребляться в языках восточной подгруппы внешней группы без падежных суффиксов. Как было показано выше, в других индоарийских языках они употребляются без послелогов в функции приложений при именах с послелогом. Как и послелог в западных индоарийских языках, эти падежные суффиксы те же, что и у имен.

Благодаря тому что в языках восточной подгруппы почти все старые формы множественного числа личных местоимений стали формами единственного числа и образуют множественное число путем присоединения специального показателя, основы косвенных форм множественного числа личных местоимений в этих языках не имеют органической связи со старыми падежными формами множественного числа. В большинстве указанных языков падежные суффиксы присоединяются непосредственно к показателю множественного числа. Этот показатель в некоторых языках и диалектах сохраняет перед падежными суффиксами тот же вид, что

и в прямых формах. Так, в ассамском языке прямая форма множественного числа вежливого местоимения 2-го лица *tomolāk* „вы“ является одновременно и основой косвенных форм множественного числа этого местоимения. К ней присоединяются падежные суффиксы: *tomolāk-ak* и *tomolāk-ake* „вас“, *tomolāk-e* и *tomolāk-ere* „вами“, *tomolāk-ar* и *tomolāk-are* „ваш“. В диалекте майтхили языка бихари показатель множественного числа *sabh*, употребляющийся при образовании прямых форм множественного числа, присоединяется к основам косвенных форм единственного числа *hamrā* в 1-м лице и *tomrā* во 2-м, превращая их в основы косвенных форм множественного числа *hamrā sabh* и *tomrā sabh*. Этот показатель сам по себе не претерпевает никаких изменений при сочетании его с простыми послелогом, например *hamrā sabh sem* „от нас“, *hamrā sabh meṁ* „среди нас“.

В бенгальском языке основа косвенных форм множественного числа личных местоимений образуется путем присоединения к основам косвенных форм единственного числа суффикса *-dig*, развившегося из древнеиндийского *ādika* „и другие“, ср. *āmādigoke*, *āmādigke* „нас, нам“, *todigoke*, *todigke* „вас, вам“, *tomādigoke* *tomādigke* „Вас, Вам“. Перед показателем родительного падежа суффикс *-dig* может сокращаться, выбрасывая *-ig*, например *āmādiger* и *āmāder* „наш“, *tomādiger* и *tomāder* „ваш“. Вероятно, в этом случае в его основе лежит более краткое древнеиндийское *ādi*. *Ādi* и *ādika* имели значение „первый“. В конце сложных слов типа бахуврихи они переводятся как „и так далее“.

В языке орья основы косвенных форм личных местоимений множественного числа образуются путем присоединения суффикса *-ka* к видоизмененному показателю множественного числа: *tomanāṅka* от уничижительного местоимения 1-го лица, *tomanāṅka* от уничижительного местоимения 2-го лица, *āmbhemanāṅka* от обычного местоимения 1-го лица и *tumbhemanāṅka* от вежливого местоимения 2-го лица, ср. *āmbhemanāṅkara* „наш“, *tumbhemanāṅkara* „ваш“.

Такое разнообразие в построении основ косвенных форм в языках восточной подгруппы объясняется утратой старых форм множественного числа путем указанного их переосмысления и созданием новых основ косвенных форм множественного числа в каждом языке при помощи своих собственных ресурсов.

В большинстве других индоарийских языков этот процесс либо не имел места, либо не завершился, благодаря чему основы косвенных форм личных местоимений как в единственном, так и во множественном числе представляют там дальнейшее фонетическое развитие среднеиндийских падежных форм. Так, основы косвенных форм в сингалезском языке *mā-* в первом лице и *tā-* во втором лице единственного числа восходят, по мнению В. Гайгера, к среднеиндийским формам творительного падежа единственного числа.¹ Основы косвенных форм множественного числа *apa-* в 1-м лице и *tora-* во 2-м представляется более вероятным возводить к формам родительного падежа множественного числа *amhā-kaṁ* и *tumhākaṁ* с развитием среднеиндийского *mḥ* в сингалезское *p*, известным и в рассмотренных выше прямых формах личных местоимений в этом языке. Возможно, они развились также из основ личных местоимений, входивших в словосложения.

К среднеиндийским формам родительного падежа единственного числа *maḥa* в 1-м лице и *tuḥa* во 2-м восходят основы косвенных форм единственного числа *mha* в 1-м лице и *tha* во 2-м диалектов марвари и мальви языка раджастанхани. Их дальнейшим фонетическим развитием являются основы косвенных форм *ma* и *ta*, употребляющиеся наряду с *mha* и *tha* в диалекте мальви этого языка. От основ *mha* и *tha* основы *ma* и *ta* отличаются только отсутствием придыхания у согласного.

Основы косвенных форм *ma* и *ta* свойственны диалектам джайпури, гуджури и лабхани языка раджастанхани и языку

¹ W. Geiger. A Grammar of the Sinhalese Language. Colombo, 1938, стр. 124, § 128.

гуджарати. В последнем в функции основ косвенных форм личных местоимений употребляются также и личные местоименные прилагательные *māro* в 1-м лице, *tāro* во 2-м лице единственного числа, *amāro* в 1-м лице и *tamāro* во 2-м лице множественного числа, о них подробнее будет сказано ниже (стр. 130 и сл.).

В результате различных фонетических эволюций среднеиндийских форм родительного падежа множественного числа *amhākaṃ* в 1-м лице и *tumhākaṃ* во 2-м возникли основы косвенных форм личных местоимений множественного числа *mhāṃ* в 1-м лице и *thāṃ* во 2-м диалектов мальви, джайпури и марвари языка раджастхани, *mhā* в 1-м лице и *thā* во 2-м диалекта бангару западного хинди, *am* в 1-м лице и *tam* во 2-м языка гуджарати, *āmhāṃ* в 1-м лице и *tumhāṃ* во 2-м языка маратхи.

Основы косвенных форм единственного числа личного местоимения 1-го лица *madz* в языке маратхи, *muj* в диалекте мевати языка раджастхани и диалекте брадж западного хинди, а также *mujh* в диалекте кхари боли этого же языка и в литературном хинди и урду восходят к среднеиндийским формам родительного падежа *majjhu* и *mujjha*, а соответствующие основы личного местоимения второго лица *tudz* в языке маратхи, *tuj* в диалекте мевати языка раджастхани и диалекте брадж западного хинди и *tujh* в диалекте кхари боли этого же языка и в литературном хинди и урду — к соответствующей форме *tujjhu*. Как было показано выше, среднеиндийские формы *majjhu*, *mujjha* и *tujjhu* возникли из древнеиндийских форм дательного падежа единственного числа *mahyam* и *tubhyam*.¹

Основы косвенных форм личных местоимений во множественном числе в диалекте мевати языка раджастхани, диалектах банапхари, бундели, канауджи, брадж, кхари боли западного хинди и созданных на основе последних литературных хинди и урду, в диалектах восточного хинди и в диалектах

¹ См. гл. II, стр. 76.

бходжпури и магахи языка бихари совпадают с рассмотренными выше прямыми формами множественного числа. В 1-м лице это основы *ham* в диалекте мевати языка раджастанхи и диалектах западного и восточного хинди и *hamnī* в диалектах бходжпури и магахи языка бихари, во 2-м *tam* в диалекте мевати языка раджастанхи, *tum* в диалектах западного и восточного хинди и *tomnī* в диалектах бходжпури и магахи языка бихари. Это совпадение произошло благодаря отпадению среднеиндийских падежных окончаний прямых и косвенных падежей в начале новоиндийской эпохи. Особые основы косвенных форм, сохраняющие остатки старого окончания родительного падежа множественного числа, известны наряду с приведенными выше в диалекте брадж западного хинди. Это основы *hatom* в 1-м лице и *tumom* во 2-м. Встречаются они и в старых памятниках хинди.

В синдхи, лахнда и других индоарийских языках северо-западной Индии и их диалектах большинство основ косвенных форм личных местоимений тождественны рассмотренным выше формам деятеля. В единственном числе они восходят к среднеиндийским формам творительного падежа, во множественном — к среднеиндийским формам родительного падежа. Это обстоятельство, равно как и отсутствие различий между формами деятеля и основами косвенных форм, объясняется отмеченным выше совпадением и объединением форм этих двух падежей в северо-западном пракрите.¹

В некоторых диалектах северозападных языков эти формы личных местоимений теряют назализацию конечного гласного перед послелогом, что может рассматриваться как тенденция к образованию особых основ косвенных форм, хотя во многих случаях провести точное разграничение между основами косвенных форм и формами деятеля представляется невозможным. Для иллюстрации этого положения ниже приводятся в табл. 25 данные шахпурского диалекта языка лахнда, где указанное различие ощущается яснее, чем в других диалектах.

¹ См. гл. II, стр. 77.

Таблица 25

	Единственное число		Множественное число	
	1-е лицо	2-е лицо	1-е лицо	2-е лицо
Формы деятеля	<i>māṁ</i>	<i>tāṁ</i>	<i>assāṁ</i>	<i>tussāṁ</i>
Основы косвенных форм	<i>mā</i>	<i>tā</i>	<i>assāṁ</i> <i>asā</i>	<i>tussāṁ</i> <i>tusā tuhā</i>

В литературном панджабском языке, как и в большинстве его диалектов, основы косвенных форм восходят также в единственном числе к среднеиндийским формам творительного падежа, а во множественном — к среднеиндийским формам родительного падежа и принципиально не отличаются от форм деятеля, которые, однако, в литературном панджабском языке, как было показано выше (стр. 110), получают послелог деятеля *naiṁ*. Таким образом, для литературного панджабского языка различие между основами косвенных форм и формами деятеля личных местоимений заключается в отсутствии у основ косвенных форм послелога деятеля и назализации конечного гласного. Основы косвенных форм единственного числа, отличающиеся от форм деятеля, имеет диалект панджабского языка кангра. Это формы *mīp* в 1-м лице и *tī* во 2-м. Генетическая связь этих форм со старыми формами творительного падежа единственного числа представляется весьма вероятной. Во множественном числе основы косвенных форм *assāṁ* в 1-м лице и *tussāṁ* во 2-м совпадают с формами деятеля и в этом диалекте.

Основы косвенных форм личных местоимений в единственном числе, развившиеся из среднеиндийских форм творительного падежа, употребляются наряду с рассмотренными выше (стр. 126) и в некоторых диалектах языка раджастан. Это основы *maiṁ* в 1-м лице и *taiṁ* во 2-м в диалектах джайпури и марвари и основы *mūṁ* и *tūṁ* в диалекте мевати. Таким образом, основы косвенных форм личных место-

имений в единственном числе, происшедшие от среднеиндийских форм творительного падежа, имеются почти во всех языках западной Индии и их диалектах.

Рассмотренные выше основы косвенных форм сочетаются в ряде языков внешней группы также и с послелогоми или суффиксами родительного падежа, например в синдхи *mūṁ jo* „мой“, *to jo* „твой“, *assām jo* „наш“, *tavhām jo*, *avhām jo* „ваш“ и в бенгальском языке *āmār* „мой“, *tor* и *tomār* „твой“, *āmāder* и *āmādiger* „наш“, *toder*, *tomāder* и *tomādiger* „ваш“. В большинстве же языков внутренней группы послелог родительного падежа не присоединяется к основе косвенных форм личных местоимений. Функцию форм родительного падежа выполняют в этих языках притяжательные местоименные прилагательные. Прилагательные эти образованы при помощи суффикса и обычно имеют окончания, изменяющиеся по родам и числам, например в западном хинди *merā bāp* „мой отец“, *merī mām* „моя мать“, *mere larke* „мои сыновья“, *merī beṭiyām* „мои дочери“, *hamārā ghar* „наш дом“, *hamārī khīrkī* „наше окно“, *hamāre ghar* „наши дома“, *hamārī khīrkiyām* „наши окна“.

Суффикс, образующий эти прилагательные (в западном хинди *-r-*), развился как и послелог родительного падежа (в западном хинди *kā*), из одного из производных глагола *kr* „делать“. Разница в форме послелога родительного падежа и суффикса местоименных притяжательных прилагательных, наблюдаемая в большинстве языков, которые имеют эти прилагательные, объясняется тем, что развитие каждого из них шло различными путями. Послелог родительного падежа развился из сочетания этого производного с косвенным падежом предыдущего слова. Этот косвенный падеж, обычно родительный, в процессе развития индоарийских языков превратился в основу косвенных форм имен существительных, к которой в большинстве новоиндийских языков присоединяется послелог родительного падежа и другие простые послелогии. Это же производное, выступая в функции последнего компонента словосложений, первым компонентом которых была основа

личного местоимения, развилось в суффикс местоименных притяжательных прилагательных.¹

Местоименные притяжательные прилагательные имеются во всех диалектах западного хинди, в его литературных формах хинди и урду, во всех диалектах языков раджастан, гуджарати и панджаби, восточного и центрального пахари. Из языков внешней группы они употребляются во всех диалектах языка лахнда. Суффикс, образующий эти прилагательные, в большинстве языков и диалектов внутренней группы имеет форму *-r-*. Так, мы находим формы единственного числа *merā* „мой“ и *terā* „твой“ в литературном хинди и урду, в диалекте бангару западного хинди, во всех диалектах языка панджаби, в шахпурском диалекте языка лахнда и в ряде диалектов западного пахари, в частности, в диалектах багхати, кьютхали, кулуи, чамеали, гади. Окончанием мужского рода единственного числа отличаются от приведенных выше форм формы *mero* и *tero*, употребляющиеся в диалекте бундели западного хинди, диалектах мевати и гуджури языка раджастан, во всех диалектах восточного и центрального пахари, а также в диалектах джаунсари, кьютхали, шодочи и бхадравахи западного пахари. Третий вариант окончания мужского рода единственного числа имеют формы *merau* „мой“ и *terau* „твой“ в диалекте брадж западного хинди и в диалекте шодочи западного пахари. В женском роде не наблюдается таких различий в окончаниях, и почти во всех приведенных языках и диалектах эти формы имеют вид *merī* „моя“ и *terī* „твоя“. Все эти формы имеют общее происхождение.²

Иное происхождение имеют личные местоименные притяжательные прилагательные в языках лахнда, раджастан и гуджарати. Их основы восходят к среднеиндийским формам родительного и творительного падежей личных местоимений. Потому эти прилагательные менее отличаются от сочетаний основ косвенных форм личных местоимений с послелогом родительного падежа, чем приведенные выше.

¹ Среднеиндийские формы см.: гл. II, стр. 87.

² См. гл. II, стр. 87.

Так, к формам среднеиндийского творительного падежа *maiṁ* в 1-м лице и *taiṁ* во 2-м восходят основы форм *maidḍā* „мой“ и *taiḍḍā* „твой“ диалекта хиндки языка лахнда. Последующее фонетическое развитие этих форм в диалектах этого языка представлено формами *māmḍā* „мой“ и *tāmḍā* „твой“ в дханни и потхвари, *māḍā* и *tāḍā* в тхали и мультаи и, наконец, *meḍā* и *teḍā*, также употребляющимися в диалекте мультаи этого языка.

К среднеиндийским формам родительного падежа единственного числа личных местоимений *maha* и *tuha* восходят основы личных местоименных притяжательных прилагательных *mahāḍā* „мой“ и *tuhāḍā* „твой“, употребляющиеся в диалекте потхвари языка лахнда. Из аналогичных форм путем метатезы второго долгого гласного *a* образовались формы *māhrā* „мой“ и *tohrā* „твой“ в диалекте тинаули этого языка и путем выпадения первого гласного — форма *mhārā* „мой“, употребляющаяся вместе с формой *tuhārā* в диалектах чибхали и пунчи языка лахнда.

Точно так же путем выпадения первого гласного образовались формы *mhāro* „мой“ и *thāro* „твой“, употребляющиеся в диалектах марвари, джайпури, мальви, нимади и лабхани языка раджастан. От этих форм отличаются лишь отсутствием придыхания начального согласного формы *māro* „мой“ и *tāro* „твой“, известные во всех диалектах языка гуджарати.

Суффиксальный согласный во всех этих формах представлен звуком *ḍ*, *ṛ* или же *r* в зависимости от особенностей фонетики каждого языка и диалекта, но во всех случаях восходит к древнеиндийскому производному от корня *kṛ* „делать“.

При образовании притяжательных прилагательных множественного числа от личных местоимений 1-го и 2-го лица употребляются те же формы суффикса, что и в единственном числе. Исключение из этого правила представляют только литературный панджаби и некоторые диалекты этого языка и языка лахнда. Так, в литературном панджаби, его диалектах повадхи и догри и в шахпурском диалекте языка лахнда употребляются в единственном числе формы *tegā* „мой“ и

terā „твой“, а в формах множественного числа суффикс, образующий местоименные прилагательные, имеет форму не *-r-*, а *-ḍ-*, *-ḍḍ-* или *-r-*, например в литературном панджаби *saḍḍā* „наш“ и *tuhāḍḍā*, *tusāḍā* „ваш“, в его диалекте повадхи *sāḍā* „наш“ и *tohāḍā* „ваш“ и в его диалекте догри *sāṛā* „наш“ и *tusāṛā* „ваш“, в шахпурском диалекте языка лахнда *asāḍā*, *hasāḍā*, *sāḍā* „наш“ и *tusāḍā*, *tuhāḍā* „ваш“. Такое различие в формах суффикса, образующего притяжательные прилагательные от личных местоимений, может быть объяснено или влиянием западного хинди на язык панджаби и шахпурский диалект языка лахнда, в результате которого в них появились формы единственного числа *merā* „мой“ и *terā* „твой“, или же влиянием послелога родительного падежа, который имеет в этих диалектах форму *ḍā* и *rā*. В этом случае формы единственного числа *merā* и *terā* должны рассматриваться как более старые, а формы множественного числа — как более новые, изменившие свой фонетический облик под влиянием аналогии аналитического именного склонения. Это второе объяснение представляется более вероятным, так как случаи влияния аналогии именного склонения на образование форм личных местоимений известны во всем предшествующем развитии индоарийских языков и неоднократно отмечались выше.

В других индоарийских языках, имеющих личные притяжательные прилагательные, они образуются во множественном числе при помощи того же суффикса, что и в единственном числе. Суффикс этот присоединяется обычно к несколько видоизмененной форме множественного числа личных местоимений 1-го и 2-го лица. Так, в литературном гуджарати, а также в диалектах чаротари и катхьявари этого языка формы множественного числа *ame* „мы“ и *tame* „вы“, а формы местоименных прилагательных *amāro* „наш“ и *tamāro* „ваш“.

В некоторых языках и диалектах основа личных местоимений сохраняется в притяжательных местоименных прилагательных более полно, чем в прямых и косвенных формах множественного числа личных местоимений. Так, в притяжательном

местоименном прилагательном 2-го лица множественного числа диалекта кхари боли, а также литературных форм западного хинди (хинди и урду) *tumhārā* — *mh* сохранило придыхание, в то время как в прямой форме и основе косвенных форм множественного числа — *tum* — *m* утратило придыхание, развившееся в среднеиндийскую эпоху. Аналогичное положение наблюдается в соответствующих формах диалектов брадж и канауджи западного хинди и в диалекте нимади языка раджастхани. Прямая форма личного местоимения 2-го лица множественного числа *tum* утратила придыхание звука *m*, а в формах притяжательного местоименного прилагательного множественного числа *tumhāryau* и *tumhārau* в брадже и *tumhāro* в канауджи и нимади придыхательное *mh* сохраняется.

В некоторых индоарийских языках и диалектах основы личных местоимений в местоименных прилагательных подвергаются таким изменениям, которых не знают сами местоимения. Так, в литературном панджаби и в его диалектах повадхи и догри в основе местоименного прилагательного 1-го лица множественного числа выпало начальное *a*, сохраняющееся в прямой форме и основе косвенных форм этого местоимения; например, в литературном панджаби прямая форма *asīm* „мы“, основа косвенных форм *asām*, а местоименное прилагательное — *sāḍḍā* „наш“.

Иногда фонетический облик местоименных притяжательных прилагательных претерпевает еще большие изменения, благодаря чему их морфологическая связь с личными местоимениями, от которых они образованы, затемняется. Так, в диалектах пунчи и дхунди-кайрали языка лахнда притяжательное местоименное прилагательное 2-го лица имеет форму *suāhṛā* „ваш“ при прямой форме личного местоимения 2-го лица множественного числа *tus*. Связь этих двух форм не очевидна, однако она выясняется при привлечении соответствующих форм этого местоимения в диалекте чибхали этого же языка. В нем также употребляется прямая форма личного местоимения *tus*, местоименное же притяжательное прилагательное имеет форму *tu-*

sāhrā. Из него развилась форма *suāhrā* путем метатезы согласного *s* и ассимиляции им начального *t*. Аналогичная метатеза, но без ассимиляции начального *t*, наблюдается и в диалекте аванкари языка лахнда. В нем наряду с притяжательным прилагательным личного местоимения 2-го лица *tusiḍḍā* „ваш“ употребляется также более новая его форма *tsuḍḍā* с тем же значением. Эта форма произошла из первой путем метатезы *s* и выпадения гласного *i*. Ассимиляция начального *t* последующим *s* в форме *suāhrā* может быть объяснена влиянием языков дардской группы, граничащих на северо-востоке с диалектами пунчи и дхунди-пахари языка лахнда. В дардских языках наблюдается аналогичная ассимиляция. Так, в диалекте гильгити языка шина употребляется соответствующее местоименное прилагательное *tsaī* и *tsaii* „ваш“, а в диалекте гиласи того же языка — *saī* „ваш“.

Рассмотренные фонетические изменения, происходящие в притяжательных местоименных прилагательных, но не касающиеся самих личных местоимений, не могут рассматриваться, однако, как свидетельство того, что в языковом мышлении утрачивается связь между личными местоимениями и личными притяжательными местоименными прилагательными. Последние выступают во всех индоарийских языках и их диалектах, в которых они имеются, также в функции форм личных местоимений, употребляющихся со сложными послелогоми, например в хинди: *us ne mere liye yah citthī bhejī* „он послал это письмо для меня“, *vah hamārī or dekhtā hai* „он смотрит на нас“, *kya tumhāre pās rupaye haiṃ?* „есть ли у Вас деньги?“; в шахпурском диалекте языка лахнда: *zorīṃ asāḍe utṭe kuṛ banāndā* „он несправедливо возводит на нас клевету“, *tūṃ bī asāḍe nāl tūr* „ты тоже иди с нами“, *merā utṭh zarūr tusāḍe koḷ e* „мой верблюд, безусловно, у Вас“, *bātśāhī tusāḍe koḷom khasī vañe* „царство может быть отнято у вас“.

Сложные послелогои составляют обширную и широко употребительную группу лексико-грамматических показателей во всех индоарийских языках, они употребляются только с личными местоименными притяжательными прилагательными, при-

чем последние имеют в этом случае семантику личных местоимений. Это безусловно укрепляет связь между личными местоимениями и соответствующими притяжательными местоименными прилагательными.

Помимо рассмотренных выше форм личных местоимений, в языках синдхи и лахнда и их диалектах, образующих северо-западную подгруппу внешней группы индоарийских языков, существуют местоименные суффиксы. Они употребляются для выражения грамматической категории лица при глаголах и именах, а в языке синдхи — и при некоторых послелогах, и образуют своеобразную систему в каждом из этих языков. Такие суффиксы не известны в других индоарийских языках и поэтому являются одной из характерных особенностей языков этой подгруппы; существуют они, однако, в языках дардской и иранской групп, распространенных на северных и западных границах Индии.

Наиболее развитой является система местоименных суффиксов в языке синдхи. В нем местоименные суффиксы употребляются как с именами и глаголами, так и с некоторыми послелогами, и подразделяются на три группы. В языке лахнда существуют две группы местоименных суффиксов, и употребляются они только с именами и глаголами.¹

Как в языке синдхи, так и в языке лахнда первую группу составляют местоименные суффиксы, употребляющиеся только с формами непереходных глаголов и теми формами переходных глаголов, в состав которых не входят причастия, развившиеся из древнеиндийских причастий страдательного залога. Местоименных суффиксов 3-го лица в этой группе нет. Суффиксы 1-го и 2-го лица имеют значение форм именительного падежа личных местоимений и выполняют функцию личных окончаний глагола. Суффиксы этой группы в языках синдхи и лахнда приведены в табл. 26. Язык лахнда здесь, как и ниже, представлен его шахпурским диалектом.

¹ В языке кашмири дардской группы эти суффиксы употребляются только с глаголами.

Таблица 26

	Единственное число		Множественное число	
	синдхи	лахнда	синдхи	лахнда
1-е лицо	-sē	-s	-sīm, -sūm	-s
2-е лицо	-eṭ, -aṭ	-eṭ	-u	—

В языке синдхи суффикс 2-го лица единственного числа *-aṭ* употребляется только для женского рода. Примеры употребления: в языке синдхи—*mārīndeṭ* „ты ударишь“, *halīusē* „я ушел“, *hālīāsīm* „мы ушли“, *halīau* „вы ушли“, *halieṭ* „ты ушел“, *haliaṭ* „ты ушла“, *haliūmsīm* „мы ушли“ (женский род), в языке лахнда—*āndus* „я пришел бы“.

Генетически эта группа суффиксов восходит к финитным формам первых двух лиц глагола-связки *as* „быть“. ¹ Суффикс 1-го лица единственного числа *-sē* в языке синдхи и *-s* в лахнда восходит к древнеиндийской форме 1-го лица единственного числа настоящего времени *asmī*, в которой *m* ассимилировалось предыдущим *s*. ² Суффикс 1-го лица множественного числа *-sīm* и *-sūm* в синдхи и *-s* в лахнда развился из соответствующей формы этой связки *smaḥ* с аналогичной ассимиляцией группы согласных *sm*. Суффикс 2-го лица *-eṭ* восходит, вероятно, к форме 2-го лица единственного числа этого глагола *asi*, хотя связь в данном случае не столь очевидна.

Во вторую группу входят суффиксы, употребляющиеся с именами и глаголами как в синдхи, так и в лахнда, а в языке синдхи также и с послелогоми. Они, как правило, имеют семантику форм косвенных падежей личных местоимений. Суффиксы этой группы приводятся в табл. 27.

¹ Е. Трунппр, ук. соч., стр. 290—291.

² Аналогичная ассимиляция группы согласных наблюдается в полных формах личных местоимений множественного числа. См. выше, стр. 105.

Таблица 27

	Единственное число		Множественное число	
	синдхи	лахнда	синдхи	лахнда
1-е лицо	- <i>mē</i>	- <i>m</i>	- <i>ūṁ</i> , - <i>hūṁ</i> - <i>sīṁ</i> , - <i>sūṁ</i>	- <i>se</i> , - <i>ahse</i>
2-е лицо	- <i>ē</i>	- <i>I</i> , - <i>ūṁ</i> - <i>o</i> , - <i>om</i>	- <i>va</i>	- <i>ne</i> , - <i>nihe</i> , - <i>innhe</i>
3-е лицо	- <i>sē</i>	- <i>s</i>	- <i>nē</i> , - <i>na</i>	- <i>ne</i>

В языке лахнда эти суффиксы присоединяются к именам существительным и получают в этом случае значение форм родительного или дательного падежа личных местоимений, например: в функции родительного падежа — *gharam* или *gharhim* „мой дом“ (*ghar* „дом“), *ke nāmī* „как твое имя?“ (*nām* „имя“), *ke nāmus* „как его имя?“, *gharahse* или *gharhisse* „наш дом“, *kehrā śāhurnihe* „какая ваша деревня?“ (*śāhur* „деревня“), *kehrā śāhurne* „какая их деревня?“; в функции дательного падежа — *kassum* или *kassim* „у меня жар“ (*kass* „жар“; при замене местоименного суффикса личным местоимением оно получает послелог дательного падежа *nūṁ*, ср. приведенное выше выражение в развернутой форме: *mānūṁ kass e* „у меня жар“), *kassisse* „у нас жар“, *kassinihe* или *kassinehe* „у вас жар“, *kassene* или *kassine* „у них жар“.

В приведенных выше примерах элемент, вставляющийся между именем и местоименным суффиксом, является остатком соответствующей формы глагола-связки. Так, в форме *gharhim* „мой дом“ *-hi-*, вставленное между именем *ghar* и местоименным суффиксом *-m*, является ослабленной формой 3-го лица этого глагола *he*; в формах *gharhisse* „наш дом“ и *kassisse* „у нас жар“ элемент *-his-* и *-is-* имеет аналогичное происхождение. Поэтому глагол-связка никогда не употребляется после имен с местоименными суффиксами, ср. *kufri gharhim* „Куфри — мой дом“.

В языке синдхи суффиксы 1-го лица множественного числа не употребляются с именами. Все приведенные суффиксы 1-го и 2-го лица употребляются преимущественно с именами, обозначающими части тела, степени родства и т. д. Суффиксы 3-го лица имеют более широкую сферу употребления. Приведенные в таблице местоименные суффиксы присоединяются к прямой форме имен или к основе косвенных форм.¹ Обычно в этом случае местоименные суффиксы имеют семантику форм родительного падежа личных местоимений, например в синдхи: *пери* „глаз“, *перӣтѣ* „мой глаз“, *перӣѣ* „твой глаз“, *перӣсѣ* „его глаз“, *перӣва* „ваш глаз“, *перӣпѣ* „их глаз“, *тāи* „мать“, *тāтѣ* или *тāӣтѣ* „моя мать“, *тан̄химѣ кхе* „моей матери“ (*тан̄хи* — основа косвенных форм), *пиу* „отец“, *пӣутѣ* „мой отец“, *пин̄хѣ ма̄хемāнī кaī āхе* „твой отец устроил праздник“, *та̄м̄хѣм те̄ пин̄хасѣ са̄йусѣ* „его отец сказал ему“.

В языке синдхи приведенные суффиксы второй группы могут присоединяться к ряду послелогов. В этом случае послелоги в соединении с суффиксами имеют то же значение, что и сочетания этих послелогов с полными (абсолютными) формами личных местоимений. Так, например, послелог *sando* имеет то же значение, что и послелог родительного падежа *jo*. Во фразе *soī sā̄nehu mīṭhuṭ jo sā̄jjanu jītē sandomē* „именно это моя родина, и здесь моя любовь“ сочетание послелога *sando* с местоименным суффиксом 1-го лица *-тѣ* синонимично сочетанию полной формы местоимения 1-го лица *mīṭhuṭ* с послелогом *jo*. Во фразе *ahe sandana ācāra* „таковы их обычаи“ послелог *sando* в сочетании с суффиксом 3-го лица множественного числа *-па* имеет значение родительного падежа личного местоимения 3-го лица. Приведенные суффиксы сочетаются также с послелогом *sā̄ни* или *се̄ни* „с“, например: *jāṭ jāṭ sā̄niē sā̄hu tāṭ pā̄rijē ko ta pun̄huṭa sāṭ* „пока дыхание с тобой, никого не сравнивай с Пунхум“, *mīṭhuṭ jo*

¹ Конечный гласный имен претерпевает при присоединении местоименных суффиксов различные изменения. См.: Е. Т. Г. и др., ук. соч., стр. 227—242.

sāhu vīo seṇanē āyalē vīhāṁ kīṇa bhambhora meṁ „моя душа ушла с ними, о мать, как останусь я в Бхамбхору?“, а также с послелогом *kaṇē, kaṇē* „у“, „с“, „к“, *ggarē* „с“, *vaṭē* „к“, „у“, *manjhē* „в“, „среди“, *heṭhē* „под“, *meṁ* „в“, *keṇā* „к“, *khāṁ* „от“ и др., например, *ekē qasarē dara lakha sahasēṁ kaṇisē ggaṇakhīūṁ* „в одном дворце сотни тысяч дверей, тысячи у него окон“; *kājā ggālhe ggarē bbijalā bbundhāē mūṇ* „что бы ни случилось с тобой, о Биджалу, сообщи мне“; *sandasē celā vaṭīṁsē āyā* „его ученики пришли к нему“; *taḍḍihīṁ māu puche khe majhīne kihaṛī laggi keṇāē* „тогда мать спросила Меджнуна: «что случилось с тобой?»“; *ihaṛā dīṁha īndā jo ghoṭu khāṁunē khasibo* „настанут такие дни, что жених будет взят от них“.

Как в языке синдхи, так и в лахнда суффиксы этой группы широко употребляются с глагольными формами. В языке лахнда они могут выступать для обозначения субъекта или объекта действия при формах переходных глаголов, в состав которых входят причастия, развившиеся из древних причастий страдательного залога, в зависимости от того, сочетается ли данная глагольная форма с подлежащим или дополнением, выраженным самостоятельным словом. Так, во фразах *mā māreāne* „я избил их“ и *mā nūṁ māreāne* „они избili меня“ суффикс 3-го лица множественного числа в первом случае имеет значение винительного падежа личного местоимения 3-го лица благодаря тому, что к данному глаголу относится форма деятеля личного местоимения 1-го лица *mā*; во втором случае тот же самый суффикс *-ne* имеет значение именительного падежа личного местоимения 3-го лица, так как в виде дополнения при глаголе выступает форма винительно-дательного падежа личного местоимения 1-го лица *mā nūṁ* „меня“. Примеры такого употребления суффиксов этой группы: *gāṁ dīttihīne* „видали ли вы корову?“; *jutam joṛā pāṇī lāeam* „запряг пару (быков) и принес воды“; *rupāṭā dītṭāas* „он дал рупию“; *mārius yār* „ее избил любовник“.

Суффиксы этой группы могут употребляться также и с формами непереходных глаголов, если в их состав входит при-

частие прошедшего времени, например *utthāī suttum* „я спал там“, *jāteos* „он узнал“. Они употребляются также со всеми глагольными формами в значении различных дополнений, которые могут сочетаться с этими глагольными формами, например: *ke hukm d̥heoī* „что было приказано тебе?“, *ke nām heve (he+e)* „какое у тебя (есть) имя?“, *veñāṇ deos* или *deis* „дай ему уйти“, *marsāmī* „я ударю тебя“, *dhī jamīis* „у него родилась дочь“, *puttur jamāas* „у него родился сын“.

Иногда к формам переходных глаголов, в состав которых входят причастия, развившиеся из древних причастий страдательного залога, присоединяются одновременно два местоименных суффикса. В этом случае первым ставится суффикс, обозначающий субъект действия, вторым — суффикс, обозначающий прямой или косвенный объект, например *rupāīā dittemus* „я (-*m*) дал ему (-*s*) рупию“.

В других диалектах языка лахнда употребляется та же система местоименных суффиксов лишь с небольшими изменениями. Так, в диалекте мультами местоименный суффикс *-ne* употребляется только как суффикс 3-го лица, а не 2-го и 3-го лица. То же положение наблюдается в южном диалекте хиндки. В нем местоименный суффикс 2-го лица второй группы во множественном числе имеет форму *-ve*, ср. *maiṇ kūṇ alāvaṇ na dittove* „вы не дали мне говорить“. В диалектах северо-восточной группы местоименные суффиксы те же, что и в южной группе, однако суффиксы 1-го и 2-го лица употребляются в них значительно реже. Употребление суффиксов 3-го лица в этих диалектах столь же часто, как и в южных. Из диалектов северозападной группы в диалекте дханни суффикс 2-го лица первой группы в единственном числе имеет форму *-j*, а не *-em*, ср. *tūṇ bī khuš hovañj* „ты тоже будь счастлив“. Этот суффикс генетически связан с *je*, употребляющимся в языке панджаби в функции связки. Использование заимствованных элементов в диалекте дханни языка лахнда для обновления системы местоименных суффиксов может рассматриваться как свидетельство жизнеспособности этой системы.

В языке синдхи суффиксы этой группы употребляются с глагольными формами более широко, чем в языке лахнда, и поэтому разделяются на две подгруппы в зависимости от их значения. В грамматиках языка синдхи эти подгруппы называются второй и третьей группами. Морфологически и генетически такое разделение этих суффиксов на две самостоятельные группы оправдано только для суффиксов 3-го лица. Тем не менее, ради удобства изложения можно рассматривать местоименные суффиксы в языке синдхи, следуя грамматикам этого языка.

Приведенные в таблице суффиксы присоединяются в синдхи к переходным глаголам, в состав которых не входят причастия, образованные из древнеиндийских причастий страдательного залога прошедшего времени. В этом случае они имеют значение форм винительного или дательного падежа личных местоимений в зависимости от семантики глагола, например: *chaḍḍi-jātmē* „оставь меня“; *pasāyūṁ* „покажи нам“; *mārḥunē cayo māṇusē khe ta tūṁ pāṇ puchīṁsē* „люди сказали его матери: «ты сама его спроси»“; *tāzī ḍḍiosē takiṛo jauhara pae zīna* „дай ему арабскую лошадь, положив драгоценности на седло“.

Приведенные суффиксы употребляются в языке синдхи также и с формами переходных глаголов, в состав которых входят причастия, развившиеся из древнеиндийских причастий страдательного залога. Однако они сохраняют название суффиксов 2-й группы только в том случае, если они служат для обозначения объекта действия. Если же они обозначают деятеля, то они называются суффиксами третьей группы. Исключение составляют приведенные в таблице суффиксы 3-го лица, которые употребляются только для обозначения объекта. Таким образом, суффиксы третьей группы в 1-м и во 2-м лице по форме те же, что и суффиксы второй группы, однако в 3-м лице в единственном числе употребляется суффикс *-īṁ*, а во множественном — *-ūṁ*, например: *chaḍḍiūtmē* „я оставил его“; *chaḍḍiamē* „я оставил их“; *chaḍḍiāsūṁ* „мы оставили их“; *chaḍḍiāmīṁ* „он оставил ее“; *chaḍḍiāmūṁ* „они оставили его, ее, их“; *mānī khaisīṁ kī na imhe vāste iem ciāmīṁ* „мы не

взяли нисколько хлеба с собой, поэтому он сказал так“; *pī pīālo 'iśqa jo sabhukī samujho sūṃ* „выпив пиалу любви, мы поняли все“.

Причастия, образованные от переходных глаголов и восходящие к древним причастиям страдательного залога, могут присоединять одновременно местоименные суффиксы второй и третьей групп. В этом случае к причастию первым присоединяется суффикс третьей группы, служащий для обозначения деятеля, затем суффикс второй группы, служащий для обозначения дополнения, например *chaḍḍiomāmē* „я оставил тебя“ (этимологический перевод „ты оставлен мною“). Значение этого построения может быть также передано при помощи полных (абсолютных) форм личных местоимений: *mūṃ to khe chaḍḍio* (перевод тот же). В построениях такого рода суффикс третьей группы *-mē* обычно получает форму *-mām*, например, *chaḍḍiomāmṣē* „я оставил его“. Суффикс третьей группы 3-го лица единственного числа *-im* в этих построениях либо сохраняется без изменения, либо сливается с предшествующим *ā* причастия, например *chaḍḍiāmīmē* „он оставил меня“ или *chaḍḍiāmē* с тем же значением, а суффикс третьей группы 3-го лица множественного числа обычно сохраняет форму *-ūṃ*; иногда он сокращает гласный, получая форму *-uṃ*, а также теряет назализацию, приобретая форму *-u*, например *chaḍḍiāmūṃmē* „они оставили меня“, или *chaḍḍiāmumē* с тем же значением, или *chaḍḍiāmumē* с тем же значением. Примеры употребления этих построений в предложениях: *tum-hum je celanē vaṭē vaṭhe āndomāmṣē para ho chuṭāe na saghiāsē* „я привел его к твоим ученикам, но они не могли вылечить его“; *sīdhā pādhā ḍḍinānīmṣē* „он дал ему провизию и продовольствие“; *ciāmīnē abo tahām jo imhe puchāṇa jo vāsto kihāro* „она спросила их: «отцы, зачем вы спрашиваете об этом?»“; *mānī jorē āṇe agḡiām dhariāmūṃṣē* „приготовив и принеся хлеб, они положили его перед ним“.

Аналогично два местоименных суффикса могут присоединяться к глаголу-связке в сложных временах, в состав которых входят причастия переходных глаголов, восходящие

к древним причастиям страдательного залога, например *ḍḍino athīmāmē* „я дал тебе“ (перфект; в данном случае к глаголу-связке *athī* присоединен суффикс третьей группы 1-го лица единственного числа *-mām* и затем суффикс второй группы 2-го лица единственного числа *-ē*), *chaddio huāmīṁtē* „он оставил меня“ (плюсквамперфект; здесь к глаголу-связке *huām* присоединен суффикс третьей группы 3-го лица единственного числа *-īṁ* и затем суффикс второй группы 1-го лица единственного числа *-tē*). Рассмотренные местоименные суффиксы употребляются почти во всех диалектах языка синдхи. Различия в их фонетическом облике по диалектам весьма незначительны, например в диалекте сирайки суффикс первой группы 1-го лица множественного числа *-sīm* имеет форму *-sem*. Почти не имеет местоименных суффиксов диалект тхарели. В этом диалекте употребляются только суффиксы первой группы с глагольными формами будущего времени. Отсутствие местоименных суффиксов в этом диалекте может быть объяснено влиянием граничащего с ним на востоке диалекта марвари языка раджастхани, который не имеет системы местоименных суффиксов. Генетически часть приведенных в таблице суффиксов второй группы в языках синдхи и лахнда восходит к энклитическим формам личных местоимений. Так, суффикс 1-го лица единственного числа *-tē* в синдхи и *-t* в лахнда развился из энклитической формы личного местоимения 1-го лица единственного числа, употреблявшейся в среднеиндийских языках в винительном, творительном и родительном падежах. Суффикс 2-го лица множественного числа *-va* в синдхи восходит к аналогичной форме личного местоимения 2-го лица — *vo*. Э. Трумпп возводит суффикс 2-го лица единственного числа *-ē* к энклитической форме личного местоимения 2-го лица единственного числа *te*, объясняя выпадение начального *t* влиянием правил сандхи.¹ Аналогичное происхождение имеет суффикс 2-го лица единственного числа *-ī* в языке лахнда. Это предположение Э. Трумппа представ-

¹ Е. Трумпп, ук. соч., стр. 225—226.

ляется весьма вероятным, хотя объяснение выпадения начального *t* встречает некоторые затруднения. Суффиксы 1-го лица множественного числа — *-ūṭ* и *-hūṭ* Э. Трумпп справедливо возводит к среднеиндийской форме родительного падежа множественного числа *amho*. Аналогичное происхождение имеют, очевидно, суффиксы 1-го лица множественного числа *-sīṭ*, *-sūṭ* в синдхи и суффиксы *-se* и *ahse* в лахнда. Начальное *s* в этих суффиксах является рефлексом древнеиндийского сочетания согласных *sm*, которое встречается в древнеиндийских косвенных формах личного местоимения 1-го лица множественного числа *asme* и др.

Местоименный суффикс 3-го лица единственного числа *-sē* в языке синдхи генетически родственен аналогичному суффиксу *-s* в языке лахнда. Этот суффикс Э. Трумпп, очевидно, несправедливо возводит к *asya* — древнеиндийской форме родительного падежа единственного числа указательного местоимения *ayam*. Представляется более вероятным, что этот суффикс восходит к пракритской энклитической форме *se* указательного местоимения *ta* (*sa*), употреблявшейся в функции винительного и родительного падежа этого местоимения.¹

Третья группа местоименных суффиксов 3-го лица, имеющаяся только в языке синдхи, развивалась также из указательных местоимений в более позднюю эпоху. Так, суффикс *-īṭ* в единственном числе генетически связан с указательным местоимением *hī* „этот“, а суффикс *-ūṭ* во множественном числе — с указательным местоимением *hū* „тот“. Оба этих указательных местоимения употребляются в современном синдхи. Э. Трумпп возводит суффикс единственного числа *-īṭ* к основе косвенных форм единственного числа указательного местоимения *hī* — *ina*, а суффикс *-ūṭ* к основе косвенных форм множественного числа указательного местоимения *hū* — *unē*.² Основы косвенных форм указательных местоиме-

¹ R. Pischel, ук. соч., стр. 299.

² E. Trumpp, ук. соч., стр. 345.

ний, как и основы косвенных форм личных местоимений, употребляются в синдхи для обозначения деятеля при глагольных формах, в состав которых входят причастия, восходящие к древним причастиям страдательного залога. Это служит одним из подтверждений мнения Э. Труппа о происхождении этих местоименных суффиксов и вместе с этим говорит о том, что указанные суффиксы образовались сравнительно недавно — уже в новоиндийскую эпоху. Таким образом, в языке синдхи и в среднеиндийскую, и в новоиндийскую эпохи протекал процесс создания местоименных суффиксов из указательных местоимений. В среднеиндийскую эпоху создались местоименные суффиксы 3-го лица второй группы, а в новоиндийскую эпоху — суффиксы 3-го лица третьей группы.

Развитие местоименных суффиксов 3-го лица из указательных местоимений связано с эволюцией их семантики от меньшей степени абстрактности к ее большей степени. Если указательные местоимения имеют абстрактную лексическую семантику, то местоименные суффиксы 3-го лица уже полностью утратили лексическую семантику и приобрели более абстрактную семантику грамматических показателей.

В заключение следует отметить, что личные местоимения не употребляются в новоиндийских языках как компоненты в словосложениях. Такое употребление личных местоимений, имевшее широкое распространение в древнеиндийскую и среднеиндийскую эпохи, прекратилось в начале новоиндийского периода, очевидно, в связи с окончательным становлением аналитического строя. Так, в наиболее раннем памятнике литературы хинди *Prthvī Raj Rāso* встречаются еще единичные случаи употребления личных местоимений в словосложениях, например *sabai kajj(a) aggai tuhīnām(a) lagai* „перед всеми делами упоминается твое имя“ (I, 26, 27).

Новоиндийские языки утратили также эмфатические формы личных местоимений, образованные путем сочетания указательных местоимений с личными. {Сохраняет их как пережиток только язык синдхи. В нем личные местоимения могут сочетаться с местоимением *so*. Это местоимение восходит

к древнему указательному местоимению *ta(sa)*, но в современном синдхи употребляется как относительное местоимение. Оно становится перед личным местоимением, как и при образовании рассмотренных выше эмфатических форм личных местоимений в древнеиндийских и среднеиндийских языках,¹ например: *'umara sā āṭṭūṃ kīṃa paṭu paharīāṃ sūmirā* „как же я надену шелк, о Умар (из племени) сумиро?“.²

В современных индоарийских языках некоторые слова имеют тенденцию стать уничижительными или почтительными местоимениями. Из них всех только одно смогло превратиться в личное местоимение, — это возвратное местоимение, развившееся из древнеиндийского слова *ātman* „душа“. Процесс его превращения в почтительное местоимение 2-го лица близок к завершению только в литературном бенгальском языке, где оно получило форму *āpnī*. В литературных формах западного хинди, хинди и урду, процесс этот не вполне завершился: здесь это местоимение, имеющее форму *āp*, сохраняет также семантику возвратного местоимения. Семантика всех остальных слов, обнаруживающих тенденцию стать личными местоимениями, остается гораздо более конкретной, чем семантика личных местоимений. Поэтому их превращение в личные местоимения, если оно вообще будет иметь место в будущем, потребует весьма продолжительного времени. Ныне же во всех индоарийских языках личные местоимения те же, что и четыре тысячи лет тому назад, хотя их морфологический и фонетический вид претерпел значительные изменения. Это свидетельствует несомненно о том, что личные местоимения входят в ту часть основного словарного фонда, которая живет на протяжении тысячелетий.

¹ См. выше, стр. 52—53, 89.

² Е. Трумпп, ук. соч., стр. 470.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение следует отметить направление и основные особенности рассмотренного выше развития личных местоимений 1-го и 2-го лица в индоарийских языках.

Личные местоимения сохраняются на протяжении четырехтысячелетнего развития индоарийских языков. Сравнение с другими индоевропейскими языками показывает, что эти местоимения возникли задолго до создания древнейших дошедших до нас языковых памятников индоарийских языков. Они создались, очевидно, еще до разделения основных групп индоевропейских языков.

В древнеиндийском языке, как и в других древнейших индоевропейских языках, личные местоимения образуют формы ряда падежей в единственном, двойственном и множественном числе от основ с различными корневыми элементами. Большое количество таких различных корневых элементов имеется в парадигме склонения личного местоимения 1-го лица. В парадигме склонения личного местоимения 2-го лица имеется ряд основ только с двумя различными корневыми элементами. Эти факты могут рассматриваться как свидетельство о том, что каждое личное местоимение восходит к двум или более словам, бывшим некогда самостоятельными и имевшим более конкретное лексическое значение. Однако длительный процесс развития личных местоимений, сделавший их значения столь абстрактными и превративший их в особую лексико-грамматическую категорию, начался так давно, что ни данные какого-либо одного индоевропейского языка, ни сравнение

всех древнейших индоевропейских языков до настоящего времени не дают возможности установить доказанную этимологию личных местоимений, т. е. выявить те самостоятельные слова и их лексическое значение, из которых развились личные местоимения.

Отмеченная супплетивность основ у личных местоимений постепенно упрощается на протяжении всего развития индоарийских языков. Так, уже в большинстве среднеиндийских языков у местоимения 2-го лица сохраняется только один корневой элемент — *tu*. Упрощение супплетивности основ наблюдается в среднеиндийский период также и у личного местоимения 1-го лица, однако оно протекает не столь интенсивно, как у личного местоимения 2-го лица. Этот процесс продолжается и в новоиндийскую эпоху и завершается полностью в языках восточной подгруппы внешней группы индоарийских языков, где формы личных местоимений множественного числа образуются от основ единственного числа путем прибавления особых показателей множественного числа.

Процесс устранения супплетивности основ личных местоимений протекал в различных индоарийских языках с неодинаковой интенсивностью. Если он завершился в языках восточной подгруппы внешней группы, то в языке синдхи западной подгруппы внешней группы древнеиндийская супплетивность основ упростилась лишь очень незначительно. Так, в этом языке в образовании форм личного местоимения 1-го лица участвует основа с тремя различными корневыми элементами, а в образовании форм личного местоимения 2-го лица — с двумя различными корневыми элементами. Все остальные индоарийские языки занимают в этом отношении промежуточное положение между языком синдхи и языками восточной подгруппы внешней группы.

Процесс упрощения супплетивности основ личных местоимений в среднеиндийскую эпоху протекает без видимой связи с изменением склонения личных местоимений и превращением форм множественного числа в почтительные формы единственного числа, в новоиндийскую же эпоху он тесней-

шим образом связан с этими двумя тенденциями и определяется ими.

Склонение личных местоимений развивается в том же направлении, что и склонение других местоимений и имен. Однако изменения в системе склонения личных местоимений протекают медленнее, чем в именном склонении, и личные местоимения имеют тенденцию сохранять формы более старые, чем именное склонение. Затем эти формы постепенно перестраиваются под влиянием именного склонения. Такая тенденция сохранения более старого типа склонения объясняется, очевидно, абстрактностью семантики личных местоимений и частотой их употребления. Проявление этой тенденции имеет место на протяжении всего исторического развития индоарийских языков. Так, в ведическом языке, при ярко выраженном флективном типе именного склонения, склонение личных местоимений имеет ряд черт, сближающих его с агглютинирующим склонением. Окончания ряда косвенных падежей, одинаковые для всех трех чисел, присоединяются к основе, имеющей значение родительного падежа. Аналогичное положение наблюдается в других древнейших индоевропейских языках, например в хеттском. Эти старые падежные формы личных местоимений на протяжении всего древнеиндийского периода развития индоарийских языков постепенно вытесняются формами, построенными по аналогии с флективными формами соответствующих падежей именного склонения. Продолжается этот процесс и в среднеиндийских языках. В них имеется гораздо большее количество форм, имеющих окончания, совершенно аналогичные окончаниям соответствующих падежей в именном склонении.

Интересно отметить, что древнеиндийское причастие *bhavat* и слово *bhagavat*, обнаруживающие в древнеиндийском, а затем и в среднеиндийских языках тенденцию стать личным местоимением 2-го лица, сохраняют в пракритах старое двусловное склонение, в то время как все другие слова, склонявшиеся по этому типу, переходят в однословные склонения. Здесь проявляется та же тенденция личных местоимений

сохранять более древний тип склонения, чем имена и другие местоимения, что и выделяет их в особую морфологическую группу.

В среднеиндийских языках формы флективных падежей как в склонении личных местоимений, так и в склонении других местоимений и имен постепенно отмирают. Формы некоторых падежей либо совсем исчезают из употребления, как, например, формы отделительного падежа, либо совпадают с формами других падежей, как, например, формы именительного и винительного падежей местоимения 2-го лица. На смену отмирающим флективным падежным формам начинают создаваться агглютинирующие и аналитические формы, возникающие либо из словосложений, либо из сочетаний самостоятельных слов. Процесс создания этих новых форм начался еще в среднеиндийскую эпоху, но находит свое завершение лишь в новоиндийскую эпоху. Однако в поздних среднеиндийских языках (в апабхрамша) уже довольно ясно намечаются создающиеся вновь аналитические формы.

В новоиндийских языках древние флективные формы за небольшим исключением не сохранились. Функцию форм именительного падежа выполняет прямая форма, а функцию косвенных падежей — аналитические или агглютинирующие формы личных местоимений. Последние состоят из основы косвенных форм и послелогов или суффиксов, передающих значения различных падежей.

Основы косвенных форм личных местоимений, как и основы косвенных форм имен, восходят в большинстве новоиндийских языков к среднеиндийским формам родительного падежа, а простые послелоги развились из самостоятельных слов, но почти полностью потеряли свое лексическое значение и превратились уже в грамматические показатели. Основы косвенных форм единственного числа в языках западной Индии развились из среднеиндийских форм творительного падежа. Объясняется это тем, что в северо-западном пракрите, являющемся предком этих языков, произошло слияние творительного и родительного падежей в склонении личных местоимений.

В ряде новоиндийских языков имеются также формы деятеля, которые употребляются с теми формами переходных глаголов, в состав которых входит причастие, развившееся из древнеиндийских причастий страдательного залога. Как правило, эти формы деятеля восходят к среднеиндийским формам творительного падежа. В некоторых индоарийских языках (западный хинди, литературный панджаби, центральный и восточный пахари) формы деятеля образуются аналитически, путем присоединения послелого деятеля. Появление послелого деятеля при формах личных местоимений, которые сами по себе уже восходят к формам среднеиндийского творительного падежа, объясняется, очевидно, влиянием употребления этого послелого с именами, не сохранившими старых форм творительного падежа. В новоиндийских языках западной Индии (синдхи, лахнда, панджаби и др.) в функции форм деятеля употребляются основы косвенных форм личных местоимений. Объясняется это также слиянием творительного и родительного падежей в северозападном пракрыте, из которого развились эти языки.

В ряде языков внешней группы (ассамский, бенгальский, маратский и др.) падежные суффиксы настолько тесно слились с основами косвенных форм, что можно говорить о тенденции образования агглютинирующих, а затем новых флективных форм.

Следует отметить, что тенденция сохранения личными местоимениями более старой типологии склонения наблюдается и в новоиндийских языках. Так, в отдельных новоиндийских языках (западный хинди и др.) сохраняются формы винительного падежа, являющиеся остатками среднеиндийских флективных форм. Имена не сохранили подобных форм.

Личные местоимения употребляются уже в древнейших памятниках ведического языка в функции первых компонентов в словосложениях. Словосложения эти часто бывают равнозначны синтаксическому сочетанию морфологически оформленных основ их компонентов. В этих словосложениях личные местоимения выступают обычно в форме основ, хотя в более

древних текстах они часто сохраняют падежные окончания, утрачивая лишь самостоятельное ударение.

Употребление личных местоимений в словосложениях, выполняющих функцию синтаксических сочетаний, увеличивается на протяжении всего древнеиндийского периода и начала среднеиндийского. Кроме того, в среднеиндийских языках основы личных местоимений могут выступать как в функции первых компонентов в словосложениях, так и в функции других его компонентов, кроме последних. В конце среднеиндийского периода употребление основ личных местоимений в словосложениях начинает идти на убыль и исчезает почти совершенно в новоиндийских языках.

Словосложения, имевшие своим первым компонентом основу личных местоимений, а вторым компонентом — производное от глагола *kr* „делать“, уже в среднеиндийскую эпоху начали превращаться в грамматические формы родительного падежа личных местоимений. Второй компонент в этих словосложениях утратил свое лексическое значение и превратился в грамматический показатель. Вместе с этим он сильно сократился фонетически (*keraka* → *rā*). Вновь возникшие таким образом грамматические формы личных местоимений сохранили, однако, морфологическую особенность своего второго компонента — способность согласоваться с определяемым в роде, числе и форме. К этим формам восходят личные местоименные притяжательные прилагательные, имеющиеся в большинстве новоиндийских языков центральной и западной Индии (западный хинди, раджастхани, панджаби и др.).

Эти местоименные прилагательные выполняют функцию форм родительного падежа личных местоимений, а также выступают в сочетании со сложными послелогом. Они составляют одну из характерных морфологических особенностей личных местоимений в этих языках, так как другие местоимения и имена не имеют аналогичных прилагательных, а присоединяют послелог родительного падежа. Послелог родительного падежа, семантически соответствующий названным прилага-

тельным, никогда не употребляется с личными местоимениями в этих языках.

Наряду с полными ударными формами личных местоимений в ведическом языке широко употребляются краткие безударные формы личных местоимений. Они могут выступать в значении форм почти всех косвенных падежей. В классическом санскрите сфера их употребления сужается, и они употребляются только в дательном, винительном и родительном падежах. В среднеиндийскую эпоху они постепенно выходят из употребления, а в большинстве новоиндийских языков они исчезли бесследно.

Исключение представляют языки западной подгруппы внешней группы индоарийских языков синдхи и лахнда и их диалекты. В них из энклитических форм местоимений развилась система местоименных суффиксов, которые употребляются для выражения грамматической категории лица при глаголах и именах, а в языке синдхи — и при некоторых послелогах.

Сфера употребления этих местоименных суффиксов в указанных языках очень широка. Они выступают в значении форм всех косвенных падежей личных местоимений.

Индоарийские языки на всем протяжении своего развития не выработали форм личных местоимений 3-го лица. В функции личных местоимений 3-го лица в них употребляются указательные местоимения. Однако в языках синдхи и лахнда из указательных местоимений развились местоименные суффиксы 3-го лица, полностью утратившие указательную семантику. Это обстоятельство показывает, что в этих языках действовала тенденция развития личных местоимений из указательных, связанная с развитием их семантики от меньшей степени абстрактности к большей, так как семантика указательных местоимений, содержащая определение удаленности или приближенности предмета, является более конкретной, чем семантика личного местоимения 3-го лица, указывающая лишь на то, что обозначаемый им предмет был упомянут ранее.

Уже в самых ранних памятниках ведического языка употребляются сочетания указательных местоимений с личными

местоимениями. Так как указательные местоимения теряют в таких сочетаниях как семантику, так и ударение, сообщая лишь эмфазис формам личных местоимений, то такие сочетания можно назвать эмфатическими формами личных местоимений. При глагольных формах 1-го и 2-го лица, в которых категория лица выражена флексивными средствами, личное местоимение выступает в качестве подлежащего при этих глагольных формах. Происхождение таких эмфатических форм относится к весьма древнему периоду, предшествовавшему созданию самых ранних памятников ведического языка. Эти формы широко употребляются в древнеиндийский период, а также в начале среднеиндийского периода. В конце среднеиндийского периода они постепенно выходят из употребления в большинстве индоарийских языков. Из всех новоиндийских языков остатки таких форм обнаруживаются только в языке синдхи, система личных местоимений которого имеет ряд архаических черт.

Начиная с поздних памятников ведического языка в индоарийских языках проявляется тенденция к созданию уничижительных и почтительных личных местоимений. Связана эта тенденция с усложнением структуры древнеиндийского общества и с его классовым расслоением. В результате ее действия ряд слов начинает терять свою лексическую семантику и превращаться в почтительные и уничижительные формы личных местоимений. Процесс этот продолжается на протяжении всего развития индоарийских языков. Однако почти все такие слова не могли окончательно превратиться в личные местоимения и со временем выходили из употребления. Причиной тому является, очевидно, большая разница в степени абстрактности семантики личных местоимений и лексически значимых слов. Единственным словом, ставшим почтительным личным местоимением 3-го лица в некоторых новоиндийских языках, в частности, в бенгальском языке, является рефлекс древнеиндийского *ātman* „душа“. Уже в древнеиндийскую эпоху слово *ātman* начало утрачивать свое лексическое значение, приобретая значение возвратного

местоимения. Это значение оно сохраняло в среднеиндийских, а затем и в новоиндийских языках. Постепенно *ātman* полностью утратило свою самостоятельную лексическую семантику, а также подверглось различным фонетическим изменениям. В новоиндийскую эпоху оно начало приобретать семантику почтительного личного местоимения 2-го и 3-го лица, однако процесс его превращения в такое местоимение близок к завершению только в бенгальском литературном языке.

Действием той же тенденции к созданию почтительных и уничижительных форм личных местоимений объясняется переосмысление старых форм единственного и множественного числа личных местоимений. Старые формы единственного числа становятся уничижительными местоимениями, а формы множественного числа теряют семантику этого числа и превращаются в почтительные формы этого местоимения. От каждого из этих местоимений начинают образовываться новые формы множественного числа. Этот процесс завершился окончательно в большинстве современных языков восточной подгруппы внешней группы индоарийских языков. В других новоиндийских языках он не завершился полностью, так как новые формы множественного числа почтительных и уничижительных местоимений не грамматикализировались, а соотношение форм единственного и множественного числа еще не утратилось окончательно.

Все вышеизложенное показывает, что личные местоимения входят в ту часть основного словарного фонда, которая живет и развивается на протяжении многих лет. Законы их развития тесно связаны с развитием других категорий языка и всего его строя, но вместе с тем имеют ряд отличительных, только им присущих особенностей.

**СПИСОК СОВРЕМЕННЫХ ИНДОАРИЙСКИХ ЯЗЫКОВ
И ИХ ОСНОВНЫХ ДИАЛЕКТОВ ПО ДЖ. А. ГРИНСОНУ**

Внешняя группа

Кхетрани

Лахида

Шахпурский	Дханни
диалект	Тинаули
Мультани	Потхвари
Хиндки	Чуибхали
Тхали	Пунчи

Синдхи

Вичоли
Лари
Каччхи

Маратхи

Деши
Нагпури
Конкани

Сингалезский язык

Орья

Бихари

Майтхили	Южный бходжпури
Магахи	Нагпурия
Северный бходжпури	

Бенгальский язык

Юго-западный диалект	Восточный диалект
Сирипурия	Чакма

Ассамский язык

Переходная группа

Восточный хинди

Авадхи

Багхели

Чхаттисгархи

Внутренняя группа

Западный хинди

Бангару

Брадждхакха

Канауджи

Бундели

Банапхари

Разговорный хин-

дустани (кхари

боли)

Литературный хинди

Литературный урду

Панджаби

Повадхи

Догри

Кангра

Гуджарати

Чаротари

Катхьявари

Кхарва

Гхисади

Раджастанхи

Марвари

Джайпури

Мевати

Гуджури

Мальви

Нимади

Лабхани

Кхандеши**Бхили****Восточный пахари**

Центральный пахари

Кумаони

Гархвали

Западный пахари

Джаунсари

Мандеали

Сирмаури

Чамеали

Багхати

Гади

Кьюнтхали

Пангвали

Шодочи

Бхадравахи

Кулуи

Падари

УКАЗАТЕЛЬ ФОРМ МЕСТОИМЕННИЙ

aha- 35, 78, 81	āmāke 123	amhesu 77, 78
ahaa- 81	āmār 129	amhi 57, 60, 94, 107
ahaam 57, 59	amāro 126, 132	āmhi 105
*ahaḥ! 58	āmbha 122	āmi 94, 106, 122
ahaka- 81	āmbhe 95	amiṃ 111
ahakaṃ 57, 59, 61	āmbhemanañka 124	amīṃ 111
ahake 59	āmbhemanañkara 124	āmīṃ 106
aham 19, 56, 58, 108	ambhemāne 106	ānme 95
ahaṃ 43, 56, 57, 59,	ame 110, 116	ampha 64
62, 66, 89	āme 106	āmra 94
ahām 117	amel 29	āmūṃ 91
ahamghāta 48	ametaz 29	ānv 92
ahamkāra 48	amha- 81	anzel 29
ahamṃ 56, 57, 73	amha 65—67, 73, 74	anzetaz 29
ahammi 60, 66	amhahaṃ 74, 76, 111	apa- 125
ahammi 77, 78	amhaiṃ 57	āpan 110
ahaṃya- 81	amhakaṃ 65, 67, 74, 75	apḍaṃ 110
ahayaṃ 57, 59	amhakera 87	apha- 81, 106
ahīṃ 111	amhakeram 87	aphakaṃ 74, 75
aho 57, 58, 62	amhaṃ 66, 73, 74, 77, 80	aphe 63, 65
ahu 57, 58, 62	āmhām 121, 126	apheni 65, 67
ahuṃ 57	amhammi 78	aphesu 77, 78
am 106, 126	amhāṇaṃ 74, 76	api 106
ām 110	amhārisa 87	apne 101
ām 92, 117	amhasu 78	āpṇe 110
ama- 81	amhāsu 77	āpni 101
āmāder 124, 129	amhātisa 86	appa 82, 110
āmādigar 124, 129	amhe 57, 63—65, 105,	as 105
āmādigke 124	114	ās 105
āmādigoke 124	amhehi 68	asā 110, 128
amaho 74, 76	amhehiṃ 68, 105	asāḍa 132
amahu 74	amhehiṃto 72	asām 110, 111, 119, 133

- ase 110
 aseīm 110
 asī 105
 asīm 105, 110, 133
 a-sma- 35, 81, 104
 asma 19—21, 25
 asmabhi 74, 77
 asmābhiḥ(s) 21, 22
 asmabhyam 23
 asmad 24
 asmād 24
 asmādṛṣa 86
 asmadruḥ 46
 asmaḡa 74, 75
 asmahu 74, 76
 asmaḡiḥ(s) 21, 63
 asmāka 24, 25
 asmakaṃ 74, 75, 105, 110
 asmākam 20, 21, 25, 26, 119
 asmākam 65, 67, 74, 75
 asmāku 25, 26
 asmamata 46
 asmān 20
 asmāsu 27
 asmatkṛte 87
 asme 19, 20, 23, 27, 28, 63, 65, 67, 105, 144
 asmeḡi 68, 74, 77, 110
 asmeḡim 68
 asmeḡiti 45
 asmi 18, 19
 assām 105, 110, 128
 asse 104
 āsse 105
 assīm 105, 107
 asya 144
 atimābhiḥ 47
 atimabhyam 47
 atimābhyām 47
 atimahyam 47
 atimākam 48
 atimām 47
 atimama 47
 atimān 47
 atimāsu 48
 atimat 48
 atimayā 47
 atimayi 47
 atimayoḡ 47
 atitava 47
 atitubhyam 47
 atitvābhiḥ 47
 atitvabhyam 47
 atitvābhyām 47
 atitvākam 48
 atitvam 47
 atitvām 47
 atitvān 47
 atitvāsu 48
 atitvat 48
 atitvayā 47
 atitvayi 47
 atitvayoḡ 47
 ativayam 47
 atiyuṣmābhiḥ 47
 atiyuṣmabhyam 47
 atiyuṣmābhyām 47
 atiyuṣmākam 48
 atiyuṣmām 47
 atiyuṣmān 47
 atiyuṣmāsu 48
 atiyuṣmat 48
 atiyuṣmayā 47
 atiyuṣmayi 47
 atiyuṣmayoḡ 47
 atiyuvābhiḥ 47
 atiyuvabhyam 47
 atiyuvābhyām 47
 atiyuvākam 48
 atiyuvām 47
 atiyuvān 47
 atiyuvāsu 48
 atiyuvat 48
 atiyuvayā 47
 atiyuvayi 47
 atiyuvayoḡ 47
 atiyūyam 47
 atyaham 47
 atyasmābhiḥ 47
 atyasmabhyam 47
 atyasmabhyām 47
 atyasmākam 48
 atyasmām 47
 atyasmān 47
 atyasmāsu 48
 atyasmāt 48
 atyasmayā 47
 atyasmayi 47
 atyasmayoḡ 47
 atyāvābhiḥ 47
 atyāvabhyam 47
 atyāvābhyām 47
 atyāvākam 48
 atyāvām 47
 atyāvān 47
 atyāvāsu 48
 atyāvat 48
 atyāvayā 47
 atyāvayi 47
 atyāvayoḡ 47
 aum 91
 āum 91
 ā-va- 35
 ava 53
 avābhyam 21, 23, 24
 āvad 24
 āvam 19, 40
 āvām 19, 20, 40
 āvayoḡ(s) 25, 27
 ave 112
 avhām 117
 avhem 111
 avhīm 111
 avīm 111
 ayam 144
 ayañ janaḡ 52
 aysu 58
 azəm 58

- bhagavat 88, 149
 bhanto 79
 bhatta 88
 bhaṭṭa 88
 bhavaā 88
 bhavadā 88
 bhavado 88
 bhavaṃ 88
 bhavān 50
 bhavantaṃ 88
 bhavanto 88
 bhavat 50, 51, 87, 88, 149
 bhavati 51
 bhavatī 50
 bhavao 88
 bhavatā 88
 bhavato 88
 bhe 63, 85
 bhonto 88
 bhotā 88
 bhoto 88
 dahi 74, 75, 82
 de 85
 eṣa 52
 etad 52
 etāsām 76
 eteṣām 76
 ha- 81
 ha 57
 hage 57, 59, 61, 63
 hagga- 81
 hagge 57, 59, 61
 haka- 81
 hakaṃ 57, 59—61
 hake 59
 ham 95, 106, 108—111, 114, 127
 haṃ 57, 60
 hama 109, 111
 hamā 109
 hāmā 122
 hamaṃ 108, 118
 haman 111
 hamāra 87
 hamārā 129
 hamāre 129
 hamārī 129
 hame 109, 116
 hame-hon 109
 hameṃ 108, 118
 hamh 107
 hāmi 109
 hāmiharu 109
 hamiyāye 68, 108
 hamnī 109, 127
 hamoṃ 108, 127
 hamrā 124
 hamu 107, 108
 hamuṃ 107, 108
 hāmv 92, 99
 hasāḍa 132
 hassīm 107
 haū- 81
 haūṃ 57, 59, 91, 95, 99
 haum 91, 92
 hāveṃ 99
 hu 57, 58
 huṃ 91, 95, 125
 hūṃ 91
 ma- 35, 81
 ma 97, 98
 mā- 125
 mā 44
 mā 128
 maa 74, 75
 maai 69
 mad 24, 31
 mādṛś 46
 mādṛśa 46
 madz 121, 126
 mae 68, 69, 84, 93, 95
 maena 68
 maha 74, 75, 125
 mahāḍa 131
 maham 65, 74, 75
 mahammi 78
 mahasu 78
 mahesu 78
 mahi 74, 75
 māhrā 131
 mahu 74, 75
 mahya 23, 25, 27
 mahyam 20, 21, 23, 25, 27
 mai 98
 māi 69, 77, 93, 94
 maibya 23
 maidḍa 131
 maiṃ 92, 93, 97, 98, 128, 140
 māiṃ 65, 68, 69, 77, 92, 131
 māiṃ 97
 majjha 74, 76
 majjham 74, 76
 majjhammi 78
 majjhasu 78
 majjhesu 78
 majjhu 74, 76, 126
 *maka 75
 maṃ 65, 96
 māṃ 102, 128
 māṃ 142
 mām 20, 65
 mama- 35, 81
 mama 20, 21, 31, 57, 58, 62, 68, 71, 73, 74, 84, 95, 102
 mamā 25, 73, 74
 mamae 69
 mamāhipto 70, 72
 mamāi 69
 mamaka 26, 75
 mamaṃ 65, 73, 74
 mamammi 77
 mamāo 70, 71
 mamasu 78
 amat 25
 *māmātāsā 30

- mamate 71
 mamato 70, 71
 mamayā 68, 69
 mamāye 68
 māṃdā 131
 mamesu 78
 mamīm 65
 mamiyā 68
 mamiyāye 68
 maṃma 74
 māmpaśyā 45
 mana 97
 māro 126, 131
 *masya 75
 matsamadhātu 46
 mattaḥ(s) 24
 mauṃ 97
 māvat 46
 maya- 81
 maya 68
 mayā 21, 22, 68, 69, 95
 mayam 57, 63
 maye 21, 22, 63
 mayham 74, 76
 mayi 21, 22, 27, 93
 me 44, 85, 93, 96
 meḍā 131
 meīm 97
 meṃ 93, 95, 96
 merā 129, 130
 merau 130
 merī 129, 130
 mero 130
 mhā 126
 mh ṃ 126
 mhaiṃ 96
 mhārā 131
 mhāro 131
 mhem 96
 mī 93
 mīm 93, 97
 min 128
 *mmātsā ← māmātāsā 31
- mmi 60
 mo 121, 122
 moḍāveṃ 97
 moem 97
 moh 122
 mohi 118, 122
 mok 123
 moke 123
 momananka 124
 morā 121, 122
 mu- 81
 mu 94
 mudharma 46
 muha 74, 75
 muhi 118
 mut 94, 105, 121
 muj 126
 mujh 119, 121, 126
 mujha 119
 mujhe 118
 mujjha 74, 76, 126
 mujjham 74, 76
 mūṃ 96, 97, 120, 128, 129, 142
 mvah 122
 myā 97, 103
 naḥ(s) 44
 nau 44,
 ṇe 85
 no 85
 ṇo 85
 pa- 81, 82
 paīm 65, 66, 69, 77
 pāṇ 110
 sa 52, 53
 sāḍā 132
 sādḍā 132, 133
 saī 134
 sāra 132
 ses 39
 smes 38, 39
 su. hṛā 133, 134
 sumel 29
- sumetaz 29
 ta- 81, 82, 125
 tā 128
 tad 39, 52
 tae 69
 tahām 117
 tahi 74, 75
 tahīm 111
 tai 68, 69, 77
 taibya = tubhya 23
 taidḍā 131
 taim 101, 103, 128
 taiṃ 57, 62, 65, 69, 77, 103, 131
 taiṃ 103
 tam 114, 126
 tam 57, 61, 65
 tāma 61
 tamām 116
 tamāro 126
 tame 116, 132
 tāṃdā 131
 *tamhe 116
 tamō 116
 tamom 116
 tāro 126, 131
 tāsām 39, 76
 tasmai 39
 tasya 39
 tasyai 39
 tatto 70, 71
 tāū 74, 75
 tava 20, 21, 25, 31, 74, 102
 tavā 25
 tavaka 75
 tavam 74
 tāvat 61
 *tāvātāsā 30
 tavīm 111
 tavhām 116, 117
 tavhīm 111
 tavā 68

- tayi 77
 te 44, 71, 85
 teḍā 131
 tehi 74
 teṃ 97, 103
 terā 130
 terau 130
 tero 130
 teṣām 39, 76
 thā 126
 thaiṃ 103
 thām 126
 thāme 117
 thane 103
 thāro 131
 them 103
 thu 57, 62
 ti 128
 tī 102
 tiium 41
 tīm 103
 tima- 81, 82
 timaiṃ 68, 69, 116
 timi 116
 tiu 41
 to 74, 75, 102, 122
 toeṃ 103
 toder 129
 todigke 124
 todigoke 124
 toh 122
 tohāḍā 132
 tohāra 87
 tohi 118
 tōhōt 115
 tohrā 131
 tok 123
 toke 123
 toṃ 101
 tomā- 122
 tomāder 124, 129
 tomādiger 124, 129
 tomādigke 124
 tomādigoke 124
 tomāk 123
 tomāke 123
 tomananka 124
 tomānne 115
 tomār 129
 toṃh 101, 115
 tomnī 127
 tomolāk 115, 124
 tomrā 101, 114, 124
 tonne 115
 topa- 125
 topi 115
 tor 129
 torā 101, 114
 tōy 101, 115
 tsaī 134
 tsaii 134
 tu- 81, 82
 tu 57, 101
 tū 100, 101, 104
 tuam = tvam 19
 tubbha- 81
 tubbha 74
 tubbhaṃ 73, 74
 tubbhammi 78
 tubbhe 57, 64, 68, 70,
 73, 85
 tubbhehiṃ 68
 tubhya 23, 25, 27
 tubhyam 20, 21, 23, 25,
 27, 70, 76
 tubhyamhi 68, 70
 tuddh 103
 tudh 103
 tudhra 74, 79, 103
 tudz 126
 tue 68
 tūeṃ 116
 tuha- 81
 tuha 74—76, 102, 125
 tuhāḍā 131, 132
 tuhāḍḍā 132
 tuhaṃ 57, 61, 65, 74
 tuhammi 78
 tuhārā 131
 tuhesu 78
 tuhīnām 145
 tuhu 57, 62
 tuhuṃ 57, 61
 *tuhya 75
 tuhyaṃ 74, 76
 tui 68, 69, 77, 94, 101,
 115
 tuiṃ 102
 tuij 126
 tuij 118, 121, 126
 tuijhe 118
 tuijha 74, 76, 79
 tuijjaha 74, 76
 tuijjhaṃ 74, 76
 tuijjhammi 78
 tuijjhisuṃ 78
 tuijhu 74, 76, 126
 tum 114
 tum 57, 61, 100
 tūṃ 99, 100, 102, 128,
 140
 tuma- 81
 tuma 73, 74
 tumā 122
 tumaē 68, 69
 tumāe 68, 69
 tumāhi 70, 72
 tumāhiṃto 70, 72
 tumaho 74, 76
 tumahu 74, 76
 tumāi 68, 69
 tumam 57, 61, 65, 74,
 100
 tumammi 77
 tumāo 70, 71
 tumamsi 77
 tumbha 122
 tumbhe 101, 115
 tumbhemananka 124

- tumbhemanāṅkara 124
 tumbhemāne 115
 tumbhisuṃ 78
 tume 61, 67, 68, 69, 77, 103
 tumehiṃ 68, 70
 tumem 116
 tumesu 78
 tumha- 81
 tumha 74, 86
 tumhaham 72, 74, 76, 80
 tumhakaṃ 65, 67, 74, 75, 126
 tumhakera 87
 tumham 73, 74, 77, 80
 tumham 126
 tumhammi 78
 tumhāṇam 74, 76
 tumhaiṃ 118
 tumhāra 87
 tumhārā 133
 tumhārau 133
 tumhārisa 87
 tumhāro 133
 tumharyau 133
 tumhasu 78
 tumhāsu 78
 tumhe 57, 64, 101, 113—115
 tumhehi 68
 tumhehiṃ 68, 116
 tumhesu 77, 78
 tumhi 57
 tumhī 116
 tumi 101, 114, 115
 tumiṃ 116
 tumma 74, 77
 tummāne 115
 tummi 78
 tumom 127
 tūmom 117
 tumpha 64
 tūna 103
 tuo 57, 62, 74, 75
 tupha- 81
 tupha 115
 tupaḥkaṃ 74, 75
 tuphe 57, 64, 115
 tuphehi 68
 tupheni 65
 tuphesu 77
 *tuppha 64
 tus 85, 112, 113, 133
 tuṣa 73, 74
 tusā 128
 tusāḍa 132
 tusāḥrā 133
 tusāṃ 117
 tusārā 132
 tuseiṃ 117
 tuseṃ 117
 tusī 113
 tusiṃ 113
 tusma- 81
 tusmahu 74, 76
 tusmaḡa 74, 75
 tusmakam 74, 75, 113
 *tusme 113
 tuḡme 25, 27
 *tusmehi 113
 *tusmehiṃ 117
 tuṣphe 57, 64
 tuṣphehi 68
 tussāṃ 113, 117, 128
 tusse 113
 tussiṃ 113
 tusu 78
 tusya 74, 75
 tuva- 81, 82
 tuvaṃ 19, 57, 61, 63, 65
 tuvammi 78
 tuvatto 70, 71
 tuvem 103
 tuvesu 78
 tuvi 77
 tuyham 74, 76
 tva- 35
 tvā 21, 22, 44, 103
 tvad 24, 31
 tvah 122
 *tvaka 75
 *tvakam 61
 tvam 19, 46, 60
 tvaṃ 57, 60—62
 tvām 20
 tvamīdṛṣa 46
 tvamsādṛṣaka 46
 *tvasya 75
 tvatpitṛ 46
 *tvātsā ← tāvātāsā 31
 tvattaḥ(s) 24
 tvayā 20, 21
 tvayatta 46
 tvaye 21, 22
 tvayi 20, 21, 27, 77
 tve 27
 tvi 104
 twel 29
 twetaz 29
 tyā 52, 53
 tyā 103
 umba 102, 112
 us 134
 vaa- 81
 vaam 57, 62
 vaḥ(s) 44, 85
 vām 19, 44
 va-ya- 35, 81
 vaḡa- 81
 vayam 19, 51, 62, 63, 104
 vyaṃ 57, 62
 vaḡam 57, 62
 vayu 57, 62
 ve 85
 veyā- 81
 veyā 57
 veyam 57
 vo 85

yah 134	yuṣmāka 26	yuvad 24
yumhātisa 86	yuṣmākam 19—21, 25,	yuvādatta 22
yu-ṣma- 35	26	yuvākam 26
yuṣmā 22	yuṣmān 20	yuvāku 25, 26
yuṣmābhiḥ(s) 21, 22	yuṣmāsu 27	yuvam 19
yuṣmabhyam 23	yuṣme 19—21, 27, 67, 70	yuvām 19, 20
yuṣmad 24	yuṣmota 46	yuvayoḥ(s) 25—27
yuṣmādatta 22	yu-va- 35	yuvoḥ(s) 26
yuṣmādṛṣa 86	yuvā 22	yū-ya- 35
yuṣmāḥ(s) 20	yuvabhyām 21, 22	yūyam 19—21
*yuṣmaiḥ(s) 22	yuvābhyām 21—23	zek 41

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Альдсдорф Л. (Alsdorf L.) 16, 80
 Апте В. (Apte V. Sh.) 9, 52
 Айангар А. Н. К. (Aiyangar A. N. K.) 12
- Бенвенист Э. (Benveniste E.) 28, 38
 Бётлингк О. (Böhtlingk Otto) 6, 48, 50
 Баранников А. П. 4, 5, 24, 36, 90
 Барроу Т. (Burrow T.) 12
 Бимс Дж. (Beames J.) 4, 5, 16, 79, 96, 100, 107
 Блок Ж. (Bloch J.) 4, 5, 12, 16, 25, 26, 68, 93, 103, 107
 Бопп Ф. (Bopp F.) 7
 Боргстрём К. (Borgstroem C.) 30, 31
 Буайе А. М. (Boyer A. M.) 12, 57, 58
 Буддхаппия Дипамкара (Buddhap-piṇa Dīpaṃkara) 10
 Бюлер Г. (Bühler G.) 71
- Вакернагель Я. (Wackernagel J.) 9
 Вараручи Катьяяна (Vararuci Ka-tyaṇa) (V—IV вв. до н. э.) 7
 Вараручи Катьяяна (Vararuci Ka-tyaṇa) (I тыс. н. э.) 5, 14, 60
 Дхирендра Варма (Dhīreṇdra Varmā) 16
 Вилькинс Ч. (Wilkins Ch.) 7
 Винтерниц М. (Winternitz M.) 7
 Витней В. Д. (Whitney W. D.) 9
- Вульнер А. (Woolner A. C.) 12, 45, 69
- Гайгер В. (Geiger W.) 11, 102, 125
 Гонда Дж. (Gonda J.) 43
 Грей Л. (Gray L.) 83
 Гандхи Л. Бх. (Gandhi L. Bh.) 41
 Грирсон Дж. А. (Grierson G. A.) 4, 5, 16, 37, 90, 120
- Дельбрюк Б. (Delbrück B.) 9, 43
- Зильва Викремасингхе, М. де (M. de Zilva Wiekremasinghe) 15
- Какати Баниканта (Kakati Bani-kanta) 16
 Калидаса (Kālidāsa) 45, 51, 89
 Кальянов В. И. 53
 Канакамара (Kanakāmara) 70
 Каччаяна (Kaccāyana) 10
 Кейпер Ф. Б. (Kuiper F. B.) 22
 Кейт А. Б. (Keith A. B.) 44
 Керн Х. (Kern H.) 71
 Кильхорн Ф. (Kielhorn F.) 6, 7
 Кноблех И. (Knobloch J.) 39
 Стен Конов (Sten Konow) 12
 Коуэлл Э. Б. (Cowell E. B.) 14
 Крамадишвара (Kramadīśvara) 60, 108
- Лассен Х. (Lassen Ch.) 15
 Лерх П. И. 8, 43

- Либерт Г. (Liebert G.) 44
 Людерс Х. (Lüders H.) 12, 13, 59, 71
 Майкльсон Т. (Michelson T.) 44
 Макдонелл А. (Macdonell A. A.) 9
 Маркандея (M rkaṇḍeya) 59, 78, 108
 Мейе А. (Meillet A.) 23
 Мехендале М. А. (Mehendale M. A.) 12, 13
 Милевский Т. (Milewski T.) 29
 Минаев И. П. 10, 11
 Моггалана-Тхера (Moggalāna-Thera) 11
 Мэттьюс В. К. (Matthews W. K.) 96
 Мюллер М. (Müller M.) 42
 Навалькар О. Х. (Navalkar O. H.) 97, 121
 Нобль П. С. (Noble P. S.) 12, 57, 58
 Ольденбург С. Ф. 12
 Панини (Pāṇini) 6, 7
 Патанджали (Patanjali) 6, 7
 Петерсен В. (Petersen W.) 41
 Пишель Р. (Pischel R.) 14—16, 59—61, 86, 144
 Раджанак Руюка (Rājānaka Ruuyaka) 19
 Рамашарматаркавагиша (Rāmaśar-matarkavagīṣa) 108
 Рапсон Э. Дж. (Rapson E. J.) 12, 57, 58
 Сен С. (Sen S.) 15
 Сенар Э. (Senart E.) 10, 12, 57, 58, 71, 82
 Сринивасамурти (Srinivasamurti) 12
 Стартевант Э. Х. (Sturtevant E. H.) 29, 30, 38
 Тагаре Г. В. (Tagare G. V.) 16, 70
 Трумпф Э. (Trumpp E.) 16, 96, 120, 136, 138, 143, 144, 146
 Франке О. (Franke O.) 11, 13
 Хемачандра (Hemacandra) 5, 14, 59, 79
 Хёрнле Р. (Hoernle R.) 4, 5, 15, 16, 79, 99, 100
 Хольцманн А. (Holzmann A.) 9
 Хульцш Э. В. (Hultzsch E. W.) 12, 71
 Чанда (Caṇḍa) 15
 Чаттерджи С. К. (Chatterji S. K.) 16, 94
 Шантидева (Śāntideva) 46, 52
 Шварцшильд Л. А. (Schwarzschild L. A.) 87
 Шерцль В. И. 8, 9, 43
 Шмидт Р. (Schmidt R.) 15
 Шпайер И. С. (Speyer J. S.) 9, 43, 51, 53
 Эджертон Ф. (Edgerton F.) 9
 Якоби Г. (Jacobi H.) 15, 19, 84, 86

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
В. С. Воробьев-Десятовский	III
Введение	3
Глава I. Личные местоимения в ведическом языке и санскрите . .	18
Глава II. Личные местоимения в среднеиндийских языках	54
Глава III. Личные местоимения в новоиндийских языках	90
Заключение	147
Приложения	156
Список современных индоарийских языков и их основных диа-	
лектов по Дж. А. Гирсону	156
Указатель форм местоимений	159
Указатель имен	166

*Утверждено к печати
Институтом Востоковедения Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства А. П. Конаков

Технический редактор А. А. Кирнарская. Корректоры А. И. Бартулева и Л. А. Ратнер

*

РИСО АН СССР № 81—79В. Подписано к печати 31/VIII 1956 г. М-30466. Бумага 60×92¹/₁₆.
Бум. л. 5³/₈. Печ. л. 10³/₄. Уч.-изд. л. 9,20 + 1 вкл. (0,03 уч.-изд. л.). Тираж 2000.

Заказ 639. Цена 5 р. 55 к.

1-я типография Издательства АН СССР, Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12.

О П Е Ч А Т К И

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
17	Согласные, 4-й столбец	rh;	ṛh;
57	Табл. 14, 1-й столбец	ahāyam	ahāyam
60	4 снизу	-aḥ	-aḥ
65	Табл. 15, 1-й столбец	mamim	mamim
67	9 снизу	asmākām	asmākām
74	Табл. 18, 3-й столбец	t sa	tuṣa
82	3 снизу	atman	ātman
94	12 сверху	диалект	диалект,
95	17 "	haūm,	haūm,
97	2 "	пигвали,	пангвали,
107	14 снизу	assim	assim
109	6 сверху	hami	hāmi
109	1 снизу	hami-haru.	hāmi-haru.
116	4 сверху	канкани	конкани
116	23 "	tamām	tamām
131	5 "	māmda	māmda
132	3 "	sadda	sadda
134	9 "	suāhṛa	suāhṛa
156	9 "	Чунбхали	Чибхали
162	1-й столбец, 9 снизу	mh m	mhām

В. С. Воробьев-Десятовский. Развитие личных местоимений в индоарийских языках.

